



УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

6
1965

УРАЛЬСКИЙ Следыт



ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
О ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БИВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следытские
ДЕЛА



Я. М. СВЕРДЛОВ

К 80-летию со дня рождения

ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕМ



Первые я встретился с Яковом Михайловичем Свердловым в Уфе в начале 1906 года, когда организовывал боевые дружины. Мы с братом Иваном по поручению Уфимского комитета партии реорганизовали возникшую после III съезда «рабочую милицию» и развернули сеть боевых дружин при партийных комитетах РСДРП(б) на уральских заводах. Совместно с Иваном и другим моим братом — Михаилом, был написан «Устав боевых организаций народного вооружения».

Получив сообщение о встрече на конспиративной квартире с товарищем Андреем, членом областного комитета Урала и представителем ЦК партии, мы догадались, о чем пойдет речь, и с нетерпением ожидали назначенного дня.

Андрей (такую партийную кличку носил Я. М. Свердлов) оказался совсем молодым товарищем. Он внимательно оглядел нас и стал расспрашивать. Его

интересовало, знаем ли мы о решениях III съезда партии и о подготовке вооруженного восстания и как выполняем эти решения.

Мы рассказали, как готовимся к вооруженному восстанию, познакомили с принципом и структурой боевых дружин.

Яков Михайлович слушал с большим интересом. Узнав, что я получил военное образование, выразил большое удовлетворение. Я рассказал, что еще в 1900 году во время встречи в Уфе Ленин настоятельно советовал мне полнее использовать свои военные знания, чтобы возможно было стать, как он выразился, «революционным генералом». Об этом я никогда не забывал¹. Я окончил Павловское военное училище, изучал труды марксистов по военным вопросам и знакомился с историей вооруженных восстаний. Служа офицером, постарался попасть в учебную команду полка, чтобы

¹ О встрече Э. С. Кадомцева с В. И. Лениным читайте в очерке Ю. Узикова «На башкирской земле» («Уральский следопыт» № 4 за 1965 год).

овладеть практикой военного обучения. Во время русско-японской войны получил боевое крещение в действующей армии, тогда же приобрел опыт подготовки солдатских восстаний.

Весь вечер проговорили мы со Свердловым. Запомнились острый ум, практическая цепкость мысли Якова Михайловича и его глубокая убежденность. Мы нашли в нем помощника в вопросах подготовки вооруженных восстаний.

В боевых организациях мы видели не средство самозащиты, а средство наступления на старый строй с целью его уничтожения; не сводили боевое дело к узкотехнической задаче добывания оружия, готовили широкие массы молодежи к грядущим революционным боям; обучая их военному делу, воспитывали сознательных революционеров-марксистов, организаторов масс. Все это было полностью одобрено Свердловым. Понравилось ему также и то, что обучение мы ведем, как учил Ленин, на немедленных операциях, на участии в партизанской борьбе.

Яков Михайлович утвердил наш Устав от имени обкома партии и нас, трех братьев Кадомцевых, поставил во главе дружин Урала. Это было подтверждено на состоявшейся вскоре Уральской партийной конференции. По предложению Свердлова конференция приняла решение об организации боевых дружин при всех комитетах партии, а также о создании общеуральской боевой организации, руководство которой возлагалось на нас. Нам было поручено перестроить все уральские дружины в соответствии с нашим Уставом, который был утвержден на этой конференции и признан обязательным для всего Урала. Дружины рассматривались как основа будущей повстанческой армии.

После конференции нам уже не довелось лично встречаться с этим замечательным человеком и революционером. Однако оказалось, что Яков Михайлович не забыл о нас. Очевидно, по его докладу в марте месяце 1906 года меня вызвали в Питер к Владимиру Ильичу. Здесь я был введен в Военно-боевой центр при Центральном Комитете партии и получил задачу перестроить Петербургские военно-боевые организации по уральскому образцу.

В конце года, в ноябре, по инициативе уральцев была созвана Первая все-российская конференция военно-боевых организаций. Созыв этой конференции, как писал Ярославский, приветствовал Ленин и защищал нас от нападок меньшевиков. Владимир Ильич посвятил конференции специальную статью и настоятельно советовал изучать ее решения.

Яков Михайлович не мог принять участие в работе, так как был арестован. Но протоколы конференции проникли в тюрьму. К. Т. Свердлова (Новгородцева) писала: «Большую радость всем нам доставили вызвавшие огромный интерес протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП. Эту книжку, как и ряд других запретных изданий, удалось пронести в камеру мне, а затем уже, разорвав на отдельные тетради, переправить Якову Михайловичу».

Зимой 1907 года состоялась Уральская партийная конференция, на которой проводились выборы на V съезд РСДРП. Как свидетельствует Лядов, «на Урале тогда была мощная пролетарская организация, которая пустила глубокие корни в самые широкие рабочие массы. Весь состав работников, участвовавших в конференции, за очень немногим исключением, был твердокаменным большевистским, который очень хорошо знал, на что идет. Это были товарищи, которые в любой момент могли превратиться из организаторов, пропагандистов и агитаторов в дружинников-боевиков».

На этой конференции стоял вопрос и о боевых дружинах. Представители с мест докладывали о проведенной реорганизации. Полным ходом шло военное обучение, заготовлялось оружие. Уральский пролетариат в любой момент готов был начать массовое вооруженное восстание.

Как обидно, что Яков Михайлович не смог присутствовать на этой конференции. Ведь боевые организации были нашим общим детищем.

Наступила реакция. Начались массовые аресты. Я был схвачен и сослан в Сибирь. Военно-боевую работу по указанию Ленина пришлось временно свернуть.

Э. С. КАДОМЦЕВ, член КПСС с 1901 года

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ



не было тогда 14 лет, но бурные революционные события, образ замечательного большевика Якова Михайловича Свердлова запечатлелись в памяти очень ярко.

1 Мая 1905 года в городе Екатеринбурге ознаменовалось демонстрациями и митингами. Повсюду слышалось слово «требования».

Обстановка накалялась. 3 мая забастовали рабочие спичечной фабрики Логинова.

6 мая, под вечер, со стороны Плешивой горы по Обсерваторской (теперь улица Бажова) в сторону Главного проспекта (ныне проспект Ленина) мимо нашего дома прошла группа рабочих — человек 40—50 — с красным флагом. Среди них было много женщин. Это шли рабочие льнопрядильной фабрики Макарова. Я выскочил из дому и догнал колонну. Среди рабочих выделялся высокий мужчина в черной косоворотке. Он запевал то «Дубинушку», то «Смело, товарищи, в ногу», проходил по рядам и дирижировал.

На Главном проспекте колонна повернула к плотине. Но солдаты, перегородившие улицу, демонстрантов не пустили. Колонна повернула на Кузнечную, обошла несколько кварталов, снова вышла на Главный проспект. Вскоре она достигла площади Кафедральной (теперь площадь 1905 года). Здесь уже собралось много народу. Состоялся митинг. Потом собравшиеся с песнями дошли до Московской улицы, где встретились с верхисетскими рабочими.

7 мая вспыхнула забастовка на Верх-Исетском заводе. Город наполнился войсками.

26 сентября в Екатеринбург приехал Яков Михайлович. И работа сразу оживилась. Свердлов как бы влил в организацию екатеринбургских большевиков новые силы.

17 октября царь издал манифест, обещающая трудящимся свободу слова, собрания и т. п. Этим воспользовались екатеринбургские большевики. Кроме собра-

ний и митингов, на предприятиях проводились митинги общегородские. Они проходили в городском театре (теперь кинотеатр «Октябрь»), в Верх-Исетском народном доме (стоял на нынешней площади Уральских коммунаров), в музыкальном училище.

Когда выбирали председателя собрания, со всех сторон слышалось:

— Андрея!

— Андрея!

С красивыми волнистыми черными волосами, среднего роста, в пенсне, чаще всего в черной косоворотке, Яков Михайлович занимал председательское место и громовым голосом объявлял:

— Слово предоставляется товарищу...

Бурные события происходили в городе 19 октября. Рабочие устремились на Кафедральную площадь. Оставили занятия учащиеся средних учебных заведений. Наше 1-е городское училище пришло на площадь вместе с колонной учеников Уральского горного училища. Вслед за нами шагала с красным флагом колонна учеников Художественной школы.

Неожиданно с Уктусской улицы (теперь улица 8 Марта) с кольями и палками появилась разъяренная толпа мясников, лавочников. Черносотенцы набросились на участников митинга, завязалась драка. Первой жертвой стал подросток Иванов, несший знамя, на котором было написано: «Да здравствует демократическая республика!». Был убит репортер газеты «Уральская жизнь» Соловьев. Многие из учащихся получили ранения.

Для отпора черносотенцам Екатеринбургский комитет РСДРП сформировал боевые дружины. Первую из них возглавил Федор Сыромолотов.

Весь ноябрь город бурлил. Ежедневно проводилось по два общегородских митинга. Яков Михайлович успевал бывать на каждом.

Запомнился мне проходивший 14 ноября в городском театре митинг мещан, созданный управой с приглашением ораторов для разъяснения манифеста.

Здесь особенно ярко проявились сила логики и обаяние Якова Михайловича как оратора. Несмотря на то, что перед ним сидели люди, среди которых было много сторонников черносотенного «Союза русского народа», Свердлов так убедительно говорил о свержении самодержавия, созывая Учредительного собрания, что на возглас: «Долой самодержавие!» зал ответил шумными рукоплесканиями.

Обращаясь к собравшимся, Яков Михайлович сказал:

— Предлагаю резолюцию, которую необходимо сейчас же послать председателю кабинета министров графу Витте: «Ввиду того, что Государственная Дума составляется не на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, что в ней, таким образом, крупная буржуазия получает власть, что в ней даны учредительные обязанности и что буржуазия не может употребить свою власть в пользу народа, мы, собравшиеся на митинге 14 ноября 1905 года, считаем необходимым заявить, что лишь Учредительное Собрание, основанное на всеобщей, равной, прямой и тайной подаче голосов, является действительным выразителем интересов всего народа. Собрание требует полной амнистии по делам политическим и религиозным».

Раздались голоса:

— Прочитайте резолюцию снова!

Свердлов читает.

Голосуют все, кроме троих.

16 ноября на рабочем митинге в Верх-Исетском народном доме Свердлов объявил о создании в Екатеринбургском Совета рабочих депутатов.

В борьбу против самодержавия включались все новые и новые силы.

Кроме Свердлова, на собраниях и митингах выступали члены Екатеринбургского комитета — Авейде, Чуцкаев, Сыромолотов, Бушен, Павел Кин (заместитель председателя Совета рабочих депутатов). Каждый из них брал какой-нибудь один вопрос — о 8-часовом рабочем дне, о женском труде, о налогах и т. д. Основной вывод был: без демократической республики добиться всего этого нельзя.

Наряду с социал-демократами, митинги устраивали и эсеры. Но пропаганда эсеров, их «забота» о народе в устах Стрижева и Тарасова (оба — сыновья

екатеринбургских золотопромышленников) была малоубедительна.

Контрреволюция усилила наступление. 23 ноября газеты сообщили об аресте Исполнительного Комитета Екатеринбургского Совета рабочих депутатов.

Буржуазия создала свою партию (кадеты).

26 ноября в зале Маклецкого с докладом о партии кадетов выступил Кроль. Суть его доклада сводилась к нападкам на революцию. Социалисты, говорил он, прилагают все усилия к тому, чтобы затянуть революцию требованием Учредительного собрания и демократической республики. Они не могут не сознавать, что демократическая республика в России неосуществима, что в крайнем случае могла бы осуществиться республика буржуазная.

Свердлов подверг Кроля уничтожающей критике. Даже кадет Хволос вынужден был признать достоинства Якова Михайловича как оратора. Хволос писал в газете «Урал»: «Товарищ Андрей, обладая прекрасной дикцией и необычайно сильными голосовыми средствами, вполне удовлетворяет всем требованиям народного трибуна. Речь его громкая и отчетливая, а произносится с большим пафосом и одушевлением. Он, бесспорно, способен своей искренностью и убежденностью увлечь и наэлектризовать толпу, так как он действует исключительно на воображение и на нервы своим мастерским умением с первого слова вдохновиться, и эта проникновенность тона звучит у него могуче до последнего слова...»

16 декабря в Верх-Исетском народном доме прошел митинг. Выступало 10 ораторов. В принятой резолюции говорилось о немедленном созыве учредительного собрания, избранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Пермскому губернатору была послана телеграмма с требованием освободить арестованных членов железнодорожного комитета к 12 часам следующего дня.

28 декабря Екатеринбургский уезд был объявлен на чрезвычайном положении. Начались повальные обыски и массовые аресты.

В этой сложной обстановке Яков Михайлович продолжал руководить Екатеринбургской партийной организацией. В декабре он как делегат уральских

большевиков выезжал в Финляндию, в Таммерфорс, где участвовал в работе первой большевистской конференции, а с января 1906 года стал во главе Пермской и Мотовилихинской партийных организаций.

В феврале 1906 года Яков Михайлович руководил работой Второй Уральской областной партийной конференции, проходившей в Екатеринбурге, и был избран в состав областного комитета.

А. ПАРАМОНОВ, член КПСС с 1907 года

ЯКОП

Рассказ старого кета



Мы плывем по Енисею. Плоские берега затянуты легкой дымкой; к самой воде подступили синие ели. То и дело на пути попадаются песчаные косы. Не успеешь миновать одну, как появляется другая, похожая на гигантского золотистого карася.

В лодке, кроме меня,—еще двое: сынишка Олег и бригадир рыболовецкого колхоза Никифор Ламбин. Ламбин попыхивает черемуховой трубкой и ведет неторопливый рассказ.

...Давненько это было. Тогда о нашей-то жисти тутошние людишки и не думали. Куда там!.. Об одном пеклись: лишь бы не помереть с голоду. Да-а...

Русские в каких ни на есть избенках вековали, а мы, остяки енисейские, в дырявых да прокопченных чумишках ютились. Летом в них еще туда-сюда, терпимо, зимой же —хоть караул кричи. Холодно!.. Однако мирились. Кому скажешь? Кому пожалуешься?.. Прибежит иной к купцу, взвоят от голода:

— Пропадаю, парнишка!..

Богатей скривит рожу, захихикает. Глаз совсем не видно — жиром заплыли. Послушает-послушает, как остяк причитает, и отрежет:

— Много вас, дикарей, по свету бродит. Пше-ел!

Упадет бедняга перед ним на колени, чуть ноги не лижет.

— Помоги-и... Ради бо-оженки-и...

— Ну, если во славу божию, так и

быть,—хитрит купец.— А пушника-то есть?

Так вот и жили. Даже вспомнить жутко...

Был я тогда совсем маленьким: от земли вершок, черный, как горшок. Чужих страшился, своих сторонился, все казались мне злыми. Тайги тоже боялся. И неба. И зверей. Бывалоча, заполосуют молнии, ударит гром, зареюсь я в тряпье с головой и дрожу, как очумелый. Или ночью, тятка с мамкой еще на охоте, а мы, ребятишки,—одни. Прислушаешься, будто бродит кто-то по тайге, скрипит лесинами, хрустит сучьями, и ждешь: вот-вот сунет он корявую лапу в чум, схватит тебя за шиворот и унесет за тридевять земель.

У отца было нас пятеро. Мал мала меньше. С весны до осени в тальниках или на песке дни проводили. Допекут комары али мошка —лезли в воду.



А стемнеет — дымокурили. Дым от сырых гнилушек дыхание перехватывает, глаза разъедает, однако спасает от гнуса.

Тяпка всегда ставил чумище в одном и том же месте, ниже Курейки. Кругом кустарники, затишь; неподалеку озеро, на нем дичь водилась: рядом Енисей. Отец рыбачил, мать либо унты бисерила, либо еду варила. Мы и не знали, когда они спят. И то сказать: прокормить семь ртов, да дюжину собак — разве легкое дело?

Хорошо помню одну осень. Подула верховка, нагнала туч, будто пастух оленей. Енисей побурел, вспенился. И трудно было понять, река ли то шумит или тальник. Отец вышел из чума, посмотрел молча по сторонам, потом вернулся и наказал матери собираться в тайгу. А сам взял мешки и ушел в деревню. Возвратился за полночь. Был веселый, пел, смеялся. Рассказывал:

— Пошто купец добрый сделался? Весной мука не давал, сичас — что хошь бери. Без деньги дает, — и загибал на руке пальцы. — Провиянт дал, табак, соль дал, сахар, спички дал. Все дал. Хэ! То беда худой, то шибко добрый!..

Утром повалил снег, мягкий, как пух.

После полудня отец сказал:

— Однако пора, — и начал сворачивать чум.

Мать посадила нас на нарты, укутала потеплее. Собаки дернули. Назад поплыли кусты, пустое становище, река...

В какое время добрались мы до места, как отец поставил чум, как мать развела очаг — не помню. Спал. Крепко спал. Ночью проснулся, выполз из чума. Над лесом — темень да звезды. Мороз ходит, сучочки потрескивают, а мне чудится — звезды тихонько потрескивают, будто угли в костре.

Всю зиму отец уходил в тайгу — промышлял белок. Мать добывала капканами то колонка, то горностая, то зайца. У нас их ушканами зовут. Целыми днями обдирали мы зверьков, натягивали шкурки на пяла, сушили.

К весне пушнины накопилось столько, что негде стало развешивать. Мать радовалась:

— Ну, сыночки, нонче мы сладко жить станем.

Как-то проснулся я, вижу: тяпка. Храпит. Я удивился: пошто дома? Вышел из чума и не узнал тайги: воздух звенел

птичьими голосами, остро пахло хвоей, а в небе светило веселое солнышко.

Через несколько дней мы опять были на устье Курейки. Не успели устроиться, явился купец. Нас, ребят, угощал конфетами, а отца с матерью — водкой. Они хихикали, хлопали богатого гостя по плечу, хвастались удачным промыслом. А утром тяпка сидел у потухшего очага, схватившись за голову, и, качаясь из стороны в сторону, кричал от боли. Мать громко плакала, призывая в свидетели бога. В чуме не осталось ни одной шкурки!

«Обманул купчишка! Надо скорее вернуть пушнину, иначе помрем с голоду! — подумал я. — Скорее, скорее!» Вскочил и побежал в деревню. Бежал, проваливаясь в снег, кричал: «Вор! Вор! Зачем шкурки украл? Отдай шкурки, нето боженька тебя накажет!» Но меня даже не подпустили к крыльцу, прогнали.

Понуро плелся я домой, ничего не замечая. Вдруг слышу, будто заскулила собачонка. Остановился, гляжу — щенок. Маленький, мокрый. Я поднял его и сунул за пазуху.

Дома тяпка, присмиривший, чинил сети, мать помогала ему. Когда опустил я собачонку на пол, отец сердито скосил глаза.

— Чем кормить будешь?

— Рыбой.

— Не болтай! Самим жрать нечего. Выбрось!

Мать поднялась, погладила меня по голове.

— Худо у нас, Микишка. Беда худо.

Я всхлипнул, наклонился к щенку. Отец выпустил облако табачного дыма, буркнул:

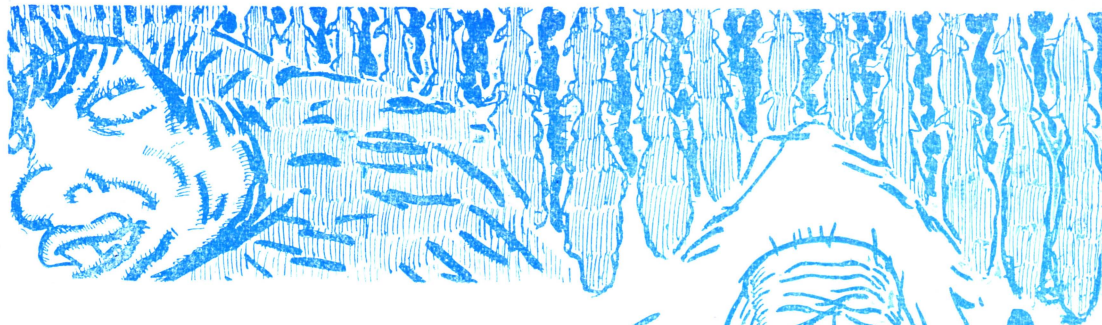
— Ладно. Пускай живет.

Прошло лето, наступили холода. Отец по-прежнему уходил в тайгу, мать ставила капканы. Я помаленьку помогал ей. Даже кулемки научился делать. Ловушка такая. Простая вроде бы штуковина, а добычливая.

Пес заметно подрос, стал красивым, бойким. Бывалоча, начну собираться куда, он тут как тут. Вертит хвостом, взвизгивает.

Когда возвращались в Курейку, отец пушнину в мешки спрятал и на лабазе оставил, с собой взял немного. Скоро вернулся.

И вот мы сидим на старом месте,



ужинаем. Хоть и голодные вернулись, а едим вяло, прислушиваемся, не идет ли незванный гость с липкими конфетами и огненной водой. Вдруг залаяли собаки.

Отец поперхнулся, положил деревянную ложку, встревоженно посмотрел на мать. Я приоткрыл дверцу. Вижу, неподалеку стоит незнакомый человек. Росту невеликого, черная бородка с завитушками, на носу — два стеклышка. Я прикрикнул на собак, и незнакомец вошел в чум.

— Здравствуйте,— сказал он приветливо.

Я даже вздрогнул. Ну и голос! Услышал бы ночью, подумал, что великан появился. Тятка пригласил гостя ужинать, мать налила полную чашку ухи, подвинула лепешки, соль. Он ел да хвалил, поглядывая на нас.

После ужина вынул кисет, протянул хозяевам. Отец довольно крякал, набивая табакот трубку. Потом спросил:

— Как звать-то тебя?

— Яков Михайлович.

— Якоп, значит, по-нашему?

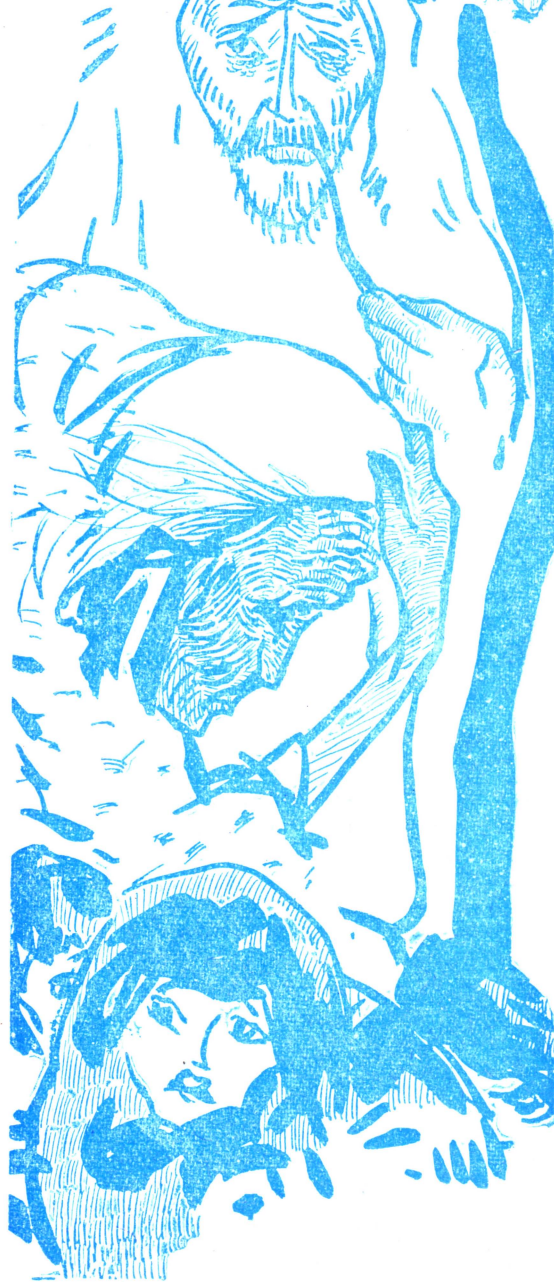
Гость улыбнулся.

— Да, да, Якоп. А фамилия — Свердлов.

Потекла тихая, степенная беседа. Об охоте, о нашем житье-бытье. Мы узнали, что в Курейку Яков Михайлович попал не по своей воле — царь сослал.

— За что? — насторожился отец.

И тут мы узнали, что есть в России такие люди, которые называются большевиками. Руководит ими самый большой человек — Ленин. И хотят большевики, чтобы все бедняки жили хорошо, стали хозяевами рек и озер, полей и лугов, заводов и фабрик, чтобы дети бедняков учились грамоте. А царь этого не хочет. Испугался царь, что бедняки послушаются большевиков и прогонят бо-



гачей, и велел тех большевиков выловить и отправить в Сибирь.

Отец качал головой, а мать укоризненно шептала:

— Ах, са-ар, са-ар!

До позднего вечера засиделся у нас Яков Михайлович.

После его ухода отец говорил, прищелкивая языком:

— Э-эх, какой хороший гость! На других сапсем не похож!..

Однажды у нашего чума появился балок — полотняная избушка на нартах. Из него вышел главный по всему Туру-

Отец вынес мешок с пушшиной. К его ногам упали три бутылки водки.

— Гуляй, Ламбин! — крикнул пристав, садясь в балок. — Через неделю снова приеду.

Когда упряжка скрылась за поворотом, тятка горестно крякнул, поморщился. Взяв одну бутылку, он хотел было открыть ее, но вдруг заскрипел зубами и яростно хватил о камень. Стекло так и брызнуло во все стороны. За первой — вторую, третью... Потом опустился на землю и заплакал. Я не знал, что делать.



ханскому краю — пристав Кибиров. Золоченые пуговицы и погоны так и горели на солнце.

— Ламбин! Где ты? Подох, что ли?! — гремел грозный голос.

Отец выскочил из чума.

— Тут я, начальник.

— Пушнина есть?

— Есть мало-мало. На лабазе остал... Тайга.

— Привезешь всю ко мне. А сейчас давай, что есть.

Отец не шевелился. Пристав сделал шаг в его сторону. Пес зарычал, готовый кинуться на обидчика. Пристав поспешно схватился за револьвер. Я едва успел затащить собаку в чум.

— Неси шкурки! Живо! — крикнул полицейский.

— Что случилось у вас? — услышал знакомый голос.

Рядом стоял Яков Михайлович.

Тятка медленно поднялся, утер слезы рукавом.

— Взял, всю добычу взял...

— Не пристав ли?

— Он, собака...

Яков Михайлович положил руку на плечо отца.

— Ничего, Ламбин, не горюй, погуляй назад свою пушнину.

— Эх, Якоп, Якоп... Разве худая собака отдаст добычу? Разве зимой бывает теплый дождь? — причитал отец.

— Бывает, бывает, — твердо сказал Яков Михайлович.

Кончилась неделя. Снег заметно осел, стал серым, на Енисее появились забе-

реги. Тятка ходил сам не свой. Ел неохотно, все курил и курил, часто посматривал на дорогу.

После обеда пришел Свердлов. Тятка оживился. Долго беседовал с гостем. Мать приготовила чай. Я вышел на берег и ждал, когда покажется упряжка приставы. Потом стал кидать камешек за камешком в заберегу, слушал, как смеялась вода, и позабыл, что на свете есть горе. Вдруг слышу:

— Эге-ей, Ламби-и-ин!..

Это зычно кричал пристав, стоявший на том берегу. Появился тятка.

— Пушнину приготовил? Неси скорее, некогда ждать!

Тятка некоторое время растерянно смотрел на пристава из-под ладони.

— Что молчишь?

— Нету шкурка, купец взял!

Кибиров перемахнул на упряжке за берегу и налетел, как коршун.

— Обманывать меня вздумал, скотина?!— кричал он, схватив тятку за грудь.

И тут, будто гром зарокотал, послышался голос нашего гостя:

— А ну, прекратите издевательства над человеком!

Пристав оставил жертву и повернулся к Якову Михайловичу.

— Что-о?!

Мы съежились от страха. Казалось, дюжий полицейский вот-вот бросится на Свердлова, сомнет его. Но тот смело смотрел ему в глаза и продолжал:

— Да, да, прекратите грабеж и насилие. И немедленно верните все шкурки, или это вам так не пройдет!..

Пристав притих, потом чертыхнулся, залез в балок и стал выбрасывать шкурки. Затем, все еще красный от гнева, он шагнул было к Якову Михайловичу. Но тут, откуда ни возьмись, выскочил взъерошенный пес и бросился на Кибирова. Тот схватился за кобуру. Свердлов поймал собаку и стал ее успокаивать.

Пристав уехал ни с чем. Мы смотрели на Якова Михайловича как замороженные. И впрямь, на наших глазах свершилось чудо: всеильный царек целого края был посрамлен и бежал.

А Свердлов, как ни в чем не бывало, сидел на корточках, гладил притихшего пса и тихо чему-то улыбался.

Ив. СТЕПАНОВ

Вся страна стремится быстрее претворить в жизнь решения мартовского Пленума ЦК КПСС о неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства.

Как следопыты Урала могут помочь селу? На этот вопрос мы попросили ответить заместителя директора Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства кандидата сельскохозяйственных наук Ивана Ивановича Летунова.

Вот что он рассказал.

Для следопытов лето — самая горячая пора. Их манят горные тропы, неисследованные пещеры, живописные уральские леса и реки... Но, мне кажется, не менее увлекательные, а главное — полезные дела ждут ребят на полях и фермах.

Вот один пример. В прошлом году Свердловская школа № 97 получила земельный участок. Здесь учащиеся выращивали кукурузу и брюкво-капустный турнепс. Этот гибрид — житель Эстонии — интересная и ценная кормовая культура, очень выгодная в хозяйстве. Но беда в том, что семян турнепса пока мало. И если бы взялись за это дело следопыты, польза была бы огромной: наши колхозы и совхозы в будущем году в несколько раз увеличили бы посевы замечательного гибрида.

Второе: сбор семян дикорастущих трав. Животноводству нужно много кормов. Травы — важный элемент в рационе животных. Но надо выбрать наиболее ценные, питательные, такие как клевер, лисохвост, мятлик луговой, тимофеевка... Когда следопытские отряды соберут и сдадут семена этих трав, мы будем считать, что выполнили они настоящее боевое задание.

Увлекательное дело — составить карту сорняков, растущих на полях. Вы спросите: зачем? Сорняки приносят огромный вред культурным растениям. Это всем известно. Но враг этот хитрый, и с ним надо правильно бороться, нужно знать, какие сорняки растут на данном поле, как они группируются, какова их плотность.

Карты сорняков необходимы и агрономам, и летчикам сельскохозяйственной авиации...

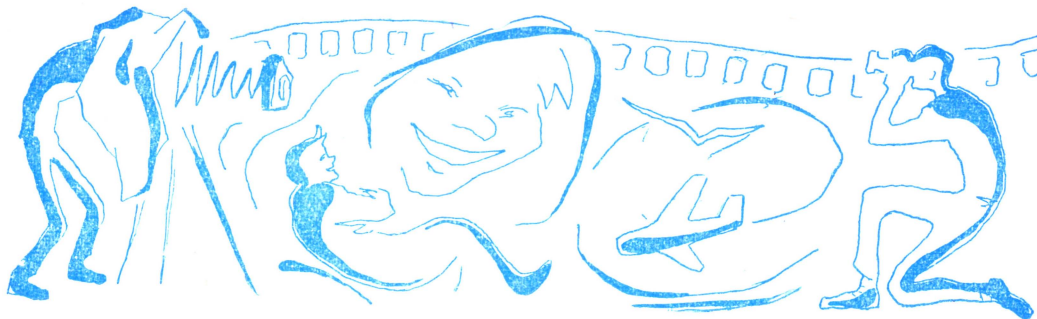
У нас на Урале растут многие виды дикого лука. Где? Найти эти места могут следопыты.

А чеснок? По содержанию питательных веществ он в два раза богаче лука. Чеснок нужен людям, пищевой и фармацевтической промышленности для приготовления лекарств. Удивительные свойства у разных сортов чеснока. Приглядитесь внимательно: в одном селе выращивают крупные, выносливые формы чеснока, в других — он мелкий, несочный.

Мы хотим создать местный сорт, а для этого необходимо выявить те места, где люди сами вырастили наиболее удачный. Узнайте, какова агротехника посевов чеснока и возделывания его, сроки посадки, уборки.

А фенологические наблюдения? Составление таблиц с датами всходов, появление первых листочков, густоты посевов, их высоты по периодам развития, — все это требует наблюдения и изучения. Разве это не следопытская работа?

Будет очень хорошо, если следопыты создадут штабы помощи сельскому хозяйству, свяжутся с учеными, производственниками. Мы надеемся, что следопытские тропы пролягут на луга, поля и фермы.



ФОТОГРАФИЯ И НАУКА

Нет сегодня ничего более обыденного, чем фотография. Рисунок в книге, метровые щиты фототеклам, узоры на полированной мебели, застывшие изображения родственников в семейных альбомах, кино...

Но попробуйте лишить мир фотографии. Он станет тусклым и неудобным. Допустим, можно обойтись без любительских снимков и, в крайнем случае, без кино. Но в остальном...

Растерянные, будут толпиться врачи у экранов рентгеновских аппаратов, скучными станут газеты, отложит в сторону незнакомый сплав химик:

— Нет, я не могу сказать, из чего он состоит. Только точнейший метод, основанный

на фотографировании спектров излучения, может раскрыть его секрет.

В тайгу, в пустыни, в горы двинутся отряды топографов: надо составлять карты местностей.

Засвистит и вырвется наружу газ из трубы газопровода, взметнется пламя пожара. Понятно, ведь дефекты сварного шва можно обнаружить только с помощью фотопленки, просвечивая его гамма-лучами. Не покажет увиденное, вернувшись на землю, космонавт. Да он и не взлетит. Физика, химия, астрономия, медицина, биология, металловедение держат его в космосе. Но наука померкнет и замедлит ход своего развития, если не будет фотографии: именно она стала основным инструментом в исследованиях ученых,

В глубь конструкции

Иногда бывает, что конструкция, рассчитанная по строгим законам науки о сопротивлении материалов и теории упругости, неожиданно ломается. Тогда производят испытание ее на прочность. На детали наклеивают омические датчики из проволоки толщиной с человеческий волос. Они удлиняются либо укорачиваются вместе с деталями: при этом электрическое сопротивление изменяется. Фотолента осциллографа регистрирует деформацию датчика и детали. И вот испытания подтверждают:

— Рассчитана машина правильно.

— Но тогда почему поломка? И в таком месте, где и нагрузок-то никаких нет?

— Концентраторы напряжения! — говорят ученые, подразумевая, что в месте излома возник не поддающийся расчету сгусток напряжений. Он-то и разрушил материал детали.

— Что же делать? — задумались конструкторы.

— Есть два выхода, — ответили исследователи: — Увеличить размеры слабой детали, что-

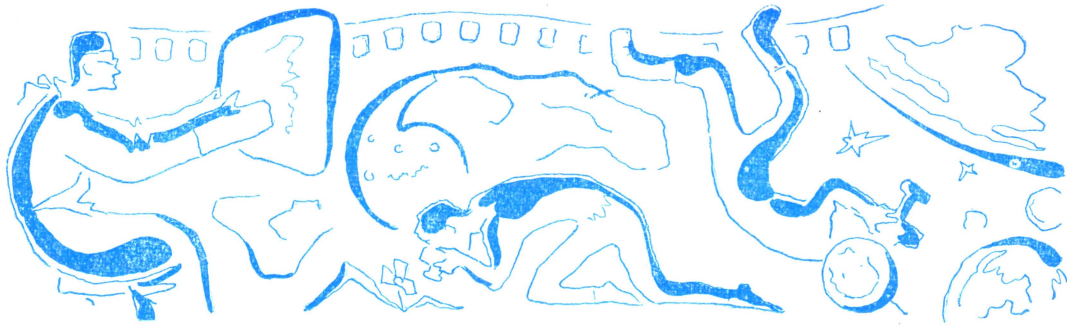
бы она стала прочнее, или выявить места концентрации напряжений и переделать деталь.

— Но разве можно увидеть напряжение?

— Нет, конечно. Это условное понятие — увидеть напряжение нельзя, как нельзя увидеть знание, совесть, аппетит. Но увидеть, как распределяются напряжения в детали, как они действуют, — пожалуйста. Даже сфотографировать можно... с помощью химии.

Химики создают оптически-активные прозрачные пластмассы. Если из них сделать модель, пропустить через нее поляризованный луч света и нагрузить так, как деталь нагружена в машине, то на воспринимающем экране будут видны разноцветные линии и полосы. Они распределяются точно так же, как главные напряжения. Там, где на фотографии цветные полосы сгущаются, напряжения наибольшие.

Новая отрасль науки — фотоупругость — позволяет заглянуть в глубь конструкции, увидеть невидимое, создавать машины и устройства легкие, прочные и надежные.



ФОТОГРАФИЯ И НАУКА

Остановись, мгновенье

Что мне секунда,—сказал ученик из тех, которые вечно опаздывают на уроки.— За секунду я шнурок в дырочку ботинка вдевать не успею.

Экономист о секунде отозвался более уважительно:

— У нас в стране за это время производится более 30 тысяч киловатт-часов электроэнергии. Хватит для освещения в течение суток города средних размеров.

Летчик сказал, что на «ТУ-104» за секунду он пролетает 230 метров.

— А мы за пару секунд перемещаем тысячи кубометров грунта,— добавил взрывник-строитель.

— И самолет и сила взрыва рассчитаны на этой математической машине,— вмешался программист.— Она совершает сорок тысяч операций в секунду.

— Это не так уж много,— сказал кинооператор из научно-исследовательского института.— Мой аппарат фотографирует в секунду миллион кадров.

Быстротекущие процессы: взрыв, электрический разряд, колебания лопатки турбины, взмах крыльев пчелы, полет снаряда. Как важно изучить механику этих явлений, как заманчиво остановить мгновение. И это под силу только сверхскоростной фотографии.

Возможности еще не исчерпаны

Первыми применил фотографию в научных целях адмирал С. О. Макаров. В 1889 году с помощью киносъемки он определил силу, действующую на корпус судна во время удара форштевня по торосу. С тех пор фотография в технике заняла прочное место.

В астрономии фотография — основной метод исследования. Это благодаря ей составлены звездные карты неба, сняты вне затмения солнечная корона, открыта Метагалактика и совершен дерзновенный научный подвиг — сфотографирована обратная сторона Луны.

Кинокамера, установленная на корабле «Восток-2», запечатлела для ученых первый выход человека в космический вакуум. А фотографии Земли, сделанные нашими космонавтами!

Достижения ядерной физики в равной степени обязаны уму теоретиков и услугам фототехники. Десятки тысяч фотографических пластинок просматривают физики-атомщики в поисках новых элементарных частиц. Могучее орудие научного познания — метод толстослойных фотоэмульсий — предоставила фотография физикам, изучающим космические лучи.

В медицине диагностика во многом основыв-

ается на фотографии. Это — электрокардиограмма, флюорография, фотозонд для исследования желудка, наконец — средство распознавания злокачественных опухолей.

В биологии с помощью замедленной микрокиносъемки воспроизводится на экране рост клеток, движение соков в растениях.

Нередко фотография подводит ученых к порогу неведомого и помогает перешагнуть этот порог. Недавно в нашей стране открыт новый способ фотографирования — в высокочастотном электрическом поле. Открылись неожиданные, небывалые картины: россыпи многоцветных мерцающих искр, короны электрических разрядов венчают каждый лист, каждую почку привычных нам растений. У каждого — своя корона. Каково ее назначение? И почему меняется, тускнеет она у листка, пораженного скрытой болезнью?

Может быть, фотография дает в руки ученых новое средство распознавания и предупреждения болезней? Может быть. Ведь возможности ее не имеют предела.

С. ДРУГАЛЬ, кандидат технических наук



«МИША», — так уважительно называют гигантскую винтокрылую машину — вертолет МИ-6 следопыты Тюменской тайги — изыскатели, геологи, буровики. Вертолет этот уже перевез многие сотни тонн грузов, не первый месяц оглашает он окрестности поселков и пристаней гулом винтов, но всякий раз к месту посадки бегут десятки людей, чтобы поближе рассмотреть воздушного исполина.

Вот и сейчас. Едва вертолет завис над площадкой возле поселка Игрим, как со всех сторон к нему устремились ребятишки. Щепки, оберточная бумага, вырванная с корнем трава закрутились в воздухе, подхваченные вихрем. Вертолет коснулся земли, слегка качнулся влево, вправо, вперед и застыл на месте. Рокот винтов стал стихать, и вскоре лопасти, каждой из которых можно перегородить небольшую улицу, останувились. Началась разгрузка. Через час колонна автомашин, доверху груженых овощами, отчалила от винтокрыла, и «Миша» снова отправился в путь.

Поплыли знакомые картины осенней тайги. Высота 600 метров. Стрелка указателя скорости быстро пересекает деление за делением. На некоторое время, как бы раздумывая, она останавливается на цифре 20, а затем уверенно ползет дальше и достигает цифры 25. Это значит, что вертолет идет со скоростью 250 километров в час. Полетный вес машины равен четырьмя десяткам тонн.

Но главное в вертолете МИ-6 — его способность перевозить крупногабаритные грузы на внешней подвеске. Если раньше для перемещения буровых вышек по тайге даже на незначительное расстояние требовалось несколько месяцев, не говоря уже о технических трудностях и расходе-

вании огромных средств, то теперь при помощи «Миши» буровые вышки путешествуют по воздуху на многие сотни километров. И тратятся на это считанные дни.

Разумеется, даже МИ-6 не в состоянии перевезти буровую вышку целиком. Сама вышка и оборудование к ней весят около 500 тонн. И тем не менее выход был найден. Проектировщики нефтяного оборудования изготовили облегченную буровую установку, которую можно разобрать на отдельные блоки весом по 8 тонн. А восьмитонную секцию «Миша» берет на подвеску, как перышко.

— Говорят, — спросил я бортмеханика Федора Ваганова, — что МИ-6 — самый большой вертолет в мире.

Ваганов, продолжая пристально следить за стрелками приборов, молча достал из-под сиденья и подал мне сложенный пополам журнал. Это был июльский номер «Гражданской авиации» за 1964 год. Под заголовком «Самый крупный в мире» я прочел перепечатку из английского авиационного журнала «Раф флайнт ревью». «Единственное определение, которое соответствует вертолету МИ-6 конструкции М. Л. Милля, — свидетельствовал журнал, — это колоссальный. Огромный МИ-6 является самым большим вертолетом, который когда-либо поднимался в воздух». А по утверждению начальника вертолетного отдела Авиационного исследовательского института из Амстердама Л. Р. Лукассена, чтобы продемонстрировать контраст между МИ-6 и крупнейшими вертолетами Запада более ярко, — можно указать, что он (то есть МИ-6) в состоянии транспортировать почти полностью загруженный мощный винтокрыл Ротодайн или вертолет «S-56».

ВЕРТОЛЕТЧИКИ

Да, не случайно МИ-6 стал ныне полновластным хозяином тайги. Где уж тут старозаветному косолапому Топтыгину, долгое время носившему это почетное звание, тягаться с газотурбинным «Мишей», грузоподъемность которого вдвое больше, чем у самого крупного вертолета США.

Таежный штурман

Какими же должны быть люди, которым доверено управлять этим гигантом?

Когда я собирался в командировку, в воображении рисовались убуленные сединами богатыри с бронзовыми лицами, затянутые в хрустящие хромовые куртки на молниях, с руками, от пожатия которых холодеет кровь и хрустят суставы.

В действительности экипаж МИ-6 начисто лишен этих впечатляющих качеств. Летчики не выделялись ни атлетическим телосложением, ни экипировкой, ни осанкой. Вошли в кабину, поздоровались с пассажирами, аккуратно сняли темносиние форменные куртки и повесили их на крючки — словом, расположились на своих рабочих местах по-домашнему...

У одного из них, штурмана Валерия Макушкина, сегодня экзамен. Штурман, выражаясь языком пилотов, «вводился в строй».

Я сидел между бортрадистом и бортмехаником. Штурманский отсек, расположенный в самом носу кабины, был виден хорошо.

Вертолет шел над тайгой, каждым оборотом винтов отбрасывая добрый десяток метров пути, и сама собой на ум приходила мелодия песни Пахмутовой «В этот край таежный только самолетом можно долететь». Песню вертолетчики часто поют, собравшись у веселого огонька вместе с геологами, правда, несколько перефразировав слова: «В этот край таежный только вертолетом можно долететь». И это, пожалуй, вернее. Действительно, трудно в тюменской тайге, особенно летом, когда на каждом шагу проваливаешься в трясину, найти подходящую поляну, чтобы посадить самолет. Вся надежда на винтокрылые машины...

У штурманов работа шла своим чередом. Константин Васильевич Гаврилов, старший штурман подразделения, о чем-то переговаривался со стажером. Валерий то доставал логарифмическую линейку и что-то подсчитывал, то приглядывался к стрелкам приборов.

Вертолетчики — народ с юмором. Всякий раз на лицах старших товарищей появлялась лукавая улыбка, когда Валерию сразу не удавалось найти нужную точку на карте. Но не думайте, что он — новичок в авиации. На тужурке — значок об окончании авиационного училища. Разговаривает Валерий ломающимся баском. Часто вступает в разговор словами: «Вот у нас в Салехарде...». Что ж, северная практика для двадцатилетнего штурмана — это предмет гордости.

Вообще подавляющее большинство тюменских вертолетчиков — люди комсомольского возраста. И их командиру Ивану Тихоновичу Хохлову до пенсии ой как далеко! За плечами всего три десятка лет, из которых последние год-два были, пожалуй, самые горячие, хлопотливые. С того утра, как в Тюменском аэропорту появил-

ся МИ-6, лишился Иван Тихонович покоя. Спал и видел себя во сне сидящим в командирском кресле винтокрыла, а днем, как только выпала свободная минутка, бежал на стоянку.

Потом переучивание, первые вылеты, тренировки. Очень трудно давалась перевозка грузов на внешней подвеске. Работа эта требует ювелирной слетанности всего экипажа.

...Когда вертолет зависает над секцией буровой, бортрадист Виктор Кулаков (сейчас он выполняет обязанности оператора) подает команду:

— Чуть левее. Так. Вперед. Стоп!

Пилот точно выполняет команды оператора. Рабочие в это время крепят подвеску к грузу. А Виктор внимательно следит за тем, чтобы вертолет плавно взял груз и мягко оторвал его от земли. Иначе... Если вам придется побывать на берегу Оби около пристани Шеркалы, вы невольно обратите внимание на груды металла, напоминающую огромный залун. Это все, что осталось от десятикубовой емкости, которая при неудачной подвеске сорвалась с высоты 400 метров.

Итак — Шеркалы, Игрим. Населенные пункты помечены на штурманской карте красным карандашом и связаны четкой линией. А сколько еще в запасе точек с таинственными названиями, вроде: Шухтунгорт, Нарыкары, Урай. Это по одну сторону северных отрогов Уральского хребта, а по другую — течет Кама, плывут пароходы, ярко вспыхивают по вечерам огни городов. Скоро тепла и света в них будет еще больше. И когда ты, рабочий из Соликамска или химик из Березников, войдешь завтра в свою новую квартиру и поднесешь зажженную спичку к газовой плите, не забудь, что синее пламя пришло к тебе из далекого Игрима. В стужу и в дождь несли его в дальний путь тысячи рабочих людей, в том числе и летчики. Здесь трудятся младшие братья «Миши» — вертолеты МИ-4.

Как-то случилась беда: в момент испытания скважины сорвало задвижку. Газовый смерч под давлением 170 атмосфер ударил в небо. Ежеминутно в воздух уходили сотни кубов газа. Главный инженер экспедиции Борис Васильевич Тихомиров охрипшим от волнения голосом отдавал распоряжения.

К трактору стальным тросом прицепили огромную металлическую плиту, и тягач с ревом двинулся к щели, из которой фонтанировал взбунтовавшийся газ. Двенадцатитонная «заглушка» краем поравнялась со скважиной и отлетела в сторону, словно картонка.

Главный инженер тогда решил на крайнюю меру: чтобы предотвратить заражение местности газом — поджечь струю! Сделать это оказалось не так просто. Ракеты, рассыпая огненные зерна на дымящиеся спецовки рабочих, отскакивали от газового фонтана, как от брони. Лишь одной из них удалось прошить газовый столб, и он вспыхнул над тайгой фантастическим факелом. Несколько минут спустя два вертолета, вызванные на помощь по радио, уже висели над площадкой, озаренной пламенем.

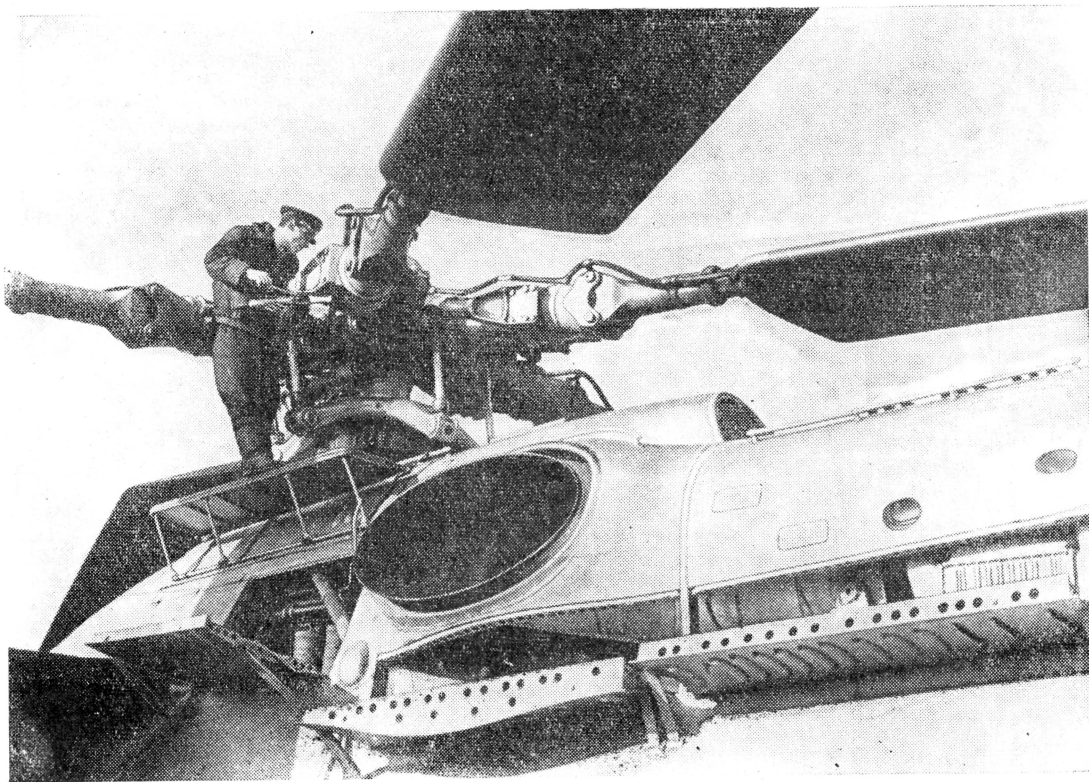
Две недели шла отчаянная борьба. Полмесяца вертолеты день и ночь сновали от вышки к вышке, перевоза людей и технику. И лишь когда огненный смерч был обуздан, впервые долгим крепким сном заснули буровики. Впервые за полмесяца спокойно заснул прямо

в своем кресле, не выходя из машины, и Геннадий Кутков — командир вертолета из Уктусского аэропорта. И кто бы узнал в этом чумазом от лесной гари парне щеголеватого летчика, каким привыкли видеть Геннадия на базовом аэродроме!

Скоро, очень скоро на пути газопровода вырастут от Игрима до Серова десятки новых поселков, одному из которых хорошо бы дать имя — Вертолетный.

самолетов, словно прикипают к несущим винтам вертолетов. Лед нарастает с катастрофической быстротой, особенно на концевой части лопасти. Вибрация усиливается, обледеневший винт теряет способность удерживать вертолет на необходимой высоте. А дальше... Об этом лучше не думать. Вот почему с безобидной на первый взгляд нижней кромкой облаков приходится считаться даже опытным вертолетчиком.

Не сбавляя скорости, чтобы возможно скорее проскочить фронт непогоды, Иван Тихонович



По нижней кромке

Пока я размышлял о названии поселка, погода резко ухудшилась. Вертолет начало раскачивать. Через несколько минут на смотровых стеклах появились стремительные зигзаги дождевых капель. Мало-помалу дождевые струйки на лобовом козырьке переплелись и образовали тонкую, но плотную матовую пленку. Пришлось открыть боковые створки. В кабину с ключьями тумана ворвался холодный воздух...

Иван Тихонович Хохлов пристально всматривался в студенистое небо. Наушники немного съехали с висков, но внимание командира всецело приковано сейчас к нижней кромке облаков, которая зловеще прижимает машину к земле.

Осенью и весной, когда температура воздуха держится где-то около нуля, влажные слоистые тучи таят в себе грозную опасность. Мельчайшие капельки воды цепляются за плоскости

отдает ручку циклического шага чуть от себя. Еще... еще!

А высота между тем снизилась уже до 100 метров. По штурманским расчетам, через 5—10 минут в проломе туч должно сверкнуть чистое небо.

— Штурман! — раздается приглушенный голос командира в наушниках, — доложите расстояние до Березово!.. Далековато, до захода солнца не успеть...

А ночевать где-то на перепутье, ох, как не хочется! Кроме того, на берегу Оби, в пункте посадки, — срочный груз для нефтяников.

Погода редко балует вертолетчиков, чаще преподносит каверзные сюрпризы. Да и только ли погода? Вертолетчикам приходится встречаться с самыми неожиданными казусами. Был, к примеру, такой случай в Сыктывкаре. В кабину МИ-6 загрузили автомашину-амфибию, поставили на колодки и полетели. Вдруг резкий толчок качнул вертолет вперед. Едва вертолет

выровнялся, как новый толчок и крен в противоположную сторону. Бортмеханик кинулся в грузовой отсек и отпрянул назад: прямо на него катилась сорвавшаяся с колодок амфибия. Ткнувшись носом в обшивку пилотской кабины, разгулявшаяся пассажирка покатила в корму. Вертолет отчаянно балансировал винтами...

Но вот, улучив подходящий момент, бортмеханик на ходу прыгнул в амфибию, нажал на стартер, и мотор с ходу застрекотал. Амфибия мгновенно затормозила и медленно, нехотя погнувшись, пошла на свое место.

На усмирение амфибии потребовалось несколько секунд, а теперь у нас в запасе — целые минуты! Это все же легче.

Чуть левее по курсу появилась полоска неба. Эта полоска еще не была синей, лишь слегка лиловела между острыми краями туч. Но вскоре внизу блеснула полоска реки. Обь! «Миша» левым разворотом направляется к песчаной косе. Чайки, оранжевые от внезапно выкатившегося вечернего солнца, шарахаются по сторонам. И вот наш винтокрыл, напоминая своей громадой выброшенного на берег кита, покачивается на колесах-дутьшах, задрав хвостовую балку с трепещущим на конце винтом.

Недалеке лежат связки металлических труб длиной до 25—30 метров. Они, как штабеля корабельных мачт, аккуратно уложены и стянуты в нескольких местах пропахшим мазутом канатом. Завтра, взятые на внешнюю подвеску, эти трубы полетят над тайгой за добрые сотни верст вслед за буровыми вышками, а еще через несколько дней хлынет по ним сибирская нефть.

Утро вечера мудренее

За осмотром грузов мы не заметили, как солнце скатилось за дальние косяги облаков, стало прохладно, с реки к костру, разложенному недалеке от рыбацкого домика, пополз туман. И мы побрели на огонек.

Печеная картошка хороша, но что может сравниться с кедровой шишкой, когда ее, окутанную сладковатым дымом, выхватываешь прямо из огня, перебрасывая с руки на руку! А разломись — граненые жемчужины орехов так и посыплются на ладонь. Иван Тихонович достал из костра несколько шишек (ребята уже успели слазить на один из таежных великанов).

Утром погода наладилась. Умывались прямо в реке, стоя по колено в воде. Дожди и ветры еще не тронули осенней тайги. Наверное, впервые в жизни мне страстно захотелось стать художником. Я бы запечатлел на упругом холсте и воздушность гордых берез с их золотистыми косами, и багряные гроздья спелой рябины, обожженные заморозками, и ставшие на пестром фоне еще более зелеными сосны и кедры, и, конечно, «Мишу» — неотъемлемую часть нынешнего таежного пейзажа.

Бортмеханик Федя Ваганов, забравшись по веревочному трапу на самую макушку винтокрыла, тщательно осматривал втулку несущего винта. Он лазил вокруг массивного металлического барабана, как шмель возле цветка, то и дело садился верхом на ребристые дышла лопастей, которые даже не вздрагивали под тяжестью человека.

Картины, разумеется, я не нарисовал. Правда, в блокноте от этого утра остались такие строки:

Пароходы
Весело трубили,
Танкеров приветствуя приход.
— Надо герб придумать
Для Сибири,—
Произнес задумчиво пилот.
Если б поручили мне такое,
Я б изобразил
Подкову ГЭС
И МИ-6,
Идущий над тайгой
С вышкой буровой наперевес.

Владимир СИБИРЕВ



18 июля 1920 — 18 июля 1965

«Уральский следопыт» от имени всех следопытов Урала горячо поздравляет дружный коллектив свердловской комсомольской газеты «На смену!» с 45-летним юбилеем и желает ему новых творческих успехов в работе по воспитанию нашей замечательной молодежи.





Меридиан романтики

Повесть¹

Ф. ОВЧАРЕНКО

Рисунки Н. Мооса

II. Через много лет

ПРОТОКОЛ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ТРЕТЬЕЙ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ МОНТАЖНИКОВ ТРЕСТА «КАРГАНАЧРУДСТРОЙ»²

СЛУШАЛИ: Персональное дело комсомольца С. Бойко, допустившего хулиганский поступок по отношению к члену бригады Ю. Полуэктову в тот момент, когда коллектив решил включиться в борьбу за высокое звание коммунистического.

Б. Шестаков. Заявляет, что, несмотря на дружбу, будет говорить со всей суровостью. Считает, что Сергей Бойко совершил недопустимый проступок. Ударить товарища — это позор, пятно на весь коллектив! И обиднее всего, что это сделал бригадир. Я, говорит Борис, не понимаю, как такое могло произойти. Мы вместе служили с Сергеем во флоте, были в одном экипаже. С нашего корабля в этой комнате сегодня шесть человек. А почему мы здесь, в Железногорске? Ведь это Сергей придумал, когда еще несли службу на Курилах, поехать после демобилизации на Урал. Он так и сказал: на самую трудную стройку. И мы его поддержали, потому что всегда верили ему. Такой уж он человек. Я лично никогда не забуду, как вывел он на острове Итуруп к пограничному посту. В метель, в мороз. Закончители, выбились из сил. Не могли уже идти. А он не сдавался, упрямо вел нас вперед. Жизнь, можно сказать, спас. Ребята подтвердят.

Ребята подтверждают, но намекают, чтобы Борис говорил ближе к делу, по существу.

Б. Шестаков продолжает. Вот мне и непонятно, как так вышло, что Сережка Бойко, лоцман наш, впередсмотрящий бригады, поэт — и вдруг такую штуку отмочил. В голове не укладывается. Тут что-то не так. Я уже у него расспрашивал, так он, видите ли, распространяться не желает. Трудно, мол, это объяснить. По физиономии, понятно, двинуть легче. Настаиваю, чтобы первым делом, без всяких там вступительных речей, высказался сам Бойко. Пусть говорит обо всем прямо. Сам же в стихах писал: «Мы теперь одна семья». А какие могут быть в семье секреты? Если она, конечно, нормальная семья, а не накануне развода.

Председатель собрания. Правильно! Пусть Бойко расскажет, с какой это стати он посадил пятно на всю нашу бригаду?

Все шумят, кричат: «Пусть объяснит!» Правильно кричат.

С. Бойко. «Слово товарищей — закон». Предупреждает, что будет говорить долго.

Юрий Полуэктов давно уже возмущает его своим поведением. Без компаса этот человек. А без компаса сегодня нельзя. Все хлопцы намерены жить и работать по-новому. В трудное плавание вышли. А он? Только пропесочили за пьянку — устроил дебош на танцах. Назначили воскресник — уехал в Туринку. Зачем? Ковбойку решил купить. Впрочем, не в этом даже дело. Это ведь все наверху лежит. Хотел бы я знать, какое у таких ковбоев нутро. Тут ведь кое-кто считает Полуэктова всего лишь беспшашным парнем, сорви-головой. А дело гораздо хуже. Потому и случилась вся эта история.

Когда в Железногорск приехала в командировку журналистка из областной газеты, выяснилось, что она знает многих людей, которые близки, дороги Сергею с самого детства.

¹ Продолжение. Начало см. в № 5.

²вольная манера ведения протокола целиком на совети секретаря собрания Семена Зуева. Он немного оригинал и вообще не терпит шаблона.

Целую ночь они просидели в редакции. Вспоминали знакомые еще с войны места, памятные обоим события. Когда утром Полуэктов спросил Сергея, о чем у него был разговор, бригадир ответил: о настоящих людях, о силе искусства, а больше всего — о смысле жизни. «Знаю я этот смысл», — сказал Полуэктов и отпустил грязный намек по адресу журналистки. Бойко назвал его подлецом и ударил в подбородок, отчего Полуэктов не мог потом три дня ничего жевать и подал заявление в партком.

Отвечая на вопрос, Бойко рассказывает о себе. Во время войны он остался без родителей. В Петровске его приютила незнакомая женщина. Потом его разыскала сестра, возвратившаяся из фашистской неволи. В городском музее Сергей увидел портрет моряка. Его написал неизвестный художник, который, очевидно, погиб в боях за Украину. Перед портретом солдата морской пехоты еще мальчишкой Бойко поклонялся так прожить жизнь, чтобы она была достойна светлой памяти тех, кто не вернулся с войны. Ведь они сложили головы, кровью своей добывая нам право идти дальше, бороться, любить и мечтать.

И еще Сергей говорит, что он после ночного разговора как на крыльях летел. Хотелось сделать что-нибудь необыкновенное, позвать кому-нибудь руку, песню сложить. А тут Полуэктов сунулся со своей мерзостью. В душу плюнул и начал еще ухмыляться. Потому и не удержался. Ударил, а потом только опомнился.

Бойко дает слово больше не отклоняться от коммунистического курса. Просит убрать его из бригадиров и решить вопрос: или он, или Полуэктов. Рядом с ним работать не желает.

Все шумят. Записывать нечего. Слова против Полуэктов. Никак не пойму, кто тут все-таки пострадавший. Туман!

Ю. Полуэктов. Говорит, что ошибся в моряках. Считал раньше, что они умеют понимать шутки. Преступником просит его не называть, так как Госбанк он пока еще не грабил. Высокие материи, на которые нажимал Бойко, в данном случае ни при чем. Просто Сергею давно уже нравится Тамарка Снегова, табельщица с бетонного завода. Вот он и психует. Но тут уж ничего не поделаешь. Все знают: у Полуэктова с ней почти полгода любовь. Этот факт зафиксирован даже в стеновой печати.

Бойко порывается сказать что-то с места, но его успокаивают. Опять все кричат, перебивают друг друга.

Ю. Полуэктов продолжает. Просит не исключать его из бригады. Обещает подтянуться. И вообще считает, что людей полагается воспитывать, а не избивать. Бойко он готов простить, если тот перед ним извинится. В заключение подводит итог: «Коммунизм кулаком не построишь. Нервы сохранят свое значение и при следующей за социализмом формации».

А. Юсупов. Зачем Полуэктов так говорит? Неправильно говорит. Все это не пустяк. Я — за Сергея! Человек хочет по-настоящему жизнь прожить. Слово такое дал. И держит такое слово. А Полуэктов со всеми за коммунизм проголосовал и больше ничего делать не

хочет. Вдобавок еще выводит из себя хороших людей. Да если бы он мне такое, как Сергею, сказал, я бы ему голову оторвал! А что, по-вашему? Если Сергей решил прямым курсом в завтрашний день идти, так ему теперь любую обиду терпеть? Перед подлостью расшаркиваться не будем!

Согласен, конечно, немного я перегнул. Голову отрывать, может быть, и не стоит, а мозги Полуэктову вправить все-таки надо!

Ю. Полуэктов. Кулаком?

А. Юсупов. Бульдозером! (Оживление в зале. Почти аплодисменты).

Но и Сергей тоже малость в своем выступлении нагородил. Зачем нам другого бригадира? Мне лично не нужно другого. Мне этот нравится. И Полуэктова гнать тоже не дело. Пусть остается в бригаде. Посмотрим, как слово держать умеет.

Голос с места. С такими, как он, нашу бригаду даже социалистической никто не назовет!

А. Юсупов. Знаю, что не назовут. А только, если мы выгоним его и за счет этого на год раньше почетное звание завоеем, хорошо же тогда о нас будут говорить на стройке. Легким путем всегда проще идти. Давайте лучше попробуем сделать из него человека. Не за титул ведь боремся, а за то, чтобы завтрашний день приблизить. Вот вы и соображайте, в результате чего он наступит скорее.

Под конец Анатолий Юсупов заявляет: напрасно тут Полуэктов о каком-то соперничестве говорил. Вздор это, плохая фантазия. Снегову многие знают. Знают, что она из себя представляет. На руке татуировка, а в голове одни танцы. При мне Сергей однажды сделал ей замечание за крепкие выражения. Так она его так отбрила, что на собрании и не повторись. Тем более, пункт у нас на этот счет в обязательствах записан.

Ю. Полуэктов. Неправда! Не такая она сейчас. Ты же ее не знаешь!

Снова поднимается невозможный гвалт. И зачем я только согласился вести этот протокол! Беру слово.

С. Зуев. Сказал коротко. Полуэктов ерунит. Нечего ждать, когда тебя перевоспитают. Ты же недавно прогулял, как самый последний пижон. Но нянчиться с тобой, как с младенцем, не собираемся. Сейчас такое время, что каждый первым долгом сам должен себя перевоспитывать.

...Кроме меня, выступили все остальные ребята. Б. Шестаков дважды подавал пространные реплики с места. Несколько раз держал речь председатель собрания. Записывать было бесполезно. Вовсю бушевали страсти. Землетрясение плюс небольшой тайфун. К тому же, бумаги осталось только на постановление.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Грубый поступок С. Бойко осудить. Но считать его не хулиганским, а квалифицировать точнее — как недопустимый для человека, решившего жить и трудиться по-коммунистически. Объявить за это провинившемуся порицание.

2. Бойко в бригадах оставить. Полуэктова из коллектива, как предлагают некоторые, не изгонять. В кратчайший срок делом,

примером всей бригады доказать ему, что он еще не человек, а только видимость такового. Помочь ему в то же время стать настоящим рабочим, личностью с ясной целью и твердой линией жизни.

3. Поручить Сергею Бойко как поэту написать гимн бригады, в котором бы нашли отражение следующие мысли:

а) жить и работать по-коммунистически — это значит каждый день подниматься на штурм, каждый день непримиримо сражаться со всяким старьем и всяческой гнилью;

б) стремись сегодня совершить вдвое больше, чем сумел вчера, будь настойчив, и тебе покорится недоступное;

в) помни всегда о тех, кто своей героической смертью дал нам возможность жить и творить в самое трудное, но зато и самое чудесное для планеты время!

4. Закончить монтаж опор и перекрытий корпуса среднего дробления на десять дней раньше срока.

Так держать! Полный вперед!

12. Срочный досыл

С утра в редакции областной газеты «Ленинский путь» было шумно, как в горячем цехе. Срочно готовили номер, посвященный Дню победы. Как всегда, в последнюю минуту вдруг выяснилось, что спецкор Вадим Весенин не написал очерк под рубрику «Герои-уральцы», а отдел промышленности еще даже вчерне не имеет месяц назад обещанной подборки «В труде, как в бою». Секретарь редакции Моргунов, пожилой толстяк с задумчивыми, вечно утомленными глазами, буквально волосы рвал на себе от досады и сгоряча распекал каждого, кто подворачивался ему под руку. И когда, тихо ступая по ковру, рассыльная робко доложила: «Виктор Борисович, к вам посетитель», он прямо-таки зубами заскрежетал от злости и со всего маху хватил по столу металлической линейкой.

— Этого еще не доставало!

Старушка-рассыльная и только что вошедший спецкор, собравшийся выяснить отношения с начальством, едва лишь закрылась за неожиданным посетителем дверь, выжидающе притихли. Они знали по опыту, что сейчас грянет гром. Но прошло несколько минут, а гром-таки не прогремел...

— Странно... — поморщился Весенин и, спрятав в карман толстый блокнот с серебряной застежкой, неслышно вышел в коридор. У окна он остановился, не спеша раскурил трубку, которой мог бы позавидовать любой капитан дальнего плавания. Провел рукой по тронутым первой сединой вискам. Осторожно стянул с рукава пепел. Для своих лет Весенин выглядел отлично, особенно сегодня: в новом светло-сером костюме, молодившем его свежее, гладко выбритое лицо.

Сзади послышались торопливые шаги. Весенин сразу же их узнал. Круто обернулся.

— Зина, ты ко мне? — голос его немного дрогнул.

— Меня зачем-то вызвал Моргунов. Прости, Вадим. Я тороплюсь...

— Вот видишь, Зина, — он прочертил в воздухе трубкой замысловатую кривую, — все-

таки, выходит, я прав. Газета — это поприще не для женщин. Отнюдь! Переходи в университет. Я уже консультировался, на кафедре согласны. В перспективе — диссертация. И, во всяком случае, при любом варианте обеспечен нормированный рабочий день. А здесь... спешка, текучка, сплошная нервотрепка. Третий год работаем вместе, а все никак не можем поговорить о своей судьбе, о самом главном. Ты же знаешь...

— Не надо, Вадим, не надо. Сейчас не время. — И уже у двери в секретариат, обернулась, задорно тряхнув головой: — День победы празднуем вместе. Забыл?

Нет, он ничего не забыл. Не понимает — вот это другое дело. Да и кто ее поймет, Зину Осадчую. Загадочный она человек. Все у нее не так, как у других. И биография, и характер, и дарование. Воевала. Была медсестрой. Работала во фронтовой газете. Потом поступала зачем-то в студию при театре. Снова пришла в редакцию... Всегда замкнутая и меланхоличная, она иной раз становится неузнаваемой: загорается, рвется в немыслимые командировки, будоражит себя и других. А как она пишет в это время! Талантливо, ярко, безудержно смело. Но вспышка проходит, и словно что-то обрывается у нее внутри. Опять замыкается в себе, по месяцу не дает ни строчки, а уборщица каждое утро вытряхивает из ее корзины целые горы изорванных на клочки черновиков... Когда, наконец, она перестанет метаться и скажет по-человечески, раз и навсегда: любит или нет?

Весенин снова услышал знакомые шаги. Теперь Зина была не одна. Вместе с ней из кабинета секретаря редакции вышел высокий широкоплечий человек. Он заметно прихрамывал. На нем была свободная черная куртка нараспашку. Грудь туго обтягивал мохнатый свитер, какие обычно любят носить летчики, геологи и водолазы. Лицо его показалось Весенину неприветливым и хмурым. Бросился в глаза узкий косой шрам, белевший над естественно изогнутой бровью. Зина шла немного впереди. Она была неузнаваема: побледнела, низко опустила голову. Вадима она не заметила, хотя, проходя мимо, едва не задела его плечом.

Когда за Зиной и незнакомцем захлопнулась дверь отдела информации, Весенин, невольно вздохнув, поспешил к секретарю.

— Виктор Борисович, — с порога улыбнулся он. — Обреченный на смерть приветствует вас! Кажется, так говаривали в древности гладиаторы. Иными словами, готов выслушать любую филиппику. Грешен! А посему — с критикой заранее согласен. Замечу только из любви к истине, что очерк был уже почти готов, но фатальное стечение обстоятельств, которое порою сильнее нас...

Он осекся, только теперь сообразив, что весь этот поток гладко льющихся фраз совершенно не коснулся внимания секретаря. Моргунов даже не поднял головы, а заговорил спокойным, ровным голосом, в котором не осталось и следа от обычного брюзжания, плохо скрываемой раздражительности:

— Гляжу я на вас, Весенин, — Моргунов подпер кулаком подбородок, — и черт знает какая злость меня берет. Талантливый человек, красавец, блестящий стилист, эрудит. А на

кой дьявол, простите, все это вам от природы?

— Не понимаю...

— И я вот тоже не понимаю, какая цель у вас в жизни, куда и зачем вы держите путь. Сегодня пишете об одном, завтра о другом. О старообрядцах — пожалуйста. О лепных карнизах — извольте. О трамвайных тормозах — тоже отказа нет! Чей конференс в филармонии? Вадима Весенина. Кто соавтор брошюры о зеленых квадратах? Опять же он! Мимоходом работаете, без души. Так, почтеннейший, ничего путного не создашь.

— А я, между прочим, романов писать не собираюсь. — Это был злой намек. В редакции все знали, что Моргунов уже несколько лет безуспешно корпит над рукописью книги о первых годах Советской власти на Урале, просиживает над ней все выходные, по двадцать раз перекраивая и шлифуя каждую фразу. Но Весенин и не подумал смягчить удар. С деланным безразличием он сухо добавил: — Трещусь, видите ли, в меру сил и возможностей. Выше себя не прыгнешь. Научно доказанный факт. Аксиома.

— А вы хотя бы раз в жизни пытались перевернуть это утверждение?

— Оставляю блестящую возможность другим. Я, к сожалению, реалист. И вообще, Виктор Борисович, если у вас до такой степени испортилось настроение, я вполне могу зайти и завтра.

— Ошибаетесь, Весенин. — Моргунов, с шумом отодвинув стул, быстро вышел из-за стола и настежь распахнул окно. Вместе с весенним ветром в комнату ворвалась многоголосая симфония дня. Стали слышны дребезжащие звонки трамваев, майское щебетание птиц, далекие гудки с заводских окраин. — У меня отличное настроение. Слышите, Весенин! Отличное!

В коридоре Вадим остановил рассыльную.

— Послушай, скажи мне хоть ты, какая муха укусила нашего Моргунова? Сначала распалился, а сейчас ходит по кабинету и прямо-таки светится весь.

— Посетитель, видать, у него был веселый.

— Веселый? — недоверчиво переспросил Весенин, вспомнив нерасполагающее, пасмурное лицо человека, который прошел к Зине в отдел. — А ты, случайно, не знаешь, откуда он к нам пожаловал?

— Приезжий, не иначе. И, может статься, начальник какой. Это почему я так говорю? А вот почему. «Вы кто? — спрашиваю его. — Как доложить?» А он мне и отвечает: «Скажете просто, что моя фамилия Калюжный». — Старушка пожевала губами и неуверенно поправилась: — Кажись, не так... Нарожный — вот как велел доложить.

— Постой, а зачем же его к Осадчей послали?

— Известно зачем, — гордясь своей осведомленностью, важно пояснила рассыльная. — Очерк им наказали в победный номер писать. Срочный досыл. О чем уж они в кабинете у Моргунова судили-рядили, не скажу. А знаю только, макет свой он тут же, видела сама, совершенно весь изорвал. И машину дежурную за кем-то на турбинный завод послал. Вот как...

13. «Я хочу сгореть от молний!..»

Закрывая солнце, медленно плывет по небу многотонная стальная ферма. Слегка сощурился глаза, Сергей Бойко внимательно следит за ее движением. Подняв над головой руку, едва уловимыми сигналами он помогает крановщице закончить сложный маневр.

Черная металлическая машина со кречетом опускается. Вспыхивают огни электросварки. И вот уже стальная конструкция намертво срастается с гудящей громадой одного из будущих корпусов. В такие минуты и зарождаются у Сергея стихи. Трудно быть равнодушным, когда своими руками возводишь корпуса гигантского комбината, равного которому не было еще во всей Европе, когда видишь, как поднимается над тайгой, тревожа покой Карганач-горы, новый уральский город.

Гора, говорят, древней Эвереста. Старше Казбека. Седее Монблана. А город — моложе не сыщешь. Нету пока что широких проспектов. Не видно бульваров и парков. После работы многим идти по узеньким тропкам в бурые холодные палатки, в низкие дощатые бараки. Но зато допоздна, каким бы горячим ни выдался день, спорят, мечтают хлопцы, загадывают наперебой: а как же здесь будет завтра. Потому что иначе нельзя.

Что ни день, взбирается Сергей Бойко по монтажной лестнице к облакам, а все никак не привыкнет к величию и красоте необозримой панорамы.

Просигналив такелажникам отбой, Сергей задержался на верхней площадке, чтобы еще раз окинуть взглядом многоцветную, привораживающую даль.

Отсюда, с будущего корпуса цеха крупного дробления, хорошо видны все боевые порядки комбината. Еще недавно здесь ярились ветры, стигая к земле низкорослые сосны, ломая молодой березняк, оголяя каменные склоны. А нынче будто ниже стала легендарная Карганач-гора. У подножья ее, наступая на черный, насупившийся лес, серебрится, бушует во всю десятикилометровую ширь рожденное строителями море. С каждым днем преобразуются его берега.

Ближе к восточным уступам четко вырывается светло-серое здание ТЭЦ. Высоко поднялась над ним, вся в огромных шахматных клетках, столпятидесятиметровая дымовая труба. Чуть правее, на том берегу, столпились темно-зеленые пакгаузы и временные склады. Стрелой уносится к ним недавно проложенная стальная колея. Мчит по сверкающим рельсам электричка. Тянет за собой причудливый хвост открытых платформ. По соседству, постепенно высвобождаясь из лесов, растет насосная станция осветленной воды. От западных склонов горы шагают один за другим первые кирпичные дома Железногорска. А по извилистому шоссе, сердито погромыхивая кузовами, несутся к бетонному заводу многотонные самосвалы...

Скрежет металла, раскаты далеких взрывов, шипенье электросварки, глухой несконча-

емый гул! И кажется уже: это грохочет не стройка, а вырываются из-под земли, доносятся из железных ее глубин густые, рокошующие голоса. Будто сама Карганач-гора угрюмо предупреждает человека: без боя богатства не отдам! Ну что же, поспорим. Затем и сошли с кораблей на сушу. Слышишь, гора?!

— Серега, ты что? — Перед Бойко неожиданно возник Борис Шестаков. Губы в улыбке. Глаза хохочут. — Сам с собой уже спиришь? Или опять стихотворный момент?

Сергей отмахнулся. Надо же так размечтаться. Теперь уж Борис не отстанет.

Над стройкой, подхваченный таежным эхом, деловито поплыл гудок. Кончилась смена. Тотчас откуда-то снизу раздался звонкий, совсем как у юнга, голос Семена Зуева:

— Стоп машина! Бросай якоря!

Не терпится парню катер скорее наладить. Тоскует по большой волне. Вместе с Толькой Юсуповым раздобыл на складе списанный мотор.

— Слышал, какое название они своему линкору придумали? — Сергей подмигнул Борису, но тот ответил подчеркнуто строго:

— Название я предложил...

— Ну, а на кой бы так звучно: «Ураган»? Катерок-то — скорлупка!

— Чудак ты, Серега. Сам ведь рассказывал, как на рыбачьих челнах на Буге даже штурм начинали. Тут, брат, водоизмещение ни при чем. Чего же, скажи тогда, по десять раз на день стихи нам читаешь? Да все выбираешь похлеще, поэвонче.

— Верно, чтоб звали в атаку. — Сергей достал из кармана небольшую книжонку в коричневом переплете. Примирительно улыбнулся: — Добро, по рукам! Хай будэ «Ураган».

Не хочу я гнить, как ива,
На болотных кочках где-то.
Я хочу сгореть от молний,
Словно дуб в разгаре лета!

— Сам сочинил? — восхищенно проговорил Борис.

— Скажешь тоже, — улыбнулся Сергей. — Шандор Петефи.

Увлечшись, Сергей не заметил, что из коричневого томика, которым он взмахивал при каждом слове, выпала закладка. Подхваченная ветром, она, словно перышко, скользнула с площадки вниз. Борис видел, как эта белая бумажка упала на грудь камней.

— Книгу хоть не урони, — прервал он Сергея. — Закладка уже на отметке «ноль».

— Где?

— Вон там... Н-на камнях...

Сергей стремительно спустился на землю и принялся ворочать каменные глыбы, среди которых затерялся кусочек бумаги. Борис тоже принялся разбрасывать камни.

Наконец, Сергей бережно поднял с земли белую полоску бумаги.

— Это для меня... — Он посмотрел на Бориса. — Ладно уж... Тебе, как другу, скажу. Это фотография, документ. Давно, еще в Петровске, переснял я надпись одну. Прочитать ее до сих пор не могу.

— А ну-ка, дай глянуть. — Борис взял в руки листок и тут же присвистнул: — Кроссворд! И правда, попробуй догадайся: «Пам. сат. О. и А.Р.»

— Эх, прочитать бы! — вздохнул Сергей. — Может, в этих десяти буквах столько сказано, что и не представить сейчас. На портрете ведь надпись была. На том самом...

— А ты бы, Серега, специалистам показал. Есть такие мастаки — хоть что расшифруют.

— Показывал... Установили, что надпись сделана острием ножа. Такие кинжалы были во время войны у разведчиков. Тот, кто писал, обладал большой физической силой. Вот и весь ответ.

— Ты меня, конечно, прости, — виновато проговорил Борис, — а только про портрет давно надо ребятам рассказать, не дожидаясь собрания. В одиночку, Серега, — не дело. Короче, давай на будущее — без секретов. Как в кубрике было. Идет?

По тропинке, петлявшей меж серых холмов, шли двое: Юрий Полуэктов — его Сергей сразу узнал по пестрому свитеру и лихо сдвинутому набекрень берету, и табельщица с бетонного Тамара Снегова — на всей стройке только у нее были такие золотистые, цвета поздней осени волосы. Рука Полуэктова лежала на плече девушки. Они брели не торопясь, весело разговаривая о чем-то. Сергею показалось, что он даже слышит их смех.

— А я-то думал, ты железобетонный... — пристально взглянув на Сергея, удивленно произнес Борис. — Выходит, ошибся Толька Юсупов. Зря тогда опровергал...

— Еще не известно, кто из нас ошибся, — отозвался Сергей.

14. День победы

Кто такой Нарожный, Вадим Весенин понял только на следующий день, когда прочитал в газете первые строчки большого очерка «Вечно живые». Это был взволнованный рассказ о подвиге десантников-черноморцев, бесстрашных солдат морской пехоты. Один из героев легендарного штурма Петровска на Буге, матрос Дмитрий Колесников, побывав в самом пекле, прошел потом до Берлина и салютовал в честь Победы у выщербленных и закопченных стен рейхстага. После войны он вернулся в родной Андреевск, в рабочую семью «Турбинки». До самого последнего времени никто не знал о героических событиях, участником которых был этот немногословный, простой человек. Среди боевых реликвий Колесников свято хранил пробитую пулями тельняшку. Ту самую, в которой сражался на петровских причалах...

Тут уж Вадиму не стоило особого труда припомнить, что о лейтенанте Нарожном, моряке, с которым связана туманная история какого-то портрета, еще года полтора назад рассказывала ему Зина Осадчая.

Как же случилось, что этот человек вновь оказался на ее пути?

Воскресший из мертвых — звучит нелепо. Но не менее странно выглядит и это неожиданное содружество: над заголовком — «Г. Нарожный», внизу, в самом конце, — «Литературная запись З. Осадчей». Ему стало досадно уже от одной мысли, что их фамилии стоят рядом, и тысячи читателей, заинтересовав-

шись очерком, станут потом выяснять, кто они, почему выступают вместе. Будут еще адресовать им обоим отклики. А в том, что теперь надо ждать читательских писем, он не сомневался.

Вадим накинул на плечи короткий серебристый плащ, сводивший с ума городских модников, и, подняв воротник, вышел на улицу. Было тепло. Только-только над городом весело про шумел первый по-настоящему весенний ливень. В воздухе пахло грибами. Улицы посвежели. Слюдяным, спокойным блеском сверкали тротуары. Зеркальным глянцем манили, притягивали взгляды прохожих чисто умытые окна домов.

Но Вадиму упрямо лезли в глаза лишь газетные киоски, газетные витрины, люди с газетами в руках. Отовсюду смотрел на него в упор тысячу раз повторенный печатной машиной крупно набранный заголовок: «ВЕЧНО ЖИВЫЕ», «ВЕЧНО ЖИВЫЕ»...

Что это еще за пессимизм? Сворачивать в сторону как будто рановато. Разве так Вадима ломала жизнь? По всему свету мотался — не уставал. После метельных фронтовых дорог колесил по степям Кубани, насквозь промерзал в Салехарде, бродил по Уссурийскому краю, осваивал Сахалин... До сих пор осталось на острове немало добрых и верных друзей. «Счастливого плавания!» — кричали они с пирса в минуту прощанья. Только куда ж ты, Вадим, сегодня заплыл? К какому берегу пристал?

Он гнал от себя со всех сторон подступившие раздумья, но они, подобно прибою, ненадолго отхлынув, шумно возвращались опять.

Зина снимала крохотную комнатку в деревянном, построенном еще в конце минувшего столетия доме, от которого за версту веяло стариной. Вадим так и не понял, почему она в прошлом году отказалась переехать в новую квартиру, уступив ее ворчливой учетчице из отдела писем.

Было еще светло, но в окне у Зины горел свет. Вадим толкнул калитку, обошел большую лужу у ржавой водосточной трубы и замер в нерешительности: через раскрытую форточку до него донесся незнакомый мужской голос. Вадим почти вплотную приблизился к окну. Сквозь неплотно задернутую занавеску было видно, как по комнате, слегка прихрамывая, нервно ходит взад-вперед тот самый человек со шрамом, который своим неожиданным появлением взбаламутил всю редакцию, а теперь, выходит, встал ему поперек дороги.

15. Мечтатели

В темно-синей шерстяной кофточке, в которой ее обычно привыкли видеть на работе, Зина молча сидела на низкой, покрытой ковром тахте. Ее задумчивое лицо с легкими морщинками у встревоженных карих глаз было неподвижно. Могло даже показаться, что она совершенно спокойна. На самом же деле Зина с трудом сдерживала волнение.

Нарожный хмурился, угрюмил брови, отчего резче становился след шрама на его смуглом разгоряченном лице. Говорил он медлен-

но, часто переводя дыхание. Дважды протягивал руку к лежавшей на столе пачке «Беломора», но так и не закурил. В пепельнице валялись скомканные папиросы.

— ...Я приехал в ваш город не только ради того, чтобы разыскать Дмитрия Колесникова. Мне нужно было повидать еще и вас. — Нарожный остановился у окна. — Я ведь не случайно нагрянул именно к вам. У меня был точный адрес. Не удивляйтесь. Вы ведь многого еще не знаете. Не представляете даже, кто я такой и на каком основании вторгся к вам в дом.



— Как знать... — негромко отозвалась Зина. Нарожный вопросительно посмотрел на нее. Не раз уж он замечал, что она порывает-ся ему что-то сказать.

— Я была медсестрой... в нашем санбате... Вас оперировал капитан Рогов... Я делала перевязку... Жаль, в сорок пятом не удалось выяснить, что случилось с вами после отправки в госпиталь. Сказать честно, мы уже считали: погиб человек. А ведь у нас с Роговым был к вам очень важный вопрос.

— Какой же?

— Мы с ним пытались установить, кто автор портрета, который передали для вас в санбат. Все сходилось к тому, что вы... вы — художник! А теперь я, право, не знаю...

— Нет уж, какой я художник, — хмуро усмехнулся Нарожный. — Рисую еще хуже, чем пишу. — Он снова прошелся по комнате, едва не задев головой абажур. — И тот человек, когда был на фронте, наверняка меньше всего говорил, что он художник. Он был солдатом. Прежде всего воином. А взялся в окопе за кисть лишь потому, что не мог больше жить без красок. Простите... Так, конечно, разговаривать нельзя, тем более с женщиной. Но объясните же мне тогда, как вы могли отступить? Начать поиски, а потом взять вдруг и все обрвать? Ведь вы журналистка! Да если так искать героев, половина из них останется неизвестной!

— Понимаю ваше волнение... — начала было Зина, необычайно ясно вдруг ощутив обидную правоту и справедливую резкость слов этого разгорячившегося человека, но он не дал ей говорить.

— Нет, вы еще не поняли. — Нарожный понизил голос и неожиданно сказал мягко, задумчиво. — Знаете, что? Давайте говорить, как старые фронтовые товарищи. Так будет проще. Выжил я, верно, чудом. — Нарожный оперся рукой о подоконник, задумчиво сощурил глаза. — Но чудеса не повторяются дважды. Ранения, говорят, не проходят бесследно. Это я так... к слову. Жизнь, она ведь все равно продолжается. Поступил в институт. Собираюсь стать кораблестроителем. Но уже через год все это пошло под откос. Врачи были кратки. Хотите, мол, ослепнуть и окончательно подорвать нервы — валяйте, протянете еще с полгода. Не поспоришь. Выдали мне новую пенсионную книжку и посоветовали уехать на юг. Вот и попал я опять в Петровск. В первый же день поклонился братской могиле, десанникам-морякам. Там-то я однажды и встретил седую женщину с цветами в руках. У нее хранится ваше письмо. Она привела меня в музей. И здесь я снова увидел портрет, который считал уже потерянным навсегда. Висит он на самом почетном месте. Еще во время войны его завершил какой-то опытный художник. Имени его, к сожалению, никто не мог назвать. Но я согласен с Анной Георгиевной: главное теперь — выяснить судьбу того, кто создавал портрет. Чтобы не было на табличке: «Неизвестный художник». Будто он к нам из XVII века пришел.

— Я думала, вы знаете все...

— Все, кроме имени художника, — удрученно произнес Нарожный. — Было это в марте сорок четвертого. Готовили к высадке десант. А мы, остальные, ложным рейдом немца

на себя отвлекали. Потом к хлопцам с боями на выручку пробивались...

Нарожный замолчал. На мгновение закрыл глаза.

— На другой день мы хутор Михайловку у немца отбивали. А моему другу Кириллу Тимашевичу, что обгорел в бою на Буге, приказано было отлеживаться, да разве удержишь такого! Вместе с нами, конечно, — в атаку... Перед самым боем он мне про портрет-то и рассказал. Сейчас, мол, не время, а вот вышибем фрицев из хуторка, я тебе такую картину покажу, что ты еще злее станешь воевать. «А кто же художник?» — спрашиваю. «Погиб, — отвечает, — художник». И больше ни слова. Только ярость одна в глазах. Поднялись мы в атаку. Кирилл в первой цепи. Тут его и срезала пуля. Будто поджидала — сразу напала. У развалин какой-то церквушки...

Нарожный снова подошел к окну. На улице ярко светили вечерние огни. В соседнем доме играла радиолка. От легкого ветра вздрагивала тонкая занавеска.

— Спихватились потом: где же портрет? А кто ответит, когда вокруг церквушки воронки да развалины одни. Все во время боя размолотили. Слышим только, кличут вдруг нас. Засыпало, мол, артиллериста-корректировщика в блиндаже. Почти прямое попадание. Откопали, конечно, парня. Глядим, а он телом своим картину прикрыл... Тот самый портрет, про который Кирилл рассказывал... И еще не забыть, как клятву мы перед тем портретом давали. Можно сказать, как перед знаменем гвардейским. Поклялись, что будем бить гадов не только за себя, но и за тех, кто погиб рядом с нами. А живы останемся — жить будем так, чтобы памятью это было всем нашим друзьям. Всем, кто не вернется с войны... И дал я в тот день еще один, особый зарок: считать себя перед другом в долгу, пока не разберусь до конца с портретом. Никто ведь не мог мне сказать, что был за хлопец художник и кого это он на картине нарисовал... Задумал удариться в поиск... Да вышел тут у меня такой перекосяк, что только в Уфе я уже по-настоящему очнулся.

— Ваш госпиталь был в Башкирии?

— И в Башкирии, и в Новосибирске... — Нарожный махнул рукой. — Разве о том разговор! Меня потеряли — считай полбеды. А вот знаете ли вы, что из двенадцати десантников, которые остались в живых, до конца отвоевался не только Дмитрий Колесников? Кроме него, вернулись домой еще трое. Адресов своих они, конечно, в министерстве не оставляли. Искать пришлось, как в тумане. С Алексеем Марченко, первым по счету, мне еще, можно сказать, повезло. Он человек оседлый. К станице своей прирос. На Кубани, в Белореченской. Работает сейчас комбайнером. А Колесников не сразу в Андреевск попал. После войны служил еще на Дальнем Востоке. Координаты остальных пока неизвестны. Но ничего. Теперь-то уж я их обязательно найду. Поначалу было труднее. Я ведь после победы два с лишним года по разным госпиталям провалялся.

И Зина поняла, что этот человек оказался в чем-то, жизненно важным, намного крепче, сильнее, чем она. С ним война расправилась безжалостней, круче. И все же он так береж-

но несет по жизни свои фронтовые воспоминания. Так дорожил ими, так их хранит. Он помнит все.

— Я решил идти по следу неизвестного художника,— взволнованно продолжал Нарожный.— Потом вдруг понял: грош мне будет цена, если я не выясню судьбу каждого из десантников. Надо разыскать всех, кто причастен к подвигу! Ведь эти люди заслужили не только золотые звезды. Они достойны бессмертия. Не мог я сидеть на завалинке в Ялте, окучивать яблони и разводить пчел, как советовали врачи. Вы понимаете? Не мог! Мы часто говорим: герои не умирают, они живут вечно. Но ведь это же пустые слова, если о героях знают лишь единицы! Память о подвиге должна вести за собой целую армию. Целую армию таких людей, которые готовы его повторить, если надо — сделать даже невозможное. В Котовске я уже разыскал родных Кирилла Тимашевича. Из Слюдянки на днях получил письмо. Живет там двоюродная сестра нашего бати, боцмана нашего Ивана Кривцо-

ва. Выходит, отсюда у меня дорога к Байкалу, в Сибирь. Затем в Самарканд податься. Из комитета ветеранов войны сообщили: нашлись родственники Мухтара Алиева. Железный был парень, можно сказать батыр. Тоже погиб на Буге... На Урале, правда, придется задержаться. Есть тут, подсказывает Колесников, ниточка одна. В Железногорске, на стройке... Все соберу, до крупницы, и поеду в Москву. Зайду к настоящему писателю и выложу ему тетради на стол. Не откажется, совесть не позволит. Обязательно напишет!

— Но ведь их же было...

— Шестьдесят семь! — резко оборвал Нарожный. — А у меня пока только восемь тетрадей. Это хотите сказать? И здоровья на три года осталось. Тоже прикинули. Не беспокойтесь. Не отступлю, не сдамся. Это, надеюсь, понятно?!

— А знаете, Григорий, вы-то меня совсем не поняли. — Зина удивилась своему спокойному голосу, а еще больше внезапно пришедшему в голову решению: — Я хотела сказать... остальные тетради вам удастся заполнить не раньше, чем через пять-шесть лет. А можно это сделать вдвое быстрее...

— Вы говорите...

— Да, быстрее.

Если заполнять их не одному, а вдвоем...

...Не спеша, размеренно отстукивают время часы. Двое склонились над столом. Они чертят замысловатые линии на карте, тщательно переписывают какие-то адреса, молча листают тетрадь в потертом клеенчатом переплете. Где уж им тут услышать, как скрипнула за окном калитка и высокий человек в серебристом плаще дважды медленно прошелся у железной ограды. Вскоре его тяжелые шаги, гулко отдавшись в тишину переулка, постепенно оттаясь, замерли за углом.



16. Вива ла амистад!

Сергей тренирует волю. Возможностей у него для этого хоть отбавляй. Все время рядом маячит художавая фигура Юрия Полуэктова. Этого

смазливому сероглазому блондину, если бы не слово, обещанное ребятам, с огромным удовольствием он так бы и развернул иной раз на все сто восемьдесят градусов. Ничего как будто тот не делает поперек. Управляется сноровисто, не хуже других. Но Сергея прямо-таки выводят из себя и его кривая ухмылочка, с которой он выслушивает задания, и постоянное передергивание плечами, будто чувствует человек чей-то колющий взгляд, и вдобавок еще ко всему эта кудрявая бородка, отпущенная, бог знает по какому случаю. «Не нравишься ты мне, Полуэктов!» — жестко хочется рубануть с плеча Сергею, но вместо этого он должен не спеша приблизиться к нему и вежливо, спокойно намеркнуть:

— А пояс, между прочим, полагается застегивать намертво. Работаем на высоте..

Проходит пять-десять минут, и они снова рядом, над одной конструкцией колдуют. Только стальная, нацеленная в небо колонна, да решетчатый узор арматуры разделяют их. Оба монтируют каркас будущей агломерационной фабрики. Оба метр за метром поднимаются ввысь, взбираются под самые облака. Издали их, пожалуй, даже не отличишь друг от друга. Когда смотрят с земли, все наверху одинаковыми кажутся. В многотиражке, знай себе, захваливают напрапалую. Склоняют из номера в номер: «Морская бригада», «Морской батальон...» А сегодня совсем огорошили. «Бригадой дружных» решили величать.

Словно в насмешку придумали. Ну какие охи, простите, с Полуэктовым друзья? Опять ведь недавно выкинул номер. Травил на весь клуб без запинки: я, мол, давно бы от Бойко ушел, не оглянувшись, только в другой бригаде с гульденами не тот простор, да и квартиры до конца семилетки не дожدهшься. А потом еще на спортплощадке перед девчатами загибал. Он-де и стойку на пятидесятиметровой высоте выжмет и «ласточку» сделает в кузове «МАЗа», на полном ходу. А ведь когда в бригаду просился, такое заявление накатал, что хоть сейчас его в коммунизм вне очереди пропускать. И десять классов закончил, и права тракториста имеет, и по гимнастике имеет разряд. Зачем только ему вся эта амуниция? По жизни и так ведь можно порхать. Без разрядов.

Сергей тренирует волю. Встретившись с Полуэктовым взглядом, невозмутимо кивает ему: подтяни, мол, потуже гайки; взяв в руки ключ, тут же показывает, где они уже отошли. А сам тем часом подбадривает себя: правильно, Сережка! Без выдержки нельзя. Какой из тебя человек, если ты в таком поединке уступишь, ненароком осечку дашь. Верно Анна Георгиевна пишет в письме: «Нетрудно быть сильным на одну минуту, на один только раз. Попробуй стать сильным навсегда». Что ж, постарайся. Не гляди так сурово, товарищ моряк. Клятва — дело святое. Я ничего не забыл..

— Тамарка! Бонжур! — слышит вдруг Сергей у себя за спиной шумный, восторженный возглас. Это кричит Полуэктов. Подругу заметил. Тамарку Снегову. Выскочила она из кабины проезжавшего мимо самосвала и стоит сейчас внизу, машет ему рукой. Из-под косянки — золотой дождь волос. И белые зубы блестят. Это она смеется. А вот теперь хму-

рится. Строго грозит. Не ему, конечно, а это-му... Но что это с ней?

Чужа недоброе, почти физически ощутив приближение беды, резко обернулся Сергей и замер на месте. Посредине закрепленной между двух пролетов балки, отстегнув монтажный пояс, Полуэктов пытался выжаться на руках. Широкий пояс, надежный друг высотника, позванывая расстегнутыми пряжками, покачивался на прикрепленных к балке цепях. Онемев, следили за Полуэктовым, неуверенно балансировавшим на высоте, работавшие рядом Толька Юсупов и Семен Зуев. Все молчали, не рискуя внезапным окриком выбить его из равновесия.

Сергей к балке ближе всех. Сбоку напыляет, готовая вот-вот опуститься на площадку, очередная конструкция.

— Юрка!!! — полоснул отчаянный вопль снизу. Полуэктов вздрогнул, испуганно качнулся в сторону, не удержался и рухнул в пролет. В последнее мгновение он ухитрился схватиться рукою за цепь.

Судорожно вцепившись в нее обеими руками, стиснув до боли зубы, Полуэктов раскачивался на тридцатиметровой высоте. Пальцы словно прикипели к металлу. И нет сил, чтобы разжать их и подтянуться к балке. Холодный пот струится по лицу, слепит глаза, крупными каплями скатывается за воротник.

Сергей расстегнул пояс и вскинул руки над головой. Этот жест заметила и поняла только крановщица. Тотчас же она начала разворачивать стрелу.

Внизу чернела земля. Из нее торчали железные сваи. Распльвались мутно-серые пятна щебня. Но Полуэктов видел только искаженное ужасом лицо Тамарки. Он знал, что она кричит. Жутко. Пронзительно. Страшно. И в то же время он не слышал ни звука. Вокруг звенела тягостно-томительная тишина. Чувствуя, что силы уже на исходе, он еще крепче сжал зубы и зажмурил глаза.

Прикосновение чьей-то сильной и осторожной руки вывело его из оцепенения. Не сразу Полуэктов разглядел, что рядом с ним раскачивается на тросах конструкция, а на ней, держась за стропы, стоит и тянется к нему Сергей Бойко. Дрогнула над ними стрела башенного крана, и Юрий почувствовал, как ноги его коснулись, наконец, чего-то твердого. В тот же момент Сергей крепко обхватил его поперек туловища и рывком притянул к себе.

Внизу их сразу же окружили. Юсупов, дико вращая черными, как уголь, глазами, принялся ощупывать Полуэктова. Убедившись, что тот цел и невредим и лишь раздал стекло и циферблат часов, облегченно вздохнул.

— С благополучным приземлением..

— С таким балаганом в другой раз без головы можно остаться! — налетел на Полуэктова Зуев. На лице у Семена выступили пятна. — Позер! Трепач!

— Будет тебе. Проработать еще успеем, — осадил его Борис и протянул потупившемуся гимнасту раскрытую пачку папирос. — На, закури, рекордсмен двадцатого века..

Полуэктов весь так и вспыхнул, но папиросу взял. Когда он потянулся к огоньку, все заметили, как у него трясется побелевшая у запястья рука.



Сергей молчал. Глядя через головы ребят, он первым увидел, что к ним, запинаясь о кочки, бежит, не своя от радости, быстроглазая веснушчатая девчонка с развевающейся голубой косынкой в руке. Растолказ монтажников, она бросилась навстречу Юрию, чуть ли не плача, припала к его груди. Не стесняясь парней, горячо обняла за шею, хотела поцеловать. Но он осторожно отстранился. Ему было неловко. Смущенно проговорил, обращаясь не столько к ней, сколько к себе самому, и глядя при этом искоса на бригадира:

— Постой ты... Драть меня надо, а не обнимать...

Тамарка вдруг отпрянула от него и, откинув за спину растрепавшиеся волосы, пристально всмотрелась в Сергея, будто встрети-лась с ним впервые.

— А ты и вправду роскошный парень. Моряк! Не зря в тебя девки целыми бараками влюбляются.— Озорно улыбнулась, но, увидев, как нахмурился Юрий, каким-то подкошенным голосом, по одному обронила слова:— Спасибо тебе, бригадир...

Снова запрыгали перед глазами веселыми, шальными искорками веснушки. Еле оторвал Сергей от них взгляд.

— Слушать надо, когда тебе... когда тебе...— Он замялся, не зная, как выразить мысль. Его выручил Семен Зуев:

— ...когда друзья тебе говорят!— чеканя слова, выпалил он в лицо Полуэктову.

Борис Шестаков скосил глаз в крохотную книжонку, только что извлеченную из-за пазухи, и провозгласил:

— Вива ла амистад!

— Ты это что?— возмутился Юсупов.— Если говоришь не по-нашему, так сразу и переводи. Я же тебя по-татарски не критикую!

Но Борис уже снова углубился в самоучитель.

— Да здравствует дружба — вот, что это значит,— тихо пояснил за него Сергей. И не удержался:— На Кубе не только бороды носят, там еще и по-испански говорят.

17. Снова в пути

11 мая. Целый вечер беседовала с Колесниковым. О портрете он не слышал ни разу. Удивительное дело: и Марченко, тот, что отыскан на Кубани, тоже ничего добавить не мог. Может быть, этот портрет совершенно не связан с десантом? Вот если бы узнать, кто на нем изображен,— тогда бы другой разговор.

13 мая. Не знаю, что происходит с Вадимом. Он по-прежнему сухо здоровается со мной, ни о чем не спрашивает. По редакции ходит сумрачный. Вчера забрал из секретариата уже подписанный редактором очерк и, говорят, всю ночь просидел над ним, переделывал заново и сокращал. Мне почему-то здорово жаль его.

Вот если бы он был хоть немного похож на Андрея или чуточку напоминал Нарожного! Ведь должно же быть в человеке что-то необыкновенное, звонкое, как весна...

15 мая. Вчера опять заглянул Колесников. Оказывается, к нему приходил Вадим. Разыскал его, начал расспрашивать. Просидели до поздней. А когда Вадим стал прощаться, Колесников возьми да и скажи: «А мы ведь с вами, товарищ Весенин, уже знакомы». — «Не может быть. Если бы меня с вами раньше случай столкнул, я бы обязательно очерком разразился». — «Сталкивал случай», — ответил Колесников. — «Писал я на ваше имя в редакцию. Просил помочь нашей бригаде пробить новый способ ускоренной сборки турбин. А вы мне тогда по телефону ответили: проблема, дескать, эта сугубо техническая, в принципе спорная, обратитесь лучше к специалистам. Дело прошлое. Сами мы тогда новинку свою отстояли».

Вадим долго молчал. А потом пожал Колесникову руку: «Что ж, будем шагать». Не сказал больше ни слова и простился. Вот Колесников и беспокоится теперь: не обидел ли человека? По-моему, волноваться не стоит. Вадиму такая встряска на пользу. Характер у него от природы прочный. Выдержит. А если задумается по-настоящему — совсем хорошо.

18 мая. Наконец-то Григорий прислал письмо. В Слюдянке плохо. Не подтвердилось. Краток невысказано. Никаких подробностей. Если бы не первая строчка — «Дорогой друг!», — я бы ему ответила вполне сердито. Нет! Ему ведь и так сейчас тяжело. Переживает, конечно, отчаянно.

20 мая. Добились-таки командировки. На днях выезжаю в Железнодорожск. Напишу ре-

портаж «Огни города юности». И во что бы то ни стало выясню, куда тянется ниточка, которую дал мне Нарожный. В случае удачи будет продолжение очерка о «вечно живых». Правда, зацепка слабая. Никаких имен, только предположение. Мне становится страшно при мысли, что оно может не подтвердиться. До чего же, наверное, все-таки трудно быть настоящим следопытом!

Единственная надежда — на Сергея Бойко.

22 мая. Телеграмма из Ангарска. Молодец Нарожный! Всего четыре слова: «Есть девятая тетрадь. Григорий». Скорее в Железнодорожск! Да здравствует поиск! За тех, кто в пути!

6 июня. Репортаж давно уже напечатан, а очерк — ни с места. Ничего не получается, хоть плачь. А все из-за того, что ниточка привела прямехонько к Юрию Полуэктову. Не тот человек. Даже трудно поверить, что именно этот бородатый юноша и есть племянник героя.

Тысячи «почему» возникают одно за другим. Почему Александр Самоцветов, один из самых отважных десантников, сумел украсить свою короткую жизнь ярким и памятным подвигом, хотя никто, казалось бы, не подсказывал ему правильного пути? Рос он в распавшейся семье. Ничейным сыном в школу пошел. Жил на далекой заимке у молчаливого лесника, который угрюмо молился на образа и до самой смерти хранил в стенном тайнике серебряные рубли николаевской чеканки. Только на службе, в городе Севастополе, началась по-настоящему у человека биография. Оборвала ее война. Ему тогда сравнялось лишь двадцать три.

Столько же сегодня и Юрию Полуэктову. Так почему же этот красивый и статный парень, с рождения познавший, что такое доброта и чуткость хороших людей, не испытавший в жизни и сотой доли невзгод Александра Самоцветова, оказался на поверку поэтом? Только спустился на землю — и начинает плутать, спотыкаться, будто и впрямь не знает, куда силы девать.

10 июня. Написала уже семь страниц «десятой тетради», а с очерком по-прежнему затормозил. Собственно говоря, с меня его никто не требует... Нет, нет, я теперь знаю: этого делать нельзя. Слишком часто я раньше соглашалась с Вадимом и легко отказывалась от головомных тем. Надо себя пересилить. Иначе дороги нет. Одно хождение по кругу, как в тесном фойе театра.

12 июня. Неужели это правда? Вадим Весенин больше не работает в нашей редакции... Уволился совершенно внезапно. Уехал в тот же день. Куда? Неизвестно. Вот и все. Как будто ничего и не было. Осталась только записка, которую он перед отъездом на вокзал незаметно положил мне на стол. «Мы еще встретимся. Когда — покажет время».

16 июня. Наконец-то человеческое письмо от Григория. Написал из Братска. Вон куда его занесло! Боюсь себе признаться, но это, кажется, действительно так: чем дальше уезжает Нарожный от нашего города, тем чаще я вспоминаю и думаю о нем.

Григорий Нарожный... Хорошо все-таки знать, что есть на свете такой человек. Жаль только, слишком уж до него далеко. А может быть, близко? Что ж ты молчишь, Зинаида Осадчая?

18 июня. Очевидно, я действительно не способна быть журналисткой. Этот злосчастный очерк выбил меня из колеи. А ведь была минута, когда я уже решила в душе, что вместе с Григорием мы смогли бы написать не просто серию очерков, а целую книгу. Боевую. Призывную. Нужную людям.

Замахивалась на книгу, а споткнулась на первой же непривычной теме. И все из-за этого Полуэктова. А как получилось бы здорово, окажись на его месте настоящий парень, такой, как Сережка Бойко. Ведь по идее Полуэктову — прямая дорога в большую жизнь. Он же преемник Александра Самоцветова, ему и продолжателем быть. Почему за него должны нести эстафету другие? Каждому путь открыт! И Полуэктот мог бы стать таким же героем, как черноморец Александр Самоцветов. Если бы только... Стоп! А может быть, так и начать: «Он мог бы героем стать...?» Сейчас ведь такое время, что каждый должен стремиться прожить героическую жизнь. Иначе он не настоящий человек, а так себе, человечико, трясущийся на клячке буден.

Ты ждешь, Полуэктот, когда тебя под руки введут в наш завтрашний день и скажут по щедрости душевной: «Ладно уж, пользуйся, черт с тобой!» А не подумал ли ты, что где-то там, у проходной, будут стоять и твой дед, подкошенный пулей на подступах к Зимнему, и ровесник твоего отца, зарубленный махновцами под Гуляй-Подем, и взорвавший себя вместе с фашистским танком родной твой дядька Александр Самоцветов? Простят ли они тебе заурядную, серенькую жизнь?

Эх, Зинаида Петровна, да это же и есть тот самый заряд, который нужен очерку!

22 июня. Сегодня я такая счастливая! Не найду даже слов. Моргунов, вопреки всем секретариатским традициям, преподнес мне огромный букет. Забежал Вершинин, рабкор с «Тяжмаша». В экскаваторном у них во время обеденного перерыва мой очерк читали вслух, и его попросили мне руку пожать. А главное, обрадовал Бойко. Позвонил в редакцию из Железнодорожска. Газету, говорит, рвут из рук. Просит прислать еще хотя бы парочку экземпляров. «Это, — смеется, — посильнее, чем удар в зубы». Непонятно, что он там имеет в виду, но, очевидно, и до Полуэктова дошло. «Теперь то мы уж его дождем», — пообещал Сергей. Дожимайте, ребята. Правильно! Надо, чтобы все сегодня были достойны вашего гимна. Как там у вас поется:

Если вышел в дорогу ты с нами,
Каждый день поднимайся на бой,
Чтоб пылал, как десантников знамя,
Факел нашей мечты над тайгой!

28 июня. Письмо от Григория! Из Самарканда. Ответил сразу, как только получил мой пакет с газетой и подробным отчетом о поездке в Железнодорожск. Очерк ему понравился. Поздравляет с победой. Так и написал: «Это, Зина, победа!» Оказывается, Александра Самоцветова ему нужно было найти в первую очередь.

В Самарканде у Григория тоже удача. Отыскал родных и друзей Мухтара Алиева. Выступил в школе, где когда-то учился Мухтар.

Теперь у нас уже одиннадцать тетрадей. Одиннадцать рассказов о людях героической судьбы. Но моя тетрадь требует, конечно, дополнений. Полуэктот рассказал слишком мало, а его обещание «подбросить еще кое-что» вряд ли можно принимать всерьез. Надо распутывать дальше.

И как же это хорошо, что возвращается, наконец, Григорий! Ехать он решил через Железнодорожск. Хочет во что бы то ни стало встретиться с Бойко и его братвой. Десятого будет в Андреевске.

18. Руки в порохе

Сережка расстроен. Сережка зол. Грамота, свернутая трубочкой, жжет ему руки. Какой же он победитель конкурса силачей, если Толька Юсупов выжал двухпудовку на шесть раз больше его! И Борис, главное, еще успокаивает: ты, мол, в средней весовой категории, а комсорг — в полутяжелой, какое же тут может быть сравнение. Утешил, называется. Как будто бы жизнь ставит перед человеком преграды в зависимости от его габаритов. Она, извините, не спрашивает, в каком вы весе выходите на помост. Ей важно другое: выдержитесь или нет. И Семен еще со своей философией лезет. Выбирать, говорит, надо одно. Либо духовный размах, либо физическое совершенство. Тоже мне, профессор. На Джека Лондона еще ссылается.

Немного успокоившись, Сергей повернул назад к клубу. Мало ли что расстроен. Бежать от товарищей все-таки не годится, как-никак бригадой пришли. Только Полуэктот повертелся для виду у библиотеки и тут же исчез, как обычно. Станный он какой-то стал в последнее время. Куксится, в глаза не глядит...

Сергею вдруг показалось, что где-то рядом послышался злой окрик. Вглядевшись в темень, черной стеной подступившую со стороны леса к домам, он в следующее же мгновение бросился туда, откуда снова донесся отрывистый сипловатый возглас. Едва не упав, споткнувшись о камень, Сергей выхватил на ходу карманный фонарь. Узкий луч прорезал темноту и осветил двух ощерившихся парней. Высокий, стриженный наголо детина грубо удерживал за руку вырывающуюся девушку. Прыжком Сергей приблизился к ним. Направил луч прямо в лицо долговязому.

— Отпусти!

Девушка вскрикнула, рванулась в сторону. Но цепкие руки не отпускали ее. Сергей услышал злобный шепот второго хулигана:

— В нюх не хочешь?

Не обращая внимания на угрозу, изловчившись, он мигот перехватил руку стриженного и, намертво стиснув в запястье, изо всех сил рванул ее к себе. Верзила со стоном упал на колени. Девушка, освободившись, кинулась в темноту.

— Бойко! — Это напарник длинного узнал Сергея. Хулиганы сломя голову кидаются в разные стороны. Догнать бы хоть одного! Сергей пробегает несколько шагов и возвращается назад. «А драться, выходит, иногда все-та-



ки нужно». Здесь, вроде бы, он натолкнулся на них. Ну, да. Вот и фонарь. Не разбился даже. Горит. А это что такое? Сергей поднял с земли косынку. Голубую, с тоненькой белой каемкой. Не может быть?! Неужели это была она?..

— Тамара! Снегова!..— прокричал он в темноту.

Заготовало сонное эхо. И тотчас же совсем рядом тихо, виновато прозвучал знакомый девичий голос.

— Я здесь, бригадир... Не шуми.

— Ты здесь?! — поразился он и, не найдя слов, молча протянул косынку.

Она взяла ее в руки и, порывисто прижав к лицу, заплакала навзрыд. Сергей обнял ее, пытаясь успокоить.

— Не надо, Тамара. Зачем ты...

Она быстро подняла голову. Утерла платком глаза.

— Они тебя испугались, бригадир. Ты ведь с такими крут. А я... А мне просто стыдно стало. Как в тот раз, когда ты меня за слово соленое отчитал. В краску вогнал при всех... Да потуши ты фонарь! Вот так. До клуба проводишь?

Сергей кивнул. Они медленно спустились с насыпи. Тамара снова заговорила, все еще со слезами в голосе:

— Оттого я и побежала. Не со страху. Пуганая... Ко мне эта дрянь так и липнет. Оттого, может быть, я и злая. Когда еще на руднике жила, меня так и звали: «Не тронь — укусит». А мачеха, та еще почище величала. От нее и набралась... Да что это я. Совсем это ни к чему. Ты ведь, бригадир, меня не уважаешь...

— Сам не пойму.

— Вот как...— удивилась она.— А почему?

— Потому что... Видишь ли... — замялся Сергей.

Уже стали попадаться прохожие. Тамара, так ничего и не возразив, остановилась на перекрестке. Сергей по напряженному лицу ее сразу догадался, что ей хочется о чем-то спросить его.

— Ну, что же молчишь? Говори...

— Ты мог бы мне помочь, бригадир?.. Юрка надумал уйти из бригады...

— Странно, — пробормотал Сергей. — Гнали — просил оставить. За фокусы на высоте да за последнюю выходку совсем хотели с корабля списать. Приказ уже был готов. Едва отстояли. Поручились за него всей бригадой. А он теперь — нате вам! В другую задумал перейти?

— Уехать он отсюда хочет, насовсем. Не могу, говорит, больше. Чужой я здесь. — Тамара невесело усмехнулась. — Фотографию в газете напечатали. Вся ваша бригада. Он как увидел, даже в лице переменялся. Написали, что борются за высокое звание, а мне, говорит, знакомые при встрече проходу не дают, поддевают на каждом шагу. Не за звание, мол, в вашей бригаде борются, а в основном с тобой нервы треплют. Думаешь, ему приянго? Он ведь тоже человек. А тут еще эта статья о герое, о родственнике его...

— Так что же ты хочешь?

— Не отпускайте его... Я к тебе, как к другу... С Юркой поссорилась... из-за отъезда... Оттого и убежала одна... Нельзя его отпускать...

— А почему бы вам вместе не укатить? — каким-то не своим голосом спросил Сергей, и сам испугался неожиданно пришедшей в голову мысли.

— Нет, бригадир, я со стройки теперь — никуда. Здесь только у меня и жизнь-то началась. И Юркина дорога — с вами. Здесь, а не где-нибудь, на легком перегоне. Не отпускай его. Поможешь?

— Поможем.

— Спасибо тебе, бригадир. За все... — Тамара пожалала Сергею руку и улыбнулась: — Какая у тебя шершавая ладонь. Мозоли. Гляди: и крапинки впечатались в кожу, как уголь у шахтера. У моего отца руки тоже были в таких же точечках. Совсем как от пороха.

Словно что-то припоминая, Сергей сощурил радостно заблестевшие глаза.

— Давным-давно, еще в Петровске, увидел я в музее такую картину. Палачи Парижской коммуны — версальцами их называли — ищут среди рабочих тех, которые сражались на баррикадах. Подошел офицер к одному из арестованных, сжал саблю и зверем смотрит ему на ладони. Рядом — солдаты с ружьями наготове. А подпись под той картиной примерно такая: «На пальцах мозоли и руки в порохе — расстрелять!» Вот ведь катюги! Я потом все, какие только нашел, книжки о коммунарах перечитал. А для себя порешил: так надо жить на свете, чтобы всегда были пальцы в мозолях и руки в порохе. Чтобы каждому было видно: ты с теми, кто сражается на баррикадах.

— В мозолях и порохе...

Так врзался Тамарке в память этот разговор, что, размышляя потом над каждым словом Сергея, она даже как бы слышала его

голос, чуть приглушенный, задумчивый и добрый. Зато никак не могла припомнить, где же они попрощались и как она добралась до клуба. А вот разговор с Юркой, которого неожиданно встретила уже у самого барака, тоже запомнился надолго. Может быть потому, что он был коротким.

— Где пропадала?

— Отсюда не видно.

— Определенно, — буркнул Юрка, — иначе бы я тебя разыскал. Весь поселок обшарил.

— Покажи-ка мне лучше руки, борода.

— Извольте, «Мисс Карганач».

— Не то.

— Что не то? Ты же не глянула даже!

— Не в порохе. Руки-то у тебя...

— Брось чудить, — взъерепенился Полуэктов. — Взрывником мне, что ли, сделаться, чтобы тебе угодить?

— Зачем взрывником. Настоящий парень — тоже звучит что надо.

— Ничего не понимаю... — Полуэктов недоуменно пожал плечами.

Вдали за Карганач-горой прогреготал хрипловатый гром. Где-то в тайге уже бушевала гроза.

19. Тайга шумит

На перрон станции Железнодорожск вышел из поезда высокий плечистый человек в черной куртке нараспашку, с небольшим чемоданчиком в руке. Прихрамывая, досадливо морщась на каждом шагу, он медленно направился к вокзалу.

Это был Григорий Нарожный. С тех пор, как его видели в Андреевске, он заметно изменился. Сильно похудел. Задумчивее, строже стал взгляд. Густой загар покрывал теперь его лицо, и от этого еще больше бросались в глаза четко обозначившиеся под смуглой кожей скулы и размашистый шрам над бровью.

Дежурный по станции, расторопный, словоохотливый старик, у которого Нарожный спросил, как добраться до стройки, участливо поинтересовался:

— Может, нездоровится с дороги-то? — И тут же предложил: — Передохнули бы уж лучше до утра. С погодой-то, вишь, какая история.

И в самом деле все предвещало ненастье. Низко опустилось над землей затянутое тяжелыми тучами небо. Порывистый ветер кружил с повисшим пылью. В воздухе стало невыносимо душно.

— Ничего, не в открытом ведь море.

— На флоте, видать, служили?

— Служил.

— Балтиец?

— Черноморец.

— А у нас тут тихоокеанцы в большинстве.

— Вот их-то мне и надо, — улыбнулся Нарожный. — Войко — такого не знаете?

— Это почему же не знаю! — обиделся старик. — Моряцкая бригада. И катер у них, как положено, есть. Где работают, там и стоит. Такой закон заведен.

— И где, выходит, сегодня причал?

— Аккурат у главного корпуса. Деньки-то нынче горячие. Каждой минуте счет. Вот вся бригада и порешила на корпусах теперь ноче-

вать. Сколотили времянку, в ней и живут. И стройка под боком, и море под рукой. Пока монтаж не закончат, в поселке их и не жди. Тут уж проверено. Моряки! — Дежурный сощурился и снова предложил: — Переждали бы непогодь, а?

— Да нет уж. Я перво-наперво к морякам.

— Неужто дело такое срочное?

— Дальше некуда.

— Я ведь это к чему говорю, — ухмыльнулся железнодорожник. — Тут ветрогон один давеча подкатил. На самосвале. Расшумелся. Срочный, вишь, у него рейс. К складу «Взрывпрома». Какую-то химию противопожарную везет. Пропускайте его вне очереди. А небо чуток нахмурилось — вмиг красавец переменялся. Самосвал — под навес, сам в дежурку бегом. «Козла» теперь забывает. Морского! А промежду прочим, тоже из ваших. В полоску на нем... тельняшечка...

— Добро, пошли в дежурку.

В маленькой прокуренной комнатке было шумно. Здесь уже собралось человек де-

сять. За столом хитроглазый, ладно скроенный парень энергично перемешивал костяшки домино. Изрядно вспотев, он уже сбросил ковбойку и теперь сидел в одной тельняшке, под которой так и ходили упругие мышцы. Чувствовалось по всему, что парень этот — хозяин положения и шутки, затейливое его балагурство нравится компании.

— Кто здесь шофер? — громко спросил Нарожный.

Игроки притихли. Стало слышно, как за окном беснуется ветер.

— Ну, предположим, я, — сузив глаза, нехотя ответил парень в тельняшке. — А дальше что?

— С каким грузом?

— Огнетушители системы «Опрыскиватель». Мечта лесника. Последнее слово химии...

— Перестаньте кривляться! — резко оборвал его Нарожный. — Где должен быть моряк, если на борту срочный груз, а на море начинается шторм?



— Позвольте,— поднялся водитель,— вы кто же, инспекция? Или, может быть, контр-адмирал в отставке?

Медленно, изо всех сил стараясь как можно мягче ступить на разболевшуюся ногу, Нарожный приблизился к столу. И хотя на его лице не дрогнула ни одна морщинка, каждый, кто был в дежурке, почувствовал тут же, нутром ощутил, какого огромного напряжения стоили ему эти несколько шагов.

— Когда мы в последний раз шли под Петровском в атаку,— глядя прямо в глаза шоферу, тихо, с расстановкой произнес Нарожный,— я был лейтенантом... гвардии лейтенантом...

— Под Петровском!.. Это там, где в десанте... В газете писали...— Лицо водителя преобразилось. Восторженно загорелись глаза: — У-у, сила! С такими бы вместе...

— Так ты ж из обоза! — холодно отрубил Нарожный.— Зачем тебе в бой?

— Из какого обоза?

— А по-твоему, отсиживаться в бурю, когда тебя ждут на стройке,— это значит воевать? Забывать «козла», когда нужно мчаться по тайге — это, выходит, бой?!

— Довольно! — ударил ладонью по столу шофер. На пол полетели костяшки. Отодвинув ногой скамью, он широко шагнул к Нарожному: — Все понятно.. товарищ лейтенант! — И торопливо начал надевать ковбойку.

Лишь сейчас, сидя в кабине несущегося в тревожную ночь самосвала, Григорий почувствовал, как на него всей своей многотонной тяжестью навалилась еще небывалая усталость. А тут еще, как на зло, с ногою... Невмоготу. Ноет и даже будто бы шевелится глубоко засевший осколок.

Только не это тревожит Нарожного. Зубы сжимать умеет. Сердце сдает — вот уж тут не попишешь. Должно быть, не зря сердились врачи. Профессор, колочий такой старик, даже руки не подал на прощанье: «Вы, почтеннейший, медицину не уважаете. Так вам никакие лекарства не помогут». Дорогой профессор, наука, она, конечно, права. Да только по-разному устроены люди. Знаете ли вы, что в Слюдянке, где след оборвался, совсем уж, думал, сердцу каюк. Задыхался вконец. А отыскалась вдруг в Братске родня Ивана Кривцова — и будто новый заряд в груди!

Трудно, конечно, профессор. Трудно. Ну, а боцману нашему, бате, легче было в бою, на причалах? В упор хлестали из укрытия огнеметы. А рядом с Кривцовым раненым друзья. Стрелять еще могут. Отползти — уже не сумеет. Последней гранатой разве рискнешь? Батя подкрался к укрытию, ударил наверняка. С нескольких метров. Пламя столбом! И сам загорелся, как факел. Рухнул в окоп на немец — рвануло второй огнемет. Тело Ивана Кривцова опознать потом уже не смогли. Может, и вправду сгорел до тла...

А Мухтар Алиев... Александр Самоцветов... Художник, что написал портрет моряка, идущего на подвиг... Скажите, люди должны об этом узнать? Особенно те, которым сегодня — снова сигнал в атаку. Таким вот, как

этот парнишка в ковбойке, что так лихо гонит сейчас машину навстречу упрямому ветру...

— Странный вы все-таки человек,— не выдерживает водитель.— Буря-то вон какая поднялась! Гроза того и гляди врежет. А вы хоть бы слово.

— А что, разве еще далеко?

— Далекое-то оно, может, и недалеко...— раздумчиво проговорил шофер,— да только в такую погоду... Места здесь особенные. Ветры случаются сильные. Налетают из-за горы, и начинается светопреставление. Метет, как в пустыне. Только треск стоит. Бурелому тут видимо-невидимо. Старики толкуют: это земля человеку отпор дает. Чтоб не тревожил железные клады.

Водитель резко крутанул вдруг баранку и изо всех сил нажал на тормоз. Машину круто развернуло. Лязгнули цепи. Что-то сломал на своем пути, самосвал еще немного продвинулся боком вперед и, наконец, встал поперек дороги.

— Ну, началось! — шофер с трудом распахнул дверцу и, прикрывая глаза ладонью, прыгнул в темноту.

В кабину ворвался ветер. В лицо хлестнула перемешанная с хвоей пыль. На зубках заскрипел песок.

Пересилив тягучую боль, пронзающую при первом же движении ногу, Нарожный последовал за шофером.

Им преградила дорогу рухнувшая под натиском бури сосна. Над землей торчали могучие лапистые ветви. Яростно их раскачивал ветер. А вокруг угрюмо шумела и протяжно стонала тайга.

— На корпуса прямиком не прорваться! — прокричал, наклонясь к Нарожному, водитель.— Надо пробиваться с фланга. Курс — на склад!

Фланговый рейд оказался не легче. Через полкилометра им снова перерезал дорогу завал. Уже вовсю бушевала гроза. По черному небу судорожно металась молния. Но было по-прежнему сухо и душно.

С силой вонзая в дерево топор, Нарожный то и дело поглядывал на шофера. Парень, видимо, только сейчас сообразил, почему его так торопили с этим «химическим» рейсом. Промоленные, как тросы, ветви. Сухая, как порох, хвоя. Дикая, неистовая гроза...

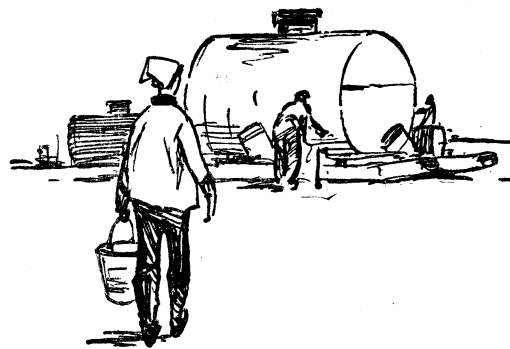
— Еще километр — и порядок! — тяжело дыша, крикнул водитель, чувствуя на себе пристальный взгляд Григория.— Тут, за поворотом, сторожка... Спуск небольшой... И сразу...— Водитель осекся.— Товарищ, вы что?! Товарищ лейтенант!..

— Ничего, брат... ты жми...— прошептал непослушными губами Нарожный, чувствуя, как разом нахлынула на него звенящая тишина и будто якорной цепью сдавило грудь.— Это, брат, сердце... Сейчас отойдет...

Он уже не слышал, как снова и снова врезался в завал топор, как выл, надрываясь, ветер и хлестали по кузову ветви, как самосвал, наконец, затормозил у небольшой сторожки, в окне которой тускло светился огонек.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

НА ЮЖНОМ УРАЛЕ



1954 год. Первая поездка на целину. Необъятные степные просторы Южного Урала. Всюду машины, машины и машины. Но главное на целине — люди: тысячи молодых энтузиастов, которые приехали сюда по зову партии выращивать хлеб.

Когда встречается в жизни хорошее, необычное, хочется, чтобы как можно больше людей узнали об этом. Сначала в моем альбоме появились зарисовки, а затем возникла мысль создать серию рисунков о молодых хлеборобах.

Конец зимы. Тракторы и вагончики на лыжах. Голубой дымок из труб. А кругом, до горизонта, белый снег.

Первая весна — начало великого наступления.

Большие и маленькие палатки. Походные кухни, бочки с водой, гул моторов и песнь жаворонка в небе.

Парни и девчата, приехавшие из городов, держали экзамен на профессию хлебороба. Учились водить тракторы и комбайны, учились строить дома, штукатурить и малярить. С комсомольским

задором работали они и на полях, и на строительстве, на прокладке новых дорог.

...Гудит степь. Первые борозды. Светлячки фар в ночи, звезды в небе...

Синеющая пашня необъятна и могуча, как море...

Осень. На токах — горы золотистого хлеба. Голубое небо и желтая пшеница. Девушки радуются щедрому дару земли...

Дорога уходит в степь. Вдали она ветвится, как дерево, и всюду светлячки фар. Это машины. Это идет хлеб.

Мне довелось побывать на Южном Урале много раз, довелось видеть молодых хлеборобов и в промасленных фуфайках, с воспаленными от степных ветров глазами, и нарядно одетыми в новых клубках, возведенных их же руками. Это герои. И о них я, как мог, рассказал в рисунках, экспонировавшихся на Всесоюзных и республиканских художественных выставках в Москве.

М. Ткачев.



*Из альбома
художника
М. И. ТКАЧЕВА*



ВЕЧЕР.



НА ТОКУ.



ПОПУТЧИК
ВЫРУЧИЛ...



НОВЫЕ ДОРОГИ.



СЕВ.



МАЛЯРЫ.

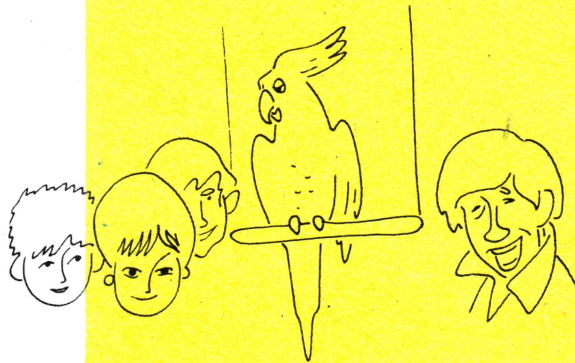
МОЙ зоопарк



Стихи Б. МАРЬЕВА.

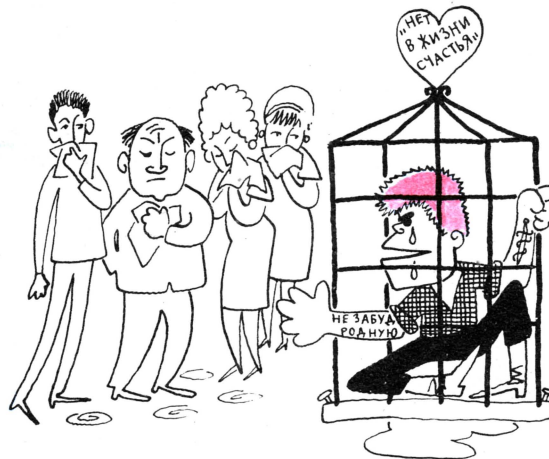
Рисунки Г. Перебатова.

Итак,
Осмотр начнем со Льва,
Он в зоопарке — голова,
Он — царь зверей,
И потому
Все подчиняются ему.
Когда рычит он,
Все дрожат
От воробьев
До верблюжат.
Его и холят, и стригут,
И от простуды стерегут...
А Лев лениво щурит глаз:
Ему бы в джунглях
Встретить
Вас!

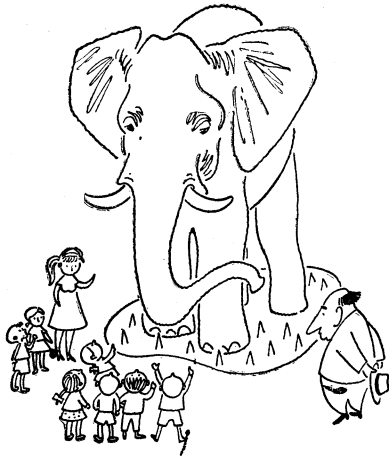


Попугаев
Дружный хор:
— Попка дурень!
— Попка вор!..

Содержательный,
Однако,
Происходит разговор.



Волк
С тоской глядит на прутья:
Перегрызть?
Напрасный труд...
Почему же
На поруки
Нынче Волка не берут?



Ну разве это жизнь была
 На воле
 У Орла?
 Недаром клюв повис
 Крючком,
 А крылья тощие —
 Торчком.
 А в зоопарке —
 Это да!

Уход,
 И мясо,
 И вода.
 Но Воробей сегодня плел,
 Не знаю почему,
 Что будто бы на днях
 Орел
 Завидовал ему...

Стоит
 На толстых тумбах
 Дом
 И называется
 Слоном.
 Его братишки и сейчас
 Таскают бревна-палки.
 Он представляет их
 У нас
 При здешнем зоопарке.
 Он, правда, хобот не трудил,
 Зато не пил
 И не курил.
 Манеры и размеры —
 Основа для карьеры.

У Мартышки
 Полон рот
 И хлопот
 и забот,
 То она сидит на ветке,
 То совсем наоборот.
 Вот соседку почесала,
 С Какаду поссорилась,
 Вот газетку почитала —
 Еле успокоилась.
 Столько дел!

Столько дел!
 Будет ли когда предел?
 Однаво живем на свете,
 А так много хочется...
 Тише!
 Не мешайте, дети,
 Ей сосредоточиться...



Напели людям
 И зверям:
 Осел — дурак,
 Осел — упрямя,
 А никому на свете зла
 От бедного Осла.
 Ишак

И в самом деле прост,
 Ему недаром крутят хвост...
 А вот Фома —
 Осел ослом,
 А хвост не выкрутишь:
 Диплом!



Уж такова
 Верблюжья притья:
 Он может
 Сорок дней не пить!
 Он больше мог когда-то,
 Но это
 Трудновато.



Скоро взвевается флаг IV Уральского слета следопыта. В редакцию журнала приходит много писем. В них ребята спрашивают: «Как заслужить право быть участником слета? Какое задание надо выполнить, чтобы называться лучшим следопытским отрядом?»

Ответить на этот вопрос и просто и сложно. Потому что разнообразных дел — непочатый край. Мы коротко расскажем о самом важном.

9 мая 1965 года отмечалось двадцатилетие окончания Великой Отечественной войны. Наверно, нет такого отряда, который не занимался бы поисками неизвестных героев. И если вы на слете расскажете о подвигах ваших земляков, расскажете о неизвестных бойцах и командирах Советской Армии, отдавших жизнь за нашу Родину где-то на безымянной высоте, — вы сделаете большое дело.

Впереди еще одна знаменательная дата — 50-летие Советской власти.

Немногим больше двух лет осталось до 7 ноября 1967 года. Готовиться к этому дню надо уже сегодня. Почти в каждом городе, районе, селе живут участники революционных событий. Познакомьтесь с ними, запишите их воспоминания. Может быть, они передадут вам для музея интересные исторические документы, редкие фотографии? Может быть, они помогут вам разыскать уральцев, которые устанавливали Советскую власть в нашем крае, но сейчас живут в других уголках Советского Союза? Может быть, они подскажут вам маршрут похода и сами пройдут с вами по следам тех великих дней?

Мы предлагаем каждому следопытскому отряду Урала провести в честь 50-летия Октября посадку сосны, лиственницы и особенно кедра в своем районе. Создавайте кедровые питомники!

Посадочный материал можно взять в лесхозах и леспромхозах. Только в питомниках Свердловской области есть столько готовых к посадке двухлетних сосенок, лиственниц, елей и кедров, что для их расселения нужна площадь в 20 тысяч гектаров.

Если хотите создать кедровые рощи, обратитесь в Верхотурский, Белоярский леспромхозы, в Камышловский, Билимбаевский, Верх-Исетский, Каменск-Уральский, Егоршинский лесхозы Свердловской области.

Да и в других областях нашего края работники лесных хозяйств всегда пойдут вам навстречу.

Пусть будет больше следопытских гектаров! Пусть новые зеленые массивы, кедровые рощи украсят землю ко дню рождения нашей Родины!

Важное дело — поиски месторождений полезных ископаемых. Много-тысячная армия геологов-любителей выходит ежегодно на разведку земных недр. Открытия часто имеют большое народнохозяйственное значение. Например, в прошлом году премии Государственного комитета по геологии и охране недр за выявление новых месторождений меди, горного хрусталя, магнетитовых руд, золота, платины получили пять самодельных геологических коллективов Свердловской области.

Для тех, кто нынче впервые пойдет в поход на поиски полезных ископаемых, мы сегодня *предлагаем два маршрута.*

Можно рапортовать на слете о том, как вы помогаете сельскому хозяйству, о том, как вы составили почвенные карты, как охраняете природу родного края, как создали общественные заповедники, открыли новый школьный или заводской музей, как написали историю своего района, завода, школы, улицы...

Переходящие призы «Уральского следопыта» будут вручены самым боевым, самым любознательным, самым неутомимым, тем, у кого за плечами настоящее большое дело.

Ждем вас на слете, друзья!

ПО РЕКЕ ВИЖАЙ

Река Вижай — правый приток Лозьвы. Она пересекает Северный Урал в широтном направлении, поэтому по берегам ее много коренных обнажений разнообразных горных пород.

Как доехать до Вижая? От Ивделя до поселка Полуночного — железной дорогой, а далее на север, до одноименного поселка Вижай — на автомашине. Потом пешком.

Общая длина реки около 96 километров. В самой верхней части она представляет почти непрерывный ряд водопадов, связанных между собой небольшими плесами. Дно, как правило, — галечник и крупные валуны.

Встречаются карстовые явления, — когда вода из русла почти вся уходит под землю, обнажая дно на протяжении километра. Карстом объясняется и тот факт, что зимой, даже в самые сильные морозы, в 12 километрах от устья Вижай никогда не замерзает.

Раньше местное население — манси объясняло необычное поведение реки действием божественных сил.

Если группа пойдет по этому маршруту, в местах проявления карстовых явлений надо исследовать дно реки, карманы и карстовые пустоты.

Река Вижай богата рыбой, особенно хариусом и тайменем. А прибрежная тайга — дичью: рябчиками, тетеревами, глухарями и дикими утками. Есть много пушных зверей — белка, куница, заяц, лиса, бурый медведь, рысь, соболь, из травоядных — лось и прирученный северный олень.

На берегах и в долине реки обилие ягод, таежные тропы усеяны грибами.

Но самое большое богатство Вижая — его берега. Здесь можно открыть новые месторождения железа, бокситов, марганца и цветных металлов.

Исследование реки и прилегающей к ней территории надо проводить в местах выходов коренных пород, с отклонением 5—10 километров на север и на юг. Маршруты прокладывайте в широтном направлении.

К ВЕРШИНАМ УРАЛА

Еще один маршрут. Станция Печора — село Аранец (пароходом), потом гора Сабля — река Вангыр — гора Колокольня — гора Манарага — гора Народная — станция Кось-Ю.

От Печоры до верховий реки Южный Вертный он проходит по пермским песчано-глинистым отложениям. Здесь залежи строительных материалов — пески, песчаники, гравий, глины: агроруда — белая, серая, бурая, глинистая. Торф и вивианит — болотные образования — могут служить удобрением; вивианит не загрязненный, чисто голубого цвета — сырьем для красок; есть медистые песчаники с медной зеленью и синью.

От истока Южный Вертный, не доходя половины расстояния до горы Сабля, маршрут пересекают известняки. В них можно найти бокситы или бокситовые глины красно-бурого, черного или вишневого цвета.

Дальше на пути до Сабли и через нее до истоков реки Войвож следопыты могут обнаружить железистые кварциты, строительные материалы, поделочные кварциты.

В районе безымянного притока реки Кось-Ю стоит поискать глинистые сланцы и залежи каменного угля.

К ЧЕТВЕРТОМУ УРАЛЬСКОМУ

ПЫЛАЮЩАЯ ВОДА

Рассказ

Евгений МАРЫСАЕВ

Рисунки Ю. Ефимова

Если требовался совет опытного таежника и мы подыскали нашего проводника Егорку, посторонние на нас смотрели с улыбкой: полноте шутить, какой из этого мальчика проводник.

Точно такие же улыбки были на наших лицах, когда весною отец Егорки, якут Савелий, пришел из отпуска с мальчиком лет пятнадцати и сказал:

— Вместо меня будет, начальник, до сентября, до школы, с партией ходить. Целый отпуск просился: возьми да возьми. Доволен останешься. У него глаз орла, ноги оленя...— В глазах Савелия затеплилась отцовская гордость.

— Но вы, конечно, тоже останетесь?— уточнил начальник партии.

— Зачем?— возразил Савелий.— Я по трактору соскучился, да и колхозу надо помочь. И мамка его на меня ворчит, говорит, совсем дом забыл. Так что до осени с тобой прощаемся, Борис Владимирович.

Егорка стоял в стороне и глядел то на отца, то на начальника партии. Во взгляде юного проводника не было ни страха, что его могут не взять, ни просьбы. Держался он с редким для подростка достоинством и уверенностью.

— Пойдите! Здесь какое-то недоразумение...— сказал Борис Владимирович.

Егорка поправил карабин за плечом и решительно шагнул к начальнику партии.

— Возьмите, Борис Владимирович, не пожалеете. Тайгу я знаю не хуже отца.

Уверенность паренька сбила улыбку с самых смешливых. Решили так: идти в маршрут с новым проводником, и, если он окажется бездарностью, в первом же поселке найти другого.

Очень скоро мы поняли, что Егорка— опытный следопыт, прямо муд-

рец. В тайге он чувствовал себя как в большом, хорошо знакомом доме. Ему, например, ничего не стоило взглянуть с следа на след и с точностью до нескольких часов определить, когда прошел зверь; внимательно исследовав лежанку, он уверенно говорил, что здесь отдыхал именно медведь, а не сохатый и никакой другой зверь.

— Почему именно медведь?— сомневались мы.

И следовал ответ:

— То, что здесь лежал большой зверь,— ясно. Видите, как все кусты обломаны, вся трава помята. Значит, это был или сохатый, или медведь. Теперь поглядите: вот несколько сучков торчмя. Сохатый вдавил бы их в землю, потому что у него шерсть короткая и твердость в теле. А у медведя шерсть длинная-предлинная и жиру целая прорва, вот поэтому сучки и не вдавились.

Казалось, страх не был знаком нашему проводнику. Неизвестно как почувствовав впереди зверя, он оборачивался и говорил ребятам:

— Придержите лошадей. — Потом пускал в галоп своего коня и непременно кого-нибудь подымал. Однажды Егорка едва успел предупредить нас, как его лошадь шарахнулась в сторону и стала на дыбы: из чащобы на тропу вышел огромный шатун. С ревом он поднялся на задние лапы и двинулся на Егорку. Тот ловко соскочил с седла, вскинул карабин и выстрелил в тот момент, когда медведь протянул лапу к вороненому стволу.

Своим умением работать он удивлял нас. Все в руках у него горело, все он делал на удивление ловко, и все он знал: и как топор править, и как пилу точить, и как в дождь костер развести.

Мы часто задумывались: откуда такая сноровка в работе и чудесное зна-



ние местности у подростка? Постепенно это выяснилось из немногословных рассказов Егорки.

До недавнего времени родители его кочевали по тайге вместе с оленеводческим колхозом. Егорка так и родился в пути, и люлькой ему служила кошма, привязанная за спину матери, а укачивал его мерный олений шаг. Едва поднявшись с четверенек, он уже сам сидел верхом на олене и гикал, подражая взрослым: «Гей! Гей-ля! Гей!..»

Кончался корм для оленей — кончалась и работа для пастухов, и колхоз двинулся дальше в поисках пастбищ, погрузив на тракторную волокушу красный чум и чум-школу. Егорка садился на оленя и ехал рядом с отцом в голове.

— Запоминай: это след «хозяина», а так прыгает заяц,— учил его по дороге отец, а на привалах показывал, как одной спичкой разжигают костер.

Егорке не минуло и семи, когда отец вручил ему тяжелый дробовик.

— Теперь ты настоящий мужчина,— серьезно сказал он.

Словом, Егорка еще в детстве освоил столько житейских премудростей, сколько не постигнет городской житель и за двадцать лет.

В начале июля мы получили задание исследовать район в местности Таба. Предстояло плыть на плотках по реке несколько сот километров. Года три назад, направляясь в партию, я летал над теми местами. Это гиблая земля, почти не исследованная человеком. Три часа летел маленький «Антон», и три часа под крылом самолета тянулись сплошные топи. Пилот, большой любитель охоты с воздуха, рассказал мне, как однажды, охотясь с вертолета над Таба, он, сам не желая того, загнал в топи сохатого. Трясина поглотила зверя почти мгновенно. Эти топи и не пускают человека в глубь Таба.

Вертолет забросил нас в то место, откуда предстояло плыть. Мы собрались уже разбить лагерь на несколько дней, чтобы построить два плота, когда Егорка вдруг предложил:

— Давайте поднимемся вверх по реке. Верст пять отсюда дед мой живет, навесить хочется, да и лес там для плота крепче: мачтовая сосна.

Мы ничего не имели против и к вечеру подошли к маленькому оленьему чуму, жилищу охотника Нальбыра.

У чума, сдерживая клыкастую свору лаек, нас встречал хозяин. Это был еще не старый мужчина, одетый в прочный самодельный костюм из необработанной кожи; на голове у него белый треух, тоже из кожи, на ногах — летние камусы с загнутыми носками. Налыбыр не мог похвастать ростом, но сбит был крепко: мышцы так и выпирали и на груди, и на икрах и на шее. Чувствовалась в них твердость каменная. Во внешности ничего примечательного, разве что бросалась в глаза молодецкая упругость щек да быстрый, цепкий взгляд таежного человека, профессионального охотника.

Он поздоровался с нами радушно и одновременно сдержанно. Потом подошел к внуку, и они крепко, как мужчина на мужчине, пожали друг другу руки.

— Как отец?

(Из уважения к нам Налыбыр говорил по-русски).

— Хорошо,— отвечал Егорка.

— Мать?

— Не хворает.

После этих слов Налыбыр повернулся к нам и сказал:

— Рад вам, люди. Все, что у меня есть,— ваше.

Скоро мы ужинали, и он угощал нас копченой рыбой и грибами. Грибы — одни шляпки боровиков — находились в пузатом бочонке. Налыбыр выкатил его из чума и доверху наполнил наши миски. Начальник партии достал по такому случаю пару бутылок спирта. Я заметил, как, увидев спиртное, Налыбыр насутился и помрачнел. Когда ему налили и поднесли, он сказал строго: суеверно:

— Шайтаново зелье.— И отстранил кружку.

По молчаливому согласию мы убрали бутылки: надо уважать хозяина. Налыбыру это понравилось: он просветлел лицом и стал расспрашивать нас о работе, о том, довольны ли мы проводником. Начальник партии дал Егорке самую лестную характеристику; взгляд Налыбыра не изменился, я не заметил в нем вполне естественной гордости за внука. Очевидно, он считал, что иначе и не могло быть.

— Куда путь держите? — поинтересовался охотник.

— По реке, через Таба,— ответил Борис Владимирович.

В глазах Налыбыра мелькнул страх.

Охотник поднялся и ни слова не говоря ушел в чум.

Он не выходил к нам весь вечер.

— Что с твоим дедом? Может, мы обидели его чем-то? — спросил я Егорку.

Егорка лишь растерянно пожал плечами.

В этот вечер против обыкновения мы не пели песен у костра и спать легли, чувствуя себя неловко, хотя ни в чем, кажется, не были виноваты.

Я расстелил спальный мешок на хвое недалеко от входа в чум.

Разбудили меня какие-то голбоса. Я открыл глаза и по ярким звездам понял, что еще глубокая ночь. Говорили якутски. Голоса в сырой тишине звучали громко, и точно можно было сказать, что собеседники о чем-то спорят.

Я приподнялся, всматриваясь в темноту. В десятке шагов от меня тлеющие угли костра обозначили два профиля — Егорки и его деда. Не желая подслушивать, я залез в мешок с головой, но слова проникали и сюда, сквозь толстый слой ваты. Слабое знание якутского языка мешало мне уловить смысл разговора, я понимал лишь немногое. Налыбыр часто и со страхом в голосе упоминал Таба, Егорка отвечал не очень твердо и растерянно. Вдруг Налыбыр перешел на крик. Судя по интонациям, Егорка начал уступать. Я разобрал последнюю его фразу:

— Хорошо, хорошо, дед, ты ведь знаешь, я тебя очень уважаю и всегда слушаюсь. Сделаю, как ты хочешь...

Утро наступило пасмурное, холодное, и, едва мы позавтракали, пошел мелкий нудный дождь.

Налыбыр неожиданно сообщил нам о своем намерении идти в тайгу, хотя с вечера обещал помочь выбрать лес для плотов. Уже готовый в путь, с карабином за плечом, с ножом за поясом, стиснутый патронной лентой, он подошел к Борису Владимировичу и хмуро сказал:

— Не ходил бы в Таба, начальник.

— Отчего же?

— Худое место, шибко худое. Огненный змей там живет, шайтанов хвост. Пощады от него не жди.

— Нас-то, небось, побойтся! — с легкой усмешкой сказал Борис Владимирович.

— Знаю, не послушаешь.— Налыбыр махнул рукой и повторил: как бы для себя: — Худое место, шибко худое...

Ни слова не говоря больше и не прощаясь, охотник скрылся в тайге.

Два дня с рассвета до темноты мы рубили высоченные мачтовые сосны, кантовали бревна, вязали плоты. Я наблюдал за Егоркой. Какой-то он вялый стал, даже вроде бы осунулся. Работал он по-прежнему умело, но без азарта, которым мы всегда у него заражались.

На третий день распогодилось, засверкало солнце, лишь кое-где носились в небе рваные лохмотья туч. Мы погрузились на плоты и поплыли.

Река была неширокая, но буйная, как и все небольшие северные реки. Бежала она, подпрыгивая на камнях, вся в белых гривах, то среди ровных марей, то стиснутая плотными каменными берегами, и редко встречалась сверкающая гладь.

Без сноровки и опыта лучше не садиться на плот, а мы до этого если и плавали, то по широким спокойным водам.

И здесь выручил Егорка! Встав у руля, он вел головной плот прямо-таки мастерски и управлял без отчаянных рывков, ровно и словно без усилий. И смешно было смотреть на рулевых второго плота: двое здоровенных вспотевших детин, навалившись на руль, кряхтели и паниковали, как барышни. А ведь они шли вторыми, по испытанному пути.

Прибрежные мари встречались все реже и реже, они уступали место бесконечным каменным берегам. Дикие, первозданные места, где еще не ступала нога человека,— морщинистые скалы, каменные столбы на берегах, обточенные водой и ветрами и похожие на скульптуры. Под скалами целые кладбища леса. Тайга угрюмая, низкорослая; ни одно дерево не растет прямо: одни сползают по камню, как толстые короткие змеи, другие перегнулись дугой к воде.

— Смотрите на берег! — крикнул Борис Владимирович.

Я повернул голову. На самой вершине скалы на природном выступе, совсем как царь на троне, восседал медведь. Увидев нас, зверь не испугался, не убежал, а проводил плоты медленным поворотом головы.

Впереди за снопами брызг показалась причудливая скала. Очевидно, когда-то река текла по другому руслу, но ей вздумалось изменить направление, и вода пробила скалу насквозь. Я заме-

тил, как изменился в лице Егорка, увидев эту каменную арку. Взгляд его стал испуганным, как у Налыбыра при разговоре о Таба. Плот потихоньку прибавало к берегу, к валунам. Он пристал, не доплыв полсотни метров до каменных ворот.

Мы не спрашивали нашего проводника, зачем он остановился: если Егорка что-то делает, стало быть, так надо, по пустякам не будет задерживаться.

Егорка отыскал в груди вещей свой рюкзак, закинул за плечо карабин и сошел на берег. Повернувшись к нам, не подымая глаз сказал:

— Я дальше не поплыву.

Мы недоуменно глядели на него.

Борис Владимирович перешел с плота к проводнику.

— Случилось что? Уж не заболел ли?

Егорка наклонил голову еще ниже, и вдруг скривился его рот и из глаз ручьями побежали слезы. Егорка плакал! Тот самый железный Егорка, который, не дрогнув, в упор стрелял в шатуна!

Ревел он досыта, по-детски всхлипывая и вытирая слезы кулаком, и я вдруг увидел, что передо мною стоит не опытный проводник-таежник, а обыкновенный мальчишка... И совсем как мальчишку успокаивал его Борис Владимирович:

— Ну все, все, хватит... На платок, вытри. А теперь говори: что стряслось?

Егорка, наконец, малость успокоился, шмыгнув носом и сбивчиво, размахивая руками, заговорил:

— Дед приказал не ходить в Таба, там шайтан живет злой-презлой! Из старых охотников никто не ходит в Таба, боятся, и дед тоже не ходит...

Только сейчас я вспомнил ночной разговор внука и деда.

— Неужели ты веришь в шайтана, Егор? — перебил Борис Владимирович.

Егорка на мгновение улыбнулся сквозь слезы.

— Надо же такое сказать! Шайтан только в сказках живет.

— А зачем тогда нам сказки рассказываешь?

— Дед у меня верит, шибко верит. Ничем эту дурь из него не выбьешь! Велел мне до этого места вас проводить, а самому возвращаться. Если я пойду с вами, он меня за внука считать не будет. Так и сказал: умирать буду, прощаться не подходи: не подпущу.— Он замаялся,

опять наклонил голову и добавил чуть слышно:— Идти мне надо...

Дело принимало серьезный оборот. Мы теряли проводника и отличного рулевого. Вместе с тем я чувствовал, что мы теряли гораздо больше — теряли человека по имени Егорка.

Борис Владимирович раскурил трубку.

— Поступай, как знаешь,— сказал он, не глядя на проводника.— Мы тебе в этом не советчики.

— Как так не советчики?!— вскипел кто-то из нас.— У тебя совесть есть, Егор!

— Поплыли дальше, ребята, время не ждет,— сказал Борис Владимирович и перешел на плот.

Егорка повернулся и медленно пошел в обратную сторону. У гольца он остановился и оглянулся. На него устремились десять пар глаз. Егорка побежал прочь и теперь уже больше не оглядывался, пока не скрылся за деревьями.

У руля головного плота встал Борис Владимирович. Он вел плот берегом, не выливая на середину, где кипела бы-



стрина. Человек, идущий посуху, мог бы спокойно поспевать за нами.

— Так мы и за месяц не доедем,— буркнул кто-то из ребят.

— Лучше откройте консервы да перекусите, критики. Останавливаться не будем,— ответил Борис Владимирович.

Начальник партии был, конечно, прав: он не имел права рисковать людьми.

Настроение было скверным. Уж лучше нестись с бешеным потоком, рискуя свернуть себе шею, чем тащиться черепашкой.

Начало парить, и над плотом повисла туча мошкары.

По пути стали попадаться широкие заводи, образованные слиянием реки с береговыми поймами. Течение здесь было только посредине, но начальник партии продолжал идти берегом; я заметил, что он несколько раз оглянулся назад, всматриваясь в гольцы. Я начал клевать носом, сидя на рюкзаках.

От реки потянулась вверх легкая дымка. Небо стало нежно-алым, лишь кое-где виднелись чистые голубые островки; в такой же цвет окрасилась и река. В воздухе закружились стаи уток; они со звоном проносились над нашими головами.

— Ээ-эй!— вдруг раздалось на берегу.

Я вскочил на ноги. Крик повторился, и скоро из-за валуна вынырнула знакомая фигурка. Я узнал Егорку.

— Стойте! Подождите!..— кричал Егорка и бежал, спотыкаясь и падая.

— Я знал: он должен был вернуться,— сказал начальник партии.

Егорка был весь в поту и задыхался от сильного бега. Рубашка на нем — хоть выжимай. Он прыгнул на плот, скинул рюкзак, снял карабин и деловито встал у руля.

...Темнело с каждой минутой. Солнце скрылось за гольцами, оставив в небе дюжину широких и длинных, до зенита, лучей. Они проткнули неподвижные белые облака и высветили их изнутри. В созвездии Большой Медведицы мигнул один самоцвет, другой: Венера вспыхнула, как обычно, сразу и переливчато загорелась холодным зеленым огнем. Скалы шагнули к воде; река будто налилась свинцом. Туман висел над водою большими рваными клочьями, и, когда мы проходили сквозь них, на штормовых

костюмах оставались мелкие частые капли.

Видимость снизилась, и пора было подумать о ночлеге, погреться у костра горячим чаем. Но Егорка и не думал останавливаться.

Борис Владимирович отошел к краю плота, высматривая на берегу место для ночлега. Кто-то из ребят зашуршал коробком, закурил и бросил горящую спичку в реку. Слева, справа, со всех сторон вспыхнули высокие, в рост человека, языки пламени и затрепетали на ветру. Это было чудовищно, неправдоподобно: горела вода, горела река! Мы сгрудились на середине плота, но жар хлестал по щекам, обжигал легкие.

«Огненный змей там живет, шайтанов хвост...»,— вспомнились слова Нальбыра.

Плот ударился обо что-то твердое и остановился. Берег! Мы перепрыгнули на валуны. Горел довольно широкий участок реки. Пламя было ровное, одной длины, будто подстриженное.

— Ребята!.. На плоту, отзовись!..

Из пламени зазвучали знакомые голоса.

— Ничего не предпринимать! Плыть по течению!— крикнул начальник партии.

Наконец течение вынесло второй плот из пламени. Ребята сидели посреди плота, обнявшись и низко наклонив головы.

Пострадали они больше: у всех были опалены брови, ресницы, чубы, на штормовых костюмах во многих местах зияли прожженные дыры.

Только теперь мы обступили начальника партии.

— Что за чертовщина, Борис Владимирович?!

— А это сейчас узнаем.

Он снял с плота рюкзак со взрывчаткой и сделал большой патрон. Задымился бикфордов шнур. Взмах руки— и патрон полетел на середину огненной реки.

Мощный взрыв сбил пламя. Вода поглотила огонь разом, и через секунду ничто не напоминало о пожаре.

Борис Владимирович подошел к реке и, наклонившись, зачерпнул пригоршню воды.



— Идите сюда!— позвал он.— Видите пузырьки на реке? Это нефтяной газ, метан, спутник нефти. Он и загорелся, когда кто-то из вас закурил и бросил в воду спичку.

— Вот тебе и шайтанов хвост!— вырвалось у Егорки.

— Надо срочно сообщить об открытии на базу,— сказал Борис Владимирович.— Свяжитесь по рации.

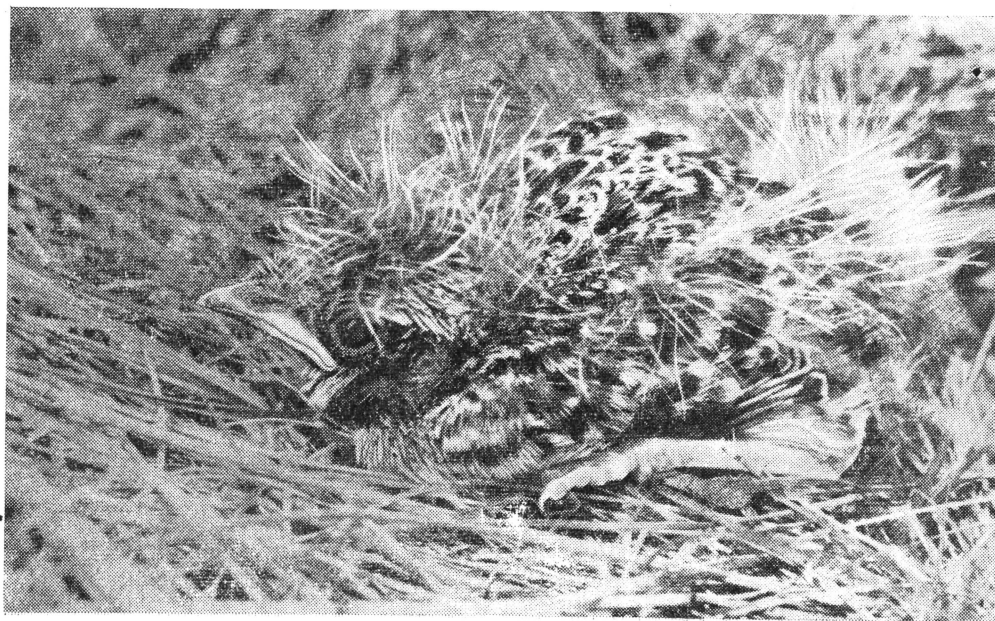
На следующий день мы продолжали путь. У руля головного плота нес вахту наш проводник, подросток с плотно сжатым ртом, и по взгляду чувствовалось, что он решил для себя что-то очень важное...

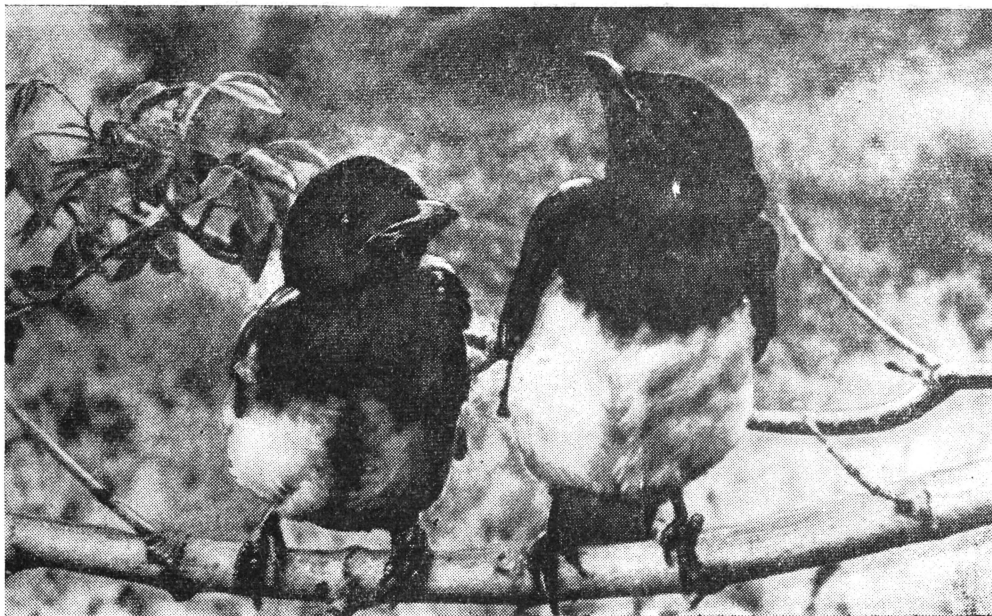
М О Я О Х О Т А

Этому птенцу лугового луня всего три недели. Он еще не может летать. Но пройдет четырнадцать-пятнадцать дней, лунь станет вполне самостоятельным и покинет родительское гнездо.

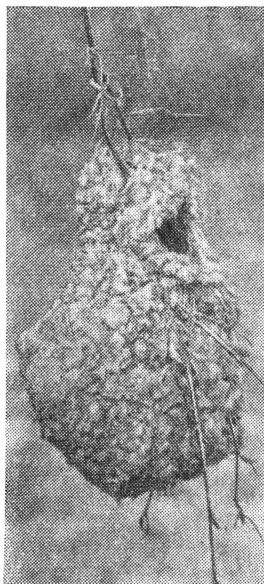
Луговой лунь — хищник. Он питается грызунами, сусликами, реже — мелкой птицей и ящерицами. Гнездо устраивает всегда на земле, нередко среди тростника, на краю озер. Его можно встретить по Уралу везде, кроме тундры.

А полевой жаворонок жил по соседству с лунем. На этой фотографии ему всего пять-шесть дней, но гнездо он покинет гораздо раньше луня и будет прятаться в траве. Пестрая окраска позволяет ему долго оставаться незаметным, но... всякое бывает. И кто знает, не попадет ли мой знакомый на завтрак к своему соседу!





В конце мая — начале июня появляются слетки-сорочата. Они держатся недалеко от своих гнезд, которые родители строят обычно в кустарнике или на небольших деревьях. Эти сорочата уже выходят из детского возраста и теперь питаются всем, что попадется. Нередко разоряют гнезда маленьких птиц, уже сейчас проявляя разбойничьи повадки.



В зарослях по берегам рек, озер и болот живет синица-ремез. У нее настоящий архитектурный талант. Сначала она закладывает фундамент гнезда, сплетая сетку на концах свисающих веток или тростинки. Затем надстраивает стенки, а дно гнезда наглухо заделывает. Все сооружение напоминает по форме варежку: вход сделан в виде вытянутой трубочки. Чем не дом в современном модернистском стиле!

Немногим известно это небольшое животное — сибирский углозуб, дальний родственник обыкновенного тритона. Ведет он ночной образ жизни. Еще два-три столетия назад углозуб не встречался у нас, и только в последнее время стал путешествовать из Сибири в Европу через Урал.

Весной, как только стает снег, в старых заброшенных карьерах, в лесных лужах каждый может обнаружить небольшие — 10—15 сантиметров — спирально закрученные мешочки с икринками. Это кладка углозуба. Если поднимете несколько камней или коряг, лежащих на берегу, то увидите и хозяина этой кладки. Обычно попадаются животные 9—10 сантиметров длиной и молодняк — 3—4 сантиметра. Старик более солидной величины — 14 сантиметров, но они встречаются реже. Окраска самая разнообразная — от коричневых боков с золотисто-бронзовой спиной до чисто черной. Углозуба легко отличить от тритона — у него на задних ногах четыре пальца, а не пять.

Сибирский углозуб — одно из наиболее примитивно устроенных животных на земле: он близок к первым наземным позвоночным.

В. ИЩЕНКО, зоолог,



Встреча через... 50 лет

В старинном уральском городке Михайловском произошло событие, которое всех взволновало. В Польшу отбывал старейший рабочий Михайловского завода Иван Сергеевич Чекасин. Этого человека считали коренным местным жителем. И вдруг Чекасин уезжает в Польшу?! — Ничего не понимаем,— говорили михайловцы.— Помним, как еще мальчонкой бегал к отцу на завод. Какой он поляк!..

А было вот что.

Почти пятьдесят лет назад в поселок Михайловский вернулся с первой мировой войны храбрый драгун Егор Чекасин. С ним был мальчонка лет восьми, тоже одетый в солдатскую форму. Такой же, как и Егор, статный, подтянутый и чем-то даже смахивающий на Егора.

— Это чей же орел с тобой на Урал залетел?— спрашивали у драгуна михайловцы.

— Аль не видишь,— гордо отвечал тот.— Кровь-то наша, чекасинская: сын мой. Мы с ним, брат, полвойны протопали.

Люди верили и не верили Егору. Вроде и впрямь похож на Чекасиных. Но когда мальчонка успел такой вырасти? Да и жены у Егора нет...

А Егор сказал, как отрезал: мой сын — и все тут. И фамилия у него Чекасин, и зовут Иван.

Через несколько лет Егор женился, пошли дети.

Подрос Иван — стал работать на том же заводе, где и отец. Однако помнил он, что зовут его в действительности не Иваном, а Яном, и фамилия у него не Чекасин, а Якубовский. Помнил хорошо парнишка, при каких обстоятельствах попал в сыновья к драгуну Чекасиному.

...Полыхала война. Кругом разруха, голод. Родители Яна умерли. Было в семье еще два брата — Тадеуш и Эдвард. Голод погнал ребятишек из дому. Скитались по базарам, железнодорожным станциям, просили милостыню.

Однажды на каком-то вокзале Ян лежал на лавке, коченея от холода. Подошли русские солдаты, подняли его на ноги и стали спрашивать. Ян долго не мог понять, чего они хотят от него. Высокий, в красивой шапке с султаном, протянул пареньку кусок сахара. Скоро Ян был уже в кругу солдат, жевал хлеб, грыз сахар и запивал кипятком из большой жестяной кружки. Когда солдаты собрались уходить, Ян заплакал, показывая жестами, чтобы они не бросали его. Солдаты задумались. А тот, высокий, взял Яна за плечи и повел с собой. Это и был Егор Чекасин. Солдаты упростили офицеров принять сироту в полк. Так Ян стал Иваном. Его зачислили на армейское довольствие. Полковой портной сшил ему солдатскую форму. Смешливый мальчонка быстро научился говорить по-русски.

...Кончилась война, и Ян Якубовский не знал, как ему быть. Родителей нет, братья где-то потерялись.

— Что, Ваня,— сказал Егор,— может, поедешь со мной на Урал?

— А далеко это?

— Далекое. От Польши столько тысяч верст, сколько у тебя на руке пальцев. Если согласен, сыном будешь моим.

Ян Якубовский стал жителем Михайловского.

Шли годы. Ян стал Иваном Сергеевичем, обзавелся семьей. Во время Отечественной войны солдат Чекасин с оружием в руках защищал Родину.

Вернувшись в Михайловский, написал в польское посольство в Москву. Ему ответили, что Тадеуш и Эдвард живут в Варшавском воеводстве. И вот письмо от них!

«Мой родной брат! — писал Тадеуш. — Твое письмо свидетельствует о том, что ты еще не совсем уверен, что я твой родной брат. А это так! После смерти наших родителей ты работал у Владарчика в Лисицах. Интересно, помнишь ли ты это? Я очень хорошо помню твой уход, так как я остался в таком положении и тоже был в русских солдатских отрядах, и они меня кормили. Мы, твои братья, Эдвард и Тадеуш, благодарим тех людей, которые отнесли к тебе, как к сыну. Сейчас у нас, в Народной Польше, совсем другие, лучшие условия, чем раньше. Я думаю, брат, что ты сможешь приехать к нам в гости».

И вот рабочий из Михайловского с женой отправились в Польшу. Места, где протекло детство Ивана, теперь выглядели совсем иначе. Жизнь была ключом.

Больше полумесяца гостили уральцы в Польше. Они побывали в Варшаве и других городах. Михайловцы с большим интересом слушают теперь рассказы Ивана Сергеевича о встречах с братьями, о новой жизни в Народной Польше.

В. ЕРЕМЕНКО.



Дом принадлежит всей стране

В центре Уфы, на перекрестке улиц Ленина и Пушкина, стоит красивое двухэтажное здание из красного кирпича. Многим, особенно людям старшего поколения, оно известно как «Дом Аксакова».

В 1908 году Россия готовилась отмечать пятидесятилетие со дня смерти писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. На родине его, в Уфе, по

Первая пионервожатая

В квартире Валентины Федоровны Голдобиной одна из комнат превращена в настоящий музей. Здесь хранятся комсомольский билет члена РКСМ № 07847 и мандат делегата Кунгурской окружной конференции РКСМ, куда Валя Голдобина была избрана как одна из первых пионервожатых Урала. Здесь много документов спортивной славы, почетные грамоты, призы — значки, жетоны, поздравительные телеграммы, спортивные нашивки и даже коньки, сделанные мужем в двадцатые годы из обыкновенной пилы. Коньки, на которых она тогда ставила замечательные рекорды, на которых «гоняет» и сейчас на удивление всем.

Валя Голдобина была известной спортсменкой. Ей неоднократно рукоплескали болельщики Кунгура, Перми, Екатеринбургa, Самары, Москвы. В 1920 году по путевке комсомола девушку направили в Екатеринбургскую военно-спортивную школу инструкторов физического образования. С гордостью она носила костюм защитного цвета и панаму с прикрепленным на ней горьковским соколом. Такой костюм выдавался как награда лучшим.

И Валя была лучшей. В 1921 году на Второй олимпиаде Приуральяского военного округа она завоевала семь призовых дипломов. Спортивные успехи множилось. Но у де-

предложению горожан, решили заложить фундамент «Аксаковского Народного дома». Создали специальный комитет и начали собирать средства среди населения Уфимской губернии. Но сумма, необходимая для строительства, оказалась очень большой — 500 000 рублей, — поэтому подписку продолжили по всей России.

Строительство затянулось — началась первая мировая война, потом Октябрьская революция, гражданская война. Здание появилось только в годы Советской власти. Назвали его «Дворец труда». С 1922 года здесь работал Башкирский академический драматический театр, а в 1937 году открылся Театр оперы и балета.

В создании этого дома-памятника участвовала вся передовая Россия. и поэтому можно считать, что он принадлежит всей нашей стране.

З. АМИНОВ.



На снимке: первый Кунгурский отряд юных пионеров имени Ленина в 1923 году. В центре — Валентина Голдобина.

вушки было еще одно любимое дело. В 1923 году, когда в Кунгуре организовался первый пионерский отряд, комсомол города единодушно выбрал Вало Голдобину пионервожатой.

Дочери многодетного кунгурского рабочего кожевенного завода нравилось заниматься с детворой. Ее отряду дали большую комнату в здании бывшей городской управы. Валя организовала кружки рисования, пения, переплетного дела, шива модели обуви, обучала пионеров военному делу.

Первого мая ребята вышли на демонстрацию в белых панاماх, с красными галстуками. На знамени были начертаны слова: «Мы коммуны огоньки».

Отряд быстро рос. Интересы и увлечения у ребят разные. Хорошо, что Валя все умела сама делать. Она научила юных друзей шить, рукодельничать, готовить пищу, жать серпом хлеб, строить плоты, ловко грести, метко стрелять, ловить рыбу, косить траву.

Очень запомнился всем ребятам день 21 января 1924 года. Вот что записал Валин брат Вена Голдобин.

«Когда мы узнали о смерти Ленина, все мгновенно собрались в свой клуб-штаб. На середину зала на постамент поставили бюст Владимира Ильича, спустили знамена с черным крепом. Выстроился почетный караул. К нам пришли коммунисты, партизаны гражданской войны. Торжественно и печально было в штабе. Все ребята безудержно плакали. Я тоже рыдал, даже в тот момент, когда стоял в почетном карауле близ бюста Ильича с карабином в руках. Потом на торжественном собрании многих из нас принимали в комсомол. Володю Поздеева, Аню и Паню Красных, Володю и Тому Далингер, Колю Иванова, Борю Тимофеева, Нину Титову, Марусю Левину. Все это воспитанники Вали Голдобиной. Мы дали клятву идти по ленинскому пути».

Сейчас Валентине Федоровне Голдобиной-Пьянковой 64 года. Она живет в Свердловске. Партгрупорг. По-прежнему любит спорт, особенно конькобежный, встречается с пионерами. Пенсионерке не сидится дома. То она организует хор, то детскую библиотеку, то спешит в дворовый детский клуб на репетицию...

До сих пор теплым словом вспоминают Валентину Федоровну бывшие пионеры, пишут ей, поздравляют и желают дальнейшей кипучей деятельности. Мы присоединяемся к ним.

П. ТОЛСТИКОВ

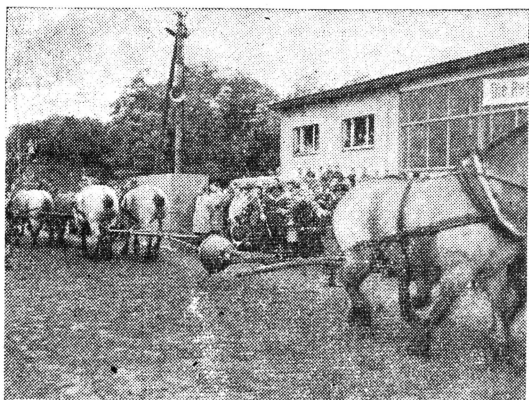
Триста лет спустя...

Кому из нас не запала в память гравюра из школьного курса физики: упорядки дюжих битюгов пытаются разорвать полый шар из двух половин?

Конечно же, это знаменитые магдебургские полушария! И сразу вспоминается описание опыта, поставленного магдебургским бургомистром Отто фон



Воздух из шара откачан, сейчас подведут коней.



Шар повис над землей.

Герике 8 мая 1654 года на площади ба-варского города Регенсбурга...

Эксперимент с магдебургскими полушариями (они были названы так в честь старого славного города) воочию доказал, что легкий воздух способен выполнять тяжелую работу: ведь шестнадцать дюжих першеронов не могли разъединить сложенные вместе полушария, из которых Герике предварительно выкачал воздух. Внешнее атмосферное давление, сжимавшее половинки шара, оказалось сильнее двух восьмерок лошадей.

Когда Отто фон Герике повернул кран, послышался громкий вздох, словно великан вздохнул полной грудью на всю площадь: это наружный воздух ворвался внутрь шара, и его половинки легко распались.

Опыт магдебургского бургомистра стал не только достоянием истории и неприменной страницей в школьных учебниках физики. Есть опыты и «опыты». Одни остаются неизвестными, другие совершают подлинную революцию в технике и естествознании. Гальвани подметил, что лапка лягушки подрагивала при воздействии электрического тока,— не этот ли опыт прорубил просеку сквозь дебри незнания к современной физиологии? Беккерель обнаружил засвеченные фотопластинки, лежавшие в одном шкафу с препаратами радия,— почерневшая пластинка возвестила о приходе века атомной техники.

И таких примеров — сонм!

Опыт Отто фон Герике принадлежит к числу вечно остающихся в строю,— современная вакуумная и пневматическая техника по существу всем обязана мудрой дерзости магдебургского бургомистра.

Имя Герике увековечено и тем, что оно присвоено Высшей Технической школе в Магдебурге (ГДР), и с этим обстоятельством связан любопытный факт повторения опыта с магдебургскими полушариями.

Да, триста с лишком лет спустя потомки воспроизвели опыт; все было в точности так, как и 8 мая 1654 года.

Благодаря любезности ректора Высшей Технической школы и его референта инженера Фольксманна мы получили описание и фотоснимки этого эффектного эксперимента.

Руководителями испытания были до-

цент Телле и научный сотрудник Вельцер. Они позаботились о том, чтобы строго соблюсти историческую правдивость воспроизводимого опыта. Сшили старинные камзолы для Телле и его помощников, для конюхов... Сбруя, цепи, крюки — все как в XVII столетии. Разумеется, главные атрибуты опыта — магдебургские полушария и насос — в точности повторяли старинные.

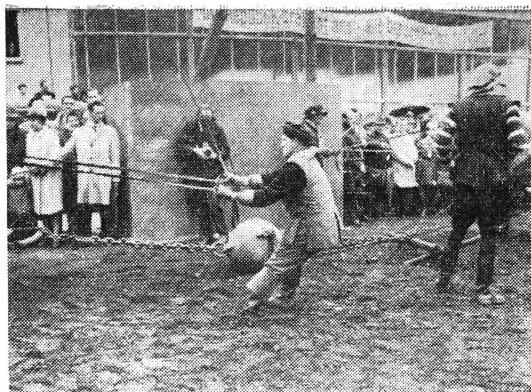
Известно, что опыт Отто фон Герике в разное время дважды пытались воспроизвести, но оба раза неудачно. Поэтому понятна озабоченность «постановщиков» — инженеров Телле и Вельцера. Они еще и еще раз скрупулезно штудировали третий том сочинений Герике, где магдебургский бургомистр подробно описал происходившее на площади Регенсбурга. Снова и снова проверяются расчеты. Все сходилось точно и аккуратно.

Единственное отступление, которое было допущено, — материал полушарий: у Отто фон Герике они были сделаны из красной меди, Телле и Вельцер применили листовую сталь. Но это решительно ничего не меняло в принципе и не могло повлиять на ход и результаты эксперимента.

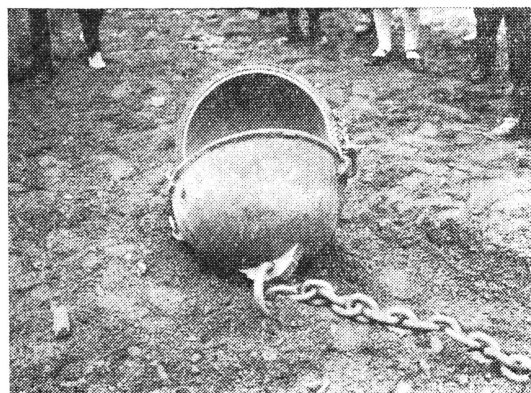
Первого октября 1963 года, по случаю десятилетия со дня основания Магдебургской Высшей Технической школы имени Отто фон Герике, известный опыт с полушариями был воспроизведен публично, в присутствии многочисленных гостей, приглашенных на юбилей. Среди собравшихся были представители научной общественности Советского Союза, Чехословакии, Польши, Румынии, Югославии, ОАР, ФРГ и Австрии, а также государственный секретарь по вопросам высшей и специальной школы Гисманн, член ЦК СЕПГ Писник и другие.

Началась церемония. Стальные полушария сложили вместе, присоединили откачивающий насос. Когда вакуум в шаре достиг двух миллиметров ртутного столба, откачку прекратили. Возчики, одетые в яркие, красочные старинные костюмы, подвели две упряжки коней — по два битюга в каждой. Цепи упряжек с помощью крюков скрепили с полушариями.

Щелкнули бичи, лошади потянули в разные стороны, но разорвать шар не смогли. Потом в полушария впрягли по четверке, шестерке и, наконец, по вось-



Конюхи стали понукавать першеронов.



...И полушария сами собой распались.

мерке лошадей. Но как ни понукали коней, давления атмосферы преодолеть не удалось. Дважды приходилось заменять лопавшиеся от резких рывков цепи, но шар висел над землей целый и невредимый...

Потом, по знаку «Отто фон Герике», к шару подошла маленькая школьница в пионерской форме. Она повернула ручку крана, и воздух с громким свистом вошел в шар. Тяжелые полушария распались под аплодисменты гостей...

Начались юбилейные торжества училища, носящего имя Герике.

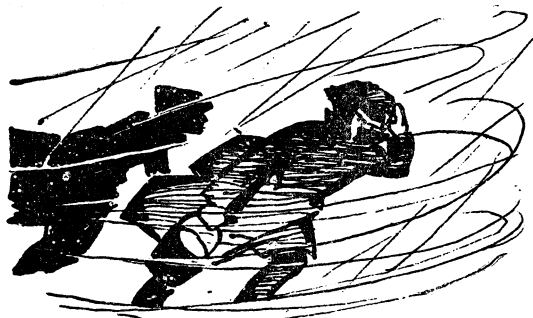
Так как опыт был показан только гостям, то по просьбе городских организаций Телле и Вельцер 19 октября 1963 года повторили его на Домской площади Магдебурга в присутствии нескольких тысяч горожан.

Г. МИШКЕВИЧ

В СТРАНЕ ВЕТРОВ И ТУМАНОВ

Тетрадь четвертая¹

В. ЛЯХНИККИЙ



Открыватель полюсов

Жена у плиты решает головоломную задачу: как сварить суп, не имея ни капли воды?

Недалеко от дома бежит родник с вкусной водой. Но как ее достать, если бушует пурга?

Вначале все было, как описывал Пушкин: «То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя». Потом ветер окреп и больше не выл и не плакал, а равномерно гудел, будто несколько реактивных самолетов готовилось к взлету. Стены домов дрожали. На промазанных и проклеенных окнах парусили занавески.

Я вернулся после третьей бесплодной попытки раздобыть воду. Оледенелый плащ звенит, словно панцирь. С пустых ведер свисают сосульки.

— Как же здесь люди живут?— всплескивает руками жена.

— Не знаю. Я снова добрался до родника, но воды принести не смог. Зачерпнешь, а ветер немедленно выхлестывает ее из ведра. Раз пять черпал. Может, снегу натаем?

— Пробовала. Все перемешано с грязью. Как мы завтра пойдем на работу?

Входная дверь приоткрылась. Боком протиснулся невысокий мальчишка.

— Здравствуйте. Мама за вами послала в кино идти. Она и билеты уже купила.

— Что ты, Борис! На улицу нос высунуть страшно!

— Ну уж, страшно. По точным данным такая погода на руднике ровно двадцать один день на каждый зимний месяц, а у нас в школе — ни одного пропуска.

Борис говорит увлеченно и быстро. Он вихрастый, веснушчатый, и нос самый мальчишеский: пуговкой. Черные глаза с бесенятами. Парень, как тыщи других. Но есть в нем свое, особое. Оно замечается сразу — в манере очень внимательно и участливо смотреть на людей чуть прищуренными глазами.

Когда мы приехали, он только спросил: «В соседнюю квартиру селитесь, да?»

Потом помогал распаковывать вещи. Расставлял книги, вешал на окна шторы и знакомил с соседями. Все делал обстоятельно, не спеша, но удивительно быстро.

Прощаясь, протянул мне руку. Спросил:

— Вы геолог, да? Весной будете изучать наши горы? Возьмите меня с собой. Не раскаетесь. Честное слово. На мой рост не смотрите. К весне мне будет шестнадцать лет.

Сегодня он увидел на полке новые образцы камней. Глаза заблестели. Осторожно, словно тонкий фарфор, он брал образцы и, поднося к лампочке, долго рассматривал.

— Хороши галениты. Со Встречной? Да? И пириты хорошие. Как пошел такой мелкий пирит, значит, золото в руде будет. У нас на руднике так. Э, а это что? Плавиковый шпат? С Кузнецовской жилы? У меня в коллекции такого нет...— И, спохватившись, что его слова могут быть поняты как попрошайство, быстро положил образцы, подошел к вешалке и протянул жене шапку:— Одевайтесь, пожалуйста, Мама с папой ждут.

— Мы еще не обедали.

— Мама так и сказала: обедать будут у нас. Э, да у вас и воды нет! Крышку на ведро делали? Унесло ветром вместе с водой? Правильно. У меня сегодня тоже унесло и воду, и крышку. Полдня бился, а догадался, как надо сделать. Давайте ведра, принесу.

— Сам принесу. Только скажи.

— Секрет изобретателя,— Борис рассмеялся весело, звонко. Крупный горох веснушек метался на щеках.— Обещайте взять с собой:— И расскажу все как есть.— И смутился:— Не думайте, что я такой взяточник. Это в шутку. Только работать с вами, честное слово, хочется. Пойдемте вместе к колодцу. Словами разве расскажешь!

...Семьдесят метров от крыльца к роднику. Ветер несет мимо нас все, что мог подхватить:

¹ Первая, вторая и третья тетради были опубликованы в № 2 и № 6 за 1964 год и № 3 — за 1965 год.

снег, песок. Чей-то валенок со свистом пронесся над нами и скрылся в серой вечерней мгле. Следующий порыв потащил за валенком и меня. Но я уже знаю, как надо бороться с ветром. Упал в снег. Лежу. Рядом лежит Борис. Отдышавшись, рывком поднимаемся и, пригнувшись, карабкаемся на сугроб.

На нас с Борисом плащи. Капюшоны опущены на лицо и завязаны тесемками. Под плащами ватные телогрейки. И все же чувствуешь себя, будто идешь в одних трусиках. Черт его знает, какими ходами пробирается ветер до самого тела. И нельзя открыть рот.

Скатываемся с сугроба. Здесь ветер выдул все, до мельчайших снежинок. Под щекой колючая сухая трава.

— Вперед! — кричит Борис.

Никогда не думал, что воздух такой упругий. Ложусь на него, а он держит. Отшвыривает назад. Пригнувши головы, мы ввинчиваемся в ветер и, упираясь ногами в снег, продвигаемся вперед. Перебравшись еще за один надув, скатываемся в мягкий рыхлый снег и отдыхаем, зарывшись в него, как тюлени. Тут ветер слабее.

— Скажите, наш рудник — полюс или так, полюсенок? — кричит на ухо Борис. — Есть же магнитный полюс? Есть полюс холодов? А вот полюс ветров? Это где самые сильные ветры?

— Не знаю. В Новороссийске...

— Читал. Там, говорят, в восемнадцатом году у французов ветер танки пошвырял в море. Правильно сделал. Не лезь, куда не надо. Вот в прошлом году у нас дуло!.. На канатной дороге, что руду на фабрику возит, груженные вагонетки, как флажки, на канат наверху. Честное слово. Так как: полюс у нас, или бывает похлеще? — и, не дождавшись ответа, снова кричит: — Люблю я бороться с ветром. Вроде силы сразу прибавится. Вот и отец говорит, что на таком ветру он себя чувствует вроде бы здоровее. Вперед!

Делаем новый бросок. Снова буравим упругий ветер. С удивлением чувствую, что действительно хорошо и приятно бороться с ветром. Приятно его побеждать. Чувствуешь особый прилив бодрости.

Пригнув голову, Борис ныряет в избушку без окон. Внутри нее колодезный сруб. В нем, вырываясь из-под земли, клокочет источник. Мелкие крупинки снега пробиваются сквозь пазы избушки и, тихо оседая, кружат.

Борис зачерпнул неполные ведра и выставил их за дверь. Вода словно вскипела. Ветер вихрит ее, плещет на стенки, поднимает хорооводы брызг и мчит их куда-то. Через минуту ведра пустые.

— Нет, не пустые. — Борис показывает на тонкий слой льда, намерзший на стенке, на хрупкие сосульки, повисшие по краям. — Лейте еще. Хватит! Морозьте!

Минут через двадцать на ведрах намерз слой льда. Вернувшись, довольный, Борис кричал моей жене еще от порога:

— Ставьте ведра в таз. Лед растает, вот и вода. Мой отец говорит, что нигде не пил такой вкусной воды, как наша. Appetit она развивает — ужас! Бызает, есть никак не хочешь, а хлебнешь нашей водицы — и тянешься за краюхой. Честное слово!

Жена критически оценивает обмерзшие ведра.

— М-да... Литра три будет. За сорок минут! Надо купить бидоны на случай буранов.

Борис сразу мрачнеет.

— Бидоны? Пожалуй, проще... Но ведь так интересней, правда? С бидонами всякий может, а вот без бидонов... Одевайтесь скорее. Знаете, какая сегодня кинокартина? Про Черное море! Приятно пройтись по такому бурану и посмотреть на знойное солнце. Правда?

...Море на экране было очень красиво. Оно то ласково плескало прозрачной волной на прибрежную отмель, то кипело и пенилось между отвесных скал, то, притихшее, чежилось в багряных лучах заходящего солнца. И пальмы были красивы, и белоснежные дворцы, и сверкающие на солнце струи фонтанов. Борис сидел, весь подавшись вперед, и тихо шептал:

— Как в сказке! Честное слово!

А выходя из кино, спросил с грустью:

— Есть на земле полюс красоты? Это, наверно, там... у Черного моря.

Выйти из кинотеатра было не просто. Народ запердил улицу, стоял на ступеньках. Мы еле протискались из дверей.

Буран стих так же внезапно, как и начался. Удивительно черное, бездонно глубокое небо висело над нами. Такое бывает только зимой, и только в горах, и только после долгих метелей, когда воздух предельно чист. Наверно, таким небо видится космонавтам. Не мигая, не вздрагивая, висели тысячи звезд. Удивительно ярких. Такие тоже бывают только в горах, только зимой после долгих метелей. И каждая звезда имела свой особый оттенок — голубой, желтый, красноватый, зеленый. Всеми цветами радуги переливались звезды, а над горой висел узкий, ослепительно яркий серпик луны.

Борис тронул меня за рукав.

— А может быть, полюс красивого не на юге?



Никаких дедушек!

Зимой, без малого каждый вечер, ко мне заходили Борис и его друзья. Они рассматривали образцы минералов и горных пород. Расспрашивали про тайгу, про работу. Азартно спорили. Если я бывал занят, садились на ди-

ван, брали с полки книги по геологии и читали. Мне нравились эти пытливые мальчишки, а они посчитали себя уже сотрудниками будущей партии.

Весной, когда я закончил набор рабочих, они прибежали ко мне всей ватагой, возбужденные и обиженные.

— А мы как?

— Я вам ничего не обещал. Мне нужны не собеседники, а рабочие. Быть может, придется землю копать.

— А это что? — ребята протянули мне десять ладоней. — Дайте только лопаты.

— Мне нужен кашевар. Желательно душка.

— Почему обязательно дедушка? — возмутился Ким. — Что, мы сами каши не сварим? Сварим. А плохо получится, сами и съедем. Жаловаться никому не пойдем.

— В партии будут лошади.

— Насчет лошадей будьте спокойны. Кто лучше Кима присмотрит за лошадьми? Он в школу идет — на конный двор забежит. У него свои любимые лошади. Он их и накормит, и напоит. Из школы идет — и опять через конный двор.

Ребята торжествовали.

— А вы сможете съемку сделать? Карты вычертить? Разобраться в породах? Нет? То-то и беда. Партия, друзья, уже скомплектована. Давайте организуем при школе геологический кружок. На будущий год вы подрастаете, и обещая: будем работать вместе все лето, а пока... Каждую субботу я буду присылать за вами лошадей, поставлю для вас палатку, и в воскресенье мы — вольные люди. Воскресенье наше. В воскресенье никаких дедушек! Договорились?



Путешествие от лета к весне

Густой туман окутывал горы. Он клубился над самыми палатками. Вис на верхушках деревьев. Казалось, это пихты дымят, как фабричные трубы, и не туман, а густой серый дым стелется над нашими головами. Вторую неделю мы работали под моросящим дождем и начали забывать, как выглядит солнце.

Сегодня утром Борис вышел из палатки и закричал на весь табор:

— Чистое небо!

Чистое небо? Наконец-то! Мы смотрели на приветливо расцветавшую над горами малиновую зарю и поздравляли друг друга.

— Вы обещали... как только разъяснит... — напомнил Виктор.

— Обещал. Собирайтесь. Сегодня я покажу вам место, где смешались все времена года — зима, весна, лето и осень.

— Идите скорее, — торопит Борис. — Вдруг опять навалится туман. Скажите, на земле есть полюс туманов? Пишут про Лондон. Но тут приезжал один англичанин, увидел на наших гольцах туман и сказал: «Это вот да!»

Завтрак закончен. На Борисе красная клетчатая рубашка навывпуск. За спиной туго набитый рюкзак. Борис забрался на пень и, зажав под локтем геологический молоток, приложил к глазам видоискатель фотографического аппарата.

Он снимает наши палатки. Они стоят в глубокой скалистой долине. За пенистой речкой высятся кирпично-красные утесы девонских песчаников. Пласты лежат с небольшим наклоном и похожи на страницы огромной книги, переплетенной в зеленый бархат тайги.

На другом берегу — ослепительно белый утес. Мрамор. Его слои собраны в причудливые мелкие складки. За утесом — крутой затеженный склон. В голубом небе черные точки. Это кружат орлы. А над орлами навис серый скалистый голец.

— Еще один снимок. Еще! — кричит Борис. — Я сниму эти высокие пихты. Они, как зеленые ракеты, нацелены в небо...

Мы карабкаемся по таежному склону. Пересекаем россыпи обомшелых камней. Забываем про цель нашего путешествия и энергично работаем молотками.

Борис щелкает фотоаппаратом. Высокие стройные пихты остались в долине. Они приземисты, коренасты. Бледно-зеленые пасмы мхов бородами свисают с коротких ветвей. И стволы искривлены. Накренились.

— На какой же мы высоте? — спрашивает Борис и срывает крупный голубой цветок. В его чашечке блестят прозрачные капли воды.

— Первая аквилегия? Водосборка? Значит, девятьсот пятьдесят метров.

Аквилегии растут высоко в горах и в наших местах не спускаются ниже девятисот пятидесяти метров над уровнем моря.

— А сколько по высотомеру? — спрашивает Ким и проверяет. — Ишь ты, точно! Ну, может, девятьсот семьдесят.

Снова подъем. Реже становится лес. Только отдельные рощи примостились среди каменных россыпей. До вершины самых высоких деревьев легко дотянуться рукой.

Еще выше. Еще. Мы стоим на большом поле зернистого снега толщиной метра два. Зима!

А вокруг радуга. У самой кромки снега ярко-желтая полоса шириной метр-полтора; за ней синяя. Это цветут фиалки, крупные, как анютины глазки. Там, где снег растаял вчера, — для земли ранняя весна, вот фиалки и зацвели.

Дальше от снега — буйное высокогорное разнотравье: целые поля голубых водосборок; кивают головками красные и желтые маки; горят оранжевые сибирские купальницы-огоньки.

Они — словно упавшие с неба капли горячего горного солнца. Лето!

А вон, возле камней, начинают краснеть листья черники. Осень!

Ребята стоят, взявшись за руки. Анатолий на снегу. Он нарочно нахлобучил на лоб меховую шапку и надел рукавицы. Рядом, среди фиалок, — Виктор в кепке и ватной тужурке. А среди огоньков, среди лета — долговязый Ким. Он в одних трусах и делает вид, что ему очень жарко.

Борис делает снимок за снимком.

— А где же орлы? — кричит Ким. — Э, да они теперь ниже нас. Под ногами А над ними белое облачко. Точно парус. Борька, снимай!

Борису хочется снять сразу все — и снег, и фиалки, и кружащих под нами орлов, и белые точки палаток. Отсюда они кажутся меньше спичечных коробков. И сверкающую ленту реки. И горы, что видятся сверху волнами зеленого моря, а скалистые их вершины кажутся хлопьями серой пены на гребнях. Сколько видит глаз — море зеленой тайги. На горизонте она светлеет и еле проглядывает сквозь синюю дымку.

— А что будет, если подняться еще выше?

Вот и вершина гольца. Из долины она виделась скалистым гребнем, а оказалась обширным плоскогорьем, ровным, как степь. По краям каменистые холмы. Вокруг нас — россыпи мелких камней. Мхи. Редкие кустики полярной березы. Небольшие кружевники болот, поросших осокой.

Тундра!

Борис снова снимает и спрашивает:

— Как же назвать нам сегодняшнюю экскурсию?

— Наверное, «Путешествие от лета к весне!»



Загадочный Кратер

Вчера Борису с друзьями казалось все совершенно бесспорным и ясным. Сегодня к вечеру из маршрутов возвращаются уставшие ребята и растерянно разводят руками:

— Ничего не пойдем!

Так часто бывает. Только начал исследование, все становится ясным. Даже досадует:

для чего тратить время, если задача уже решена? Для чего доказывать, что «Волга впадает в Каспийское море»? Но копнешь по-хорошему, возникает маленький нерешенный вопрос. За ним второй. Третий. И все рушится. Не стало «Каспийского моря», и река вроде совсем не река. Такая неясность может продолжаться дни, месяцы, годы. У слабого духом опускаются руки, и он в отчаянии бросает работу. Иногда накануне открытия.

Борис не таков. Упрямая складка взметнулась от переносицы. Он долго молча ходит возле костра. Думает. Оглядывается вокруг.

— Схожу домсь, захвачу побольше продуктов и вернусь. Все равно разгадаю загадку.

— И мы тоже, — поддержали товарищи.

Вчера мы сидели возле костра, выбирали маршрут, когда прибежал Виктор. Коренастый, смуглый. Обычно его большие глаза задумчивы, а вчера горели, как угли. Он подошел к нам и оговорил вопросом:

— Возле нашего рудника известны действующие вулканы?

Борис даже свистнул.

— Хватил!

Ребята уже знали в общих чертах геологическое строение района. Его глубокую древность. Действующие вулканы встречаются среди молодых гор, и вопрос Виктора их просто сменил.

— Тогда объясните, что это такое, — и Виктор протянул записную книжку.

Куполообразная вершина горы, похожая на огромный стог сена. Голая. Каменистая. Сбоку оспиной темнеет кратер шириной около километра. Почти отвесные скалистые стены с двумя полями снегов. На дне озеро. Над озером клубится пар.

Борис снова свистнул.

— Вулкан! Это ты где срисовал?

— Ходил за ягодами и неожиданно увидел такое. Аж в пот бросило!

Разгоралась вечерняя заря. На рисунок падали красные блики. Казалось, горы озаряются отсветами расплавленной лавы и клубы красного дыма повисли над озером...

Это было вчера. Сегодня весь день, детально, шаг за шагом, мы изучали загадочную чашу на склоне горы. И встречали только серые граниты — породу, застывшую на глубине нескольких километров. И никаких признаков лавы.

— Значит, это не вулкан? Но что же такое? — спрашивали ребята друг друга.

— Дайте, пожалуйста, карту, — просит Виктор. Он расстилает ее на плаще у костра, и голы следопытов склоняются над картой. На их лицах большое раздумье.

— Что же это такое? — шепчет Борис и показывает пальцем. — Смотрите, наш кратер уже нанесен на карту. Значит, он известен давно?

Дразнящий запах вскипевшей ухи разносится над поляной. Анатолий хочет напомнить товарищам, что солнце садится и давно пора пообедать, но машет рукой и тоже склоняется над картой.

— А это что? За горой гоже кратер?

— И не один. Вот еще четыре... двенадцать... двадцать шесть кратеров! Только в некоторых нет озер, а показаны болота.

По нашему уговору, при решении загадок я должен молчать, если даже меня и спросят. И я молчу. Борис иногда встает, подходит к берегу озера и задумчиво оглядывает озеро, ска-

лы. Или, присев рядом со мной на корточках, склонив голову на бок, заглядывает мне в глаза. Он говорит, что так ему легче думать. Я отставляю с огня котелок с ухой и слышу удивленные возгласы моих друзей:

— Смотрите, все кратеры цепочкой протянулись вдоль главного водораздельного хребта.

— И они только на самых высоких горах.

— И только на восточных склонах. Почему их нет на западных склонах?

На небе вспыхнули первые звезды, когда Анатолий обратил внимание еще на одну особенность удивительных кратеров.

— Да они и лежат на одной высоте. И днища у всех на глубине около тысячи метров над уровнем моря! Значит...

Анатолий любит ученые слова. Подняв палец, он говорит сейчас медленно, чеканя каждое слово, как говорит на уроках их преподаватель по физике.

— Такое постоянство свидетельствует, что образование этих... этих... Как их назвать? Ну, их образовали не внутренние силы земли, а внешние. Ветер. Вода. Изменение температуры.

— Может быть, дождичек? — подкусил Виктор.

— Не дождичек. Дождичек одинаково обмывает и восточный склон, и западный. А они только с одной стороны.

— Может быть, утреннее румяное солнышко грызет горы, словно орешек?

— Стой, ребята! — крикнул Борис. — Эти чаши наверх ветер. Откуда у нас дуют ветры? С запада. Где эти чаши? На восточном склоне. Ветры перелетают хребты, вихрят и выдувают такие... кратеры. Смеетесь? А помните, мы читали, что в Казани на башне Сумбеки за четыреста лет ветер выдул в кирпичах ниши больше, чем яблоко. И в Среднеазиатских республиках ветер перепиливает телеграфную проволоку за десять-двенадцать лет.

— Яблоко! А тут — километр в поперечнике. Сравнил! А почему они встречаются только на определенной высоте? И какой тебе ветер? Сейчас уже осень, а на стенках еще поля снега. Как же ветер под снегом-то выдувает? А?

Снеговые поля спускались к самой воде и даже уходили под воду. В это время на озере зашумело. Высокий вал взметнулся под тем берегом, и на воде закачался небольшой, оторванный от снежного поля белый ледяной островок.

— Маленький айсберг! Как лебеди! Так это ледник? Маленький ледник! — хором закричали ребята. — Он и выпахивает стены этой чаши. Все ясно. — И повернулись ко мне.

— Не во всех чашах есть даже маленькие ледники.

— И все равно их делает снег. Честное слово! — заспорил Борис. — Ветер за зиму надует на восточные склоны уйму снега. Образует толстенные надувы. Где снега нет, там растет трава. Дерн предохраняет камни от разрушения. А где снег, там травы нет. Камни снаружи. Они разрушаются быстрее. Под снегом образуется ниша. Она все время увеличивается. Как называются эти огромные ниши?



Мы стоим с Борисом на вершине горы Ханым, одной из самых высоких вершин этой горной страны. Стоим, повернувшись лицом на запад. Под нами бесконечные хребты, узкие скалистые долины, тайга. За спиной тоже горы. Страна ветров и туманов.

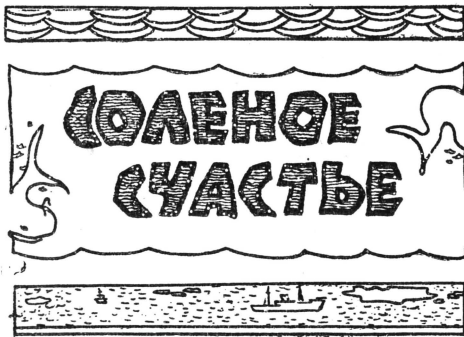
— А что там, на западе? — спрашивает Борис.

— Ты читал мои очерки о стране снегов и буйных трав? Она лежит под твоими ногами. Да, да. Сделай сотню шагов на запад — и ты в стране снегов. Сделай сотню шагов обратно — и ты в стране ураганных ветров. Помнишь, я писал про ветры, что несут с Атлантики влагу, проносятся над Барабинской степью, Кузбассом, но, оперевшись в склоны Кузнецкого Ала-Тау, сбрасывают влагу на западных склонах. Помнишь?

Над горами воздух «высох», а главное, охладился. Он стремится вниз. На западном склоне тишина, снегопад. Перевалив через главный хребет, воздух ревущими ураганами течет по узким долинам восточного склона. Эти две, таких непохожих страны лежат рядом. Это два склона одного и того же хребта Кузнецкого Ала-Тау.

Видишь дымки за горами? Это все рудники. Возьми бинокль, и ты увидишь шагающие через горы линии электропередач. Они связали в единую цепь электростанции Кузбасса и гиганты Енисея и Ангары.





Юрий ТРИФОНОВ

* * *

Профессия уводит нас на Север,
Едва проход во льдах прорежет март.
Охота — как запущенный конвейер.
А что же возвышает нас! Азарт!
Опасность! Риск!

Смеется смуглый прадед,
Ходивший на кита с одним копьём.
Он нашу смелость ни во что не ставит:
Китов мы из гарпунных пушек бьём.

Крепки суда, устойчивы и ходки,
Не страшен им теперь девятый вал.
У штурманов дипломы «мореходки»,
И наделен гидравликой штурвал.
А что же мы!..

Радары. Эхолоты.
Прогноз на месяца. Двадцатый век...
Но если стал высоким класс работы,
То, значит, выше стал и человек!

Зверобои

Мы чистили ружья —
прикладами в пол,—
Готовились к рейсу без страха,
Когда старичок прямо
в кубрик вошел,
Назвавшись агентом госстраха.

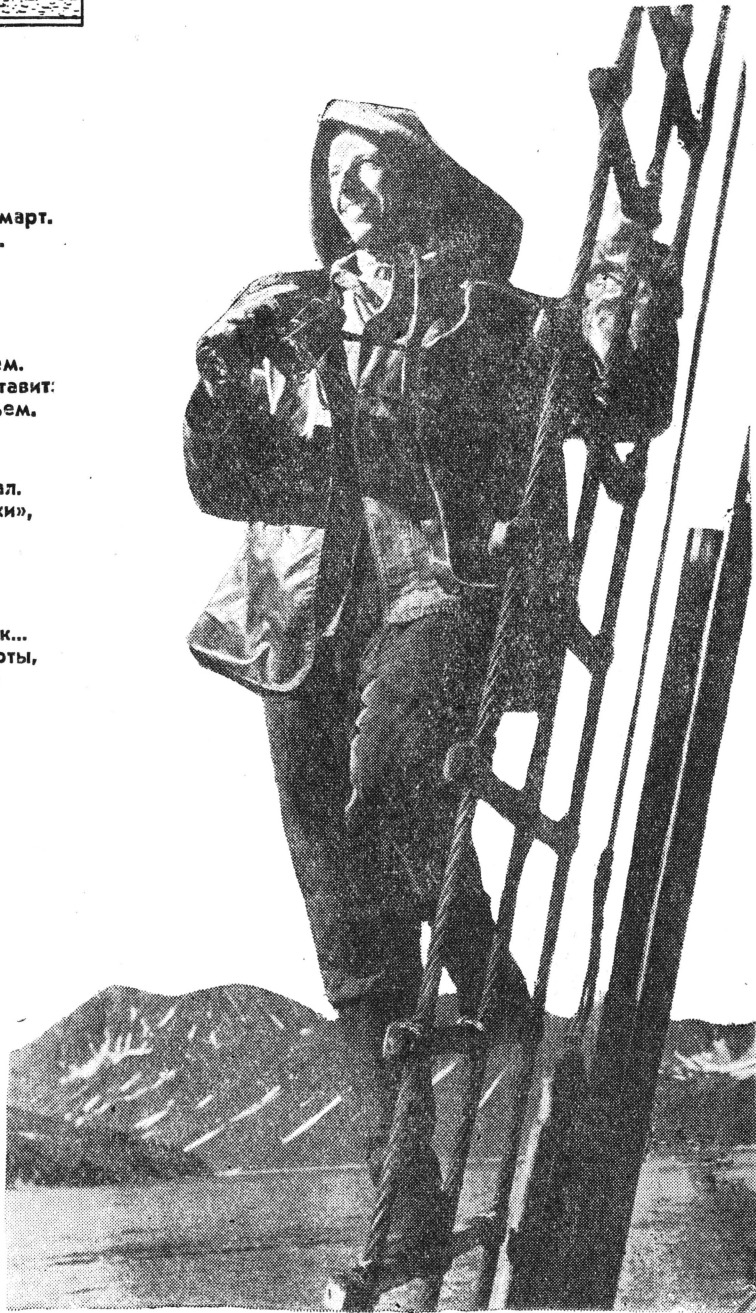
С портфелем под мышкой,
Чернильный берет.
Пальтишко из рыжей цигейки.
Радист — здоровяк,
корабельный атлет —

Приветливо встал со скамейки.
Садится старик.
Он с «морфлотом» в ладах.
Помялся с минуту
неловко.

Он знает: опасна охота во льдах,
Тревога блуждает у юнги в глазах,
А тут еще он со страховкой.

И все же... Он гербовый лист достает,
Очками блеснув хитровато.
Он верит, что будет удачным поход,
Но платят агенту «с охвата».

Радист наклонился, смеясь, к старичку.
Он жизнь оценил свою крупно.
Кому завещает! Да вот новичку,
Пришедшему юнгой на судно.



Толкнул салажонка — держись за меня,
 Живи по морскому закону!
 Агент растерялся: — И вы не родня?
 И толком еще не знакомы!
 Качнулись от хохота перья рулей,
 И юнга в матроске глядит веселей,
 А парни легли на скамейку пластом.
 Нас море навеки связало родством!

Романтика

Романтика — когда тебя пронижет
 Азарт погони десять раз на дню!
 Зови ее романтикою книжной,
 Я книгам, как друзьям, не изменю.
 За пазухою — «Моби Дик» Мелвилла,
 В каюте — Лондон, Конрад, Гончаров.
 Созвездье это надо мной всходило
 В туманах промысловых вечеров.
 О книги судовой библиотеки!
 Урывками — где час, где полчаса —
 Меня носили в затонувшем веке
 Зачитанные ваши паруса.
 Свистели снасти взмыленной «Паллады».
 И гнался за китом который год,
 Наполовину став уже балладой,
 Норд-вестами исхлестанный «Пекод».
 Романтика! Я пил ее запоем.
 Меня учил неистовый Ахав:
 Романтика всегда берется с боем,
 Романтика и бой — единый сплав!



И жизнь врывается, смешивала строчки,
 Бросала от скрипучего стола
 На борт, на ванты, в марсовую бочку,
 Обветренной романтикой звала.
 Не Моби Дик, не Белый Кит Мелвилла —
 Фонтаны поднимая над собой,
 Выматывал нас дьявольский левчило —
 Усатый кит породы голубой.
 Хитрил,

петлял подводными путями.
 И, видя, что морская гладь чиста,
 Мы в закоулках поиска плутали,
 Смирив нетерпение винта.
 Казалось, как ты крепко ни надейся,
 Хоть просмотри совсем глаза свои,
 Уже не вспыхнет в окулярах «Цейса»
 Мгновенный снег финваловой струи.
 И вот тогда, когда гудели нервы,
 Романтика врывается к нам в сердца.

Романтика — кита увидеть первым!

Романтика — не гнаться до конца!

Романтика — удар! и кит не бьется!

Еще момент — и туша у борта!

И пять зарубок — номер китобойца —

Уже белеют на конце хвоста!

Романтика!

Законом непреложным

Ей, как и нам, горячая страда...

Романтика тогда бывает ложной,

Когда она дается без труда!

Знают лишь чайки...

Мы в чем-то все же домоседы,
 Хотя покой нам и неведом!
 Под ярким солнцем и луной
 След вьется лентой слюдяной...
 Да, мы остались домоседами!
 Закончив к вечеру труды,
 Мы любим,

на судьбу не сетуя,
 Прижаться к кожуху трубы,
 Погреться, как у русской печки,
 И вспомнить свой далекий дом.
 А гул затихнет бесконечный,
 Как будто мы и не идем!
 Лужайкой море нам покажется,
 И теплой галькою тропы
 Покажутся крупинки сажки нам,
 Насыпанные у трубы.

Гитара вздрогнет по-земному

От скрытой нежности руки...

Лишь знают чайки,

как по дому
 Грустят в походах моряки.

Марсовый

Добычи ждет кричащих чаек стая.
Гремит звонок. И резко сбавлен ход.
Летит от китобойца тень густая
На желтое стекло прибрежных вод.

Вулкан по курсу.

Кажется, оборван
Верх конуса. Вокруг блестит снежок.
И борозды...

Как будто бы из формы
Кулич гигантский пекарь наш извлек.

Не праздник ли!

И в самом деле — праздник:
Стотонный кит — довольно редкий гость!
Он ходит у камней,

как будто дразнит.
Алмазных брызг над ним взлетела гроздь.

Другая! Третья!

Он уходит в море.
И в тот же миг взрывает воду винт.
Мы мчимся.

Гарпунер наш раззадорен.
Командует у пушки, словно Флинт.

Владыка моря чувствует погоню,
Идет нырками. Поздно, не уйдешь!
И боцман широченною ладонью
Оглаживает

промысловый нож.

Нырок. Еще... Команда наготове.

Нырок... Пригнулся к пушке гарпунер.

Он чутко возглас марсового ловит,
Где выйдет кит,

чтоб выстрелить в упор.

На мне скрестились взгляды всей команды,
Как будто все зависит от меня.

А кит назло — будь трижды он неладен! —
В глубинах где-то ходит он. И я
Молчу.

Молчу.

Но вот он, вот! Сигарой
В кайме бурунов,

рвется напрямик.

В моих глазах круги, как от угара.

И кажется, не кит —

счастливый крик

Из глубины, со дна души восходит,
Сжимает спазмам горло возле рта,

Кричу, не слыша голоса: — Выходит!

Выходит!.. Вышел! С левого борта!..

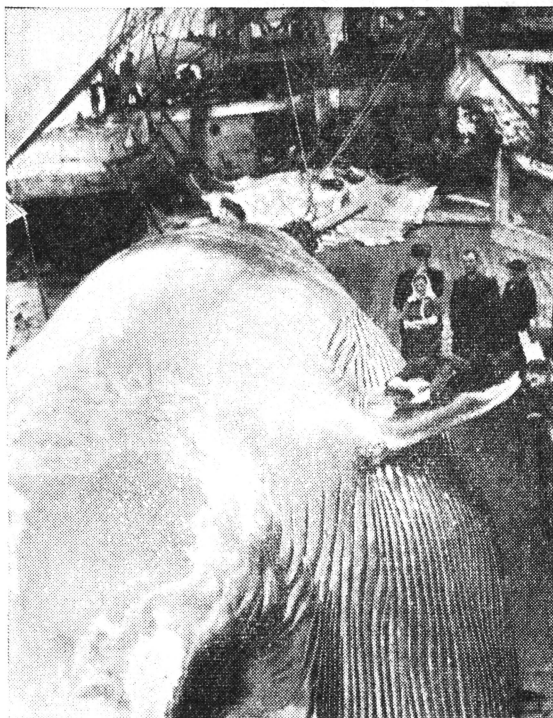
Как не поверишь тут, что ты — волшебник,

И что тобой открыта красота!..

Я жду сейчас мгновений вдохновенных,

Как марсовым

ждал выхода кита.



Морская соль

Хмельной от солнца и от чаек,
Атаковавших рыбзавод,
На гулкой пристани качаюсь,
Как сейнер, потерявший ход.

Корзины щедрого улова
Мы опускаем на весы.
Весовщику ничто не ново,
Коптит махоркою усы.

Сырец — одна его забота,
Он погрузился в цифры весь.
А ну-ка, Посейдон учета,
Попробуй, день рыбацкий взвесь!

Взвесь трепет ваера,

и чаек

Жирующую суетню,
Единство судна и причала
На час — не более! — на дню!

Мы меднолицы от загара.

Мы ошалели от угара

Путины,

чаек и улыбок.

Нас захватила глубина.

На наших реях красной рыбы

Распластанные

вымпела!

Пробный «орешек»

Обычный шарик из подшипника, тот, что вы закатывали в лузы настольного бильярда, оказывается, может служить и для определения твердости металла — например сырой стали. Как? Попробуйте вдавить шарик в мягкий асфальт — на асфальте останется круглая лунка. Такая же лунка, но поменьше, получится и на металле.

Чем прочнее металл, тем мельче впадинка.

И лишь испытывать специальные или особо твердые металлы стальному «орешку» не под силу — сам плющится. Тут нужен алмаз.

Обработанный в виде заостренного конуса, он легко «войдет» в любой металл, и прибор — твердомер, часть которого он теперь составляет, автоматически покажет твердость материала.

Пушка — металлург

Старая грозная пушка, отслужив свой срок в армии, поступила на металлургический завод. В прокатном цехе, где она теперь работает, длинный ствол ей уже не нужен. Его укоротили, но пушка, как и прежде, стреляет.

Только уже не снарядам, а специальным ножом, который мгновенно режет стальную заготовку большого сечения. Остается добавить, что для выстрела теперь, кроме пороха, может быть использован и природный газ.

Это не первое применение огнестрельной техники для обработки металлов. Еще в годы войны, при восстановлении разрушенных железных дорог, таким же способом делались отверстия в рельсах.

Бетонный радиатор

На первом этапе кто-то поступал по радиатору парового отопления, а на четвертом, хочешь не хочешь, слушают «сигналы».

Но это, конечно, не главный недостаток чугунных батарей. Слишком много металла уходит

на них. Нельзя ли чугунные батареи заменить бетонными? Оказывается, можно. Только один домостроительный комбинат экономит за счет такой замены около тысячи тонн металла в год.

Новые радиаторы красивее, «незаметнее» и даже прочнее своих чугунных собратьев.

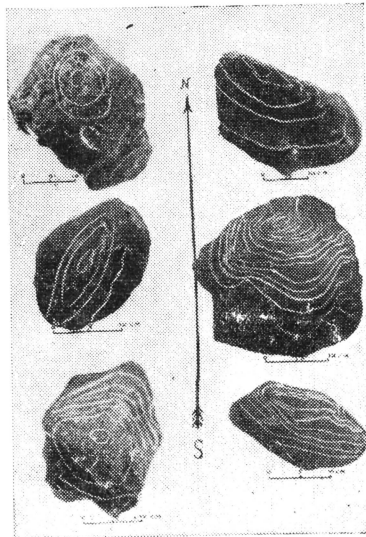
Перемещались ли полюса Земли?

Геофизика — наука, восстанавливающая геологическую историю Земли. Она помогает изучать и разведывать месторождения полезных ископаемых.

В последние годы в этой науке появился новый метод — палеомагнитный. В основе его лежит гипотеза: горные породы сохраняют остаточную намагниченность. Она возникла от действия земного магнитного поля, которое со временем меняло направление. Вместе с ним передвигались и географические полюса.

По этой гипотезе, Северный полюс в течение геологической истории переместился из области Тихого океана в Арктику.

Так ли это? Ряд ученых, в том числе и палеоботаник А. Н. Криштафович, отрицают подобное смещение.



Уральские геологи проводят палеомагнитные исследования с 1960 года. Полученные данные о намагниченности горных пород не позволили сделать какие-то выводы. Поэтому было решено попытаться установить направление географического меридиана по ископаемым деревьям.

Известно, что в окаменелых стволах, найденных в Челябинском бурогольном бассейне, хорошо сохранились годовые кольца. По их ширине и асимметричному положению сердцевинки можно определить южную и северную стороны ствола, а значит и направление географического меридиана.

Если удастся установить первоначальное положение ископаемого дерева, как оно росло, по отношению к местности, то тогда можно будет сравнить направление географического меридиана того времени и современного.

Конечно, проще всего это сделать по пенькам. Но в Карпинском угольном карьере геологи нашли только поваленные деревья. Правда, удалось выяснить, что упали они там, где росли.

Отбрали шесть стволов, отпилировали их, и по ним установили древнее направление географического меридиана с точностью до 15 градусов (см. рисунок). Оно для всех шести деревьев совпало с современными.

Первые опыты не подтвердили предположение о перемещении полюсов.

Исследования и наблюдения продолжают.

Первенец

Нефтепровод Шаим — Тюмень — самый короткий среди своих собратьев. Его длина немногим больше 400 километров. Но на сооружение такого «малыша» требуется ни много ни мало 50 тысяч тонн стали. «Малыш» первым должен войти в строй.

В 1965 году по нему нефть пойдет до транссибирской железнодорожной магистрали. За счет сокращения расходов на транспортировку предприятия Урала будут ежегодно экономить до 20 миллионов рублей.

Путь «Голубого огня»

Березовский газон о с н ы й район включает около двадцати отдельных месторождений, в том числе Пунгинское, с запасами около 100 миллиардов кубометров. Отсюда и берет начало тепловая магистраль Урала и основа ее — газопровод Игрим — Серов протяженностью 500 километров.

Стальная нитка идет тайгой четверста двадцать километров, остальной путь — болотами. Она пересечет четыре крупных и более двухсот мелких речек.

Уже в 1965 году серовцы получают газ, а немного позднее — Нижний Тагил, Свердловск, Соликамск, Березники.

По плану, с 1970 года эта стальная магистраль будет доставлять на Урал свыше 10 миллиардов кубометров газа в год. Это равноценно 15 миллионам тонн угля!

Линии на карте

Карту Тюменской области пересекают разноцветные линии. Сплошные — обозначают строящиеся нефтегазовые артерии, пунктирные — те, что проектируются.

Если вытянуть их в одну нитку, то получится свыше двух тысяч километров — почти половина трансевропейского нефтепровода «Дружба».

НА МЕСТЕ БОЯ

В годы гражданской войны в состав Чердынского уезда (ныне в Пермской области) входило несколько населенных пунктов с Верхней Печоры. В них белогвардейцы при поддержке английских интервентов сосредоточили крупные силы и двинули их на юг.

Враг рассчитывал быстро захватить Чердынь, Усолье, Пермь и создать серьезную угрозу на Восточном фронте. Обстановка с каждым днем обострялась.

Штаб III армии Восточного фронта направил для отражения наступления белых 33-ю стрелковую бригаду ВОХР (военная охрана республики), которой руководили Степан Акимович Окулов и Сергей Георгиевич Варов. В 36 километрах от Чердыни находится древнее село Искор. Вблизи него и расположилась бригада. В своих воспоминаниях С. Я. Варов пишет:

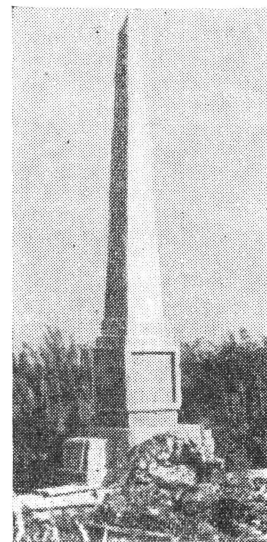
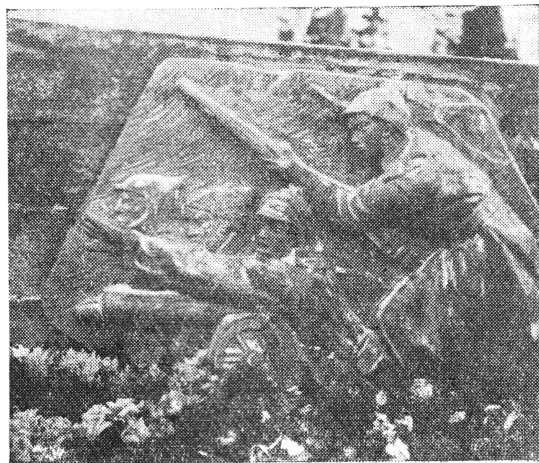
«...Пришлось отступить до Искорка и спешно там укрепиться. Белогвардейцы пытались выбить нас артиллерийским и пулеметным огнем, но атаковать не решались. Короткая передышка помогла нам. Мы замаскировали в искорских

лесах первую и третью роты, основательно подготовились к нападению. Наконец, завязался бой. В то время, когда противник почти ворвался в село, наши войска ударили по его тылу. Среди белогвардейцев, не ожидавших этого, началась паника... Почувствовав нашу силу, враг бросился наутек. Мы едва успевали преследовать его».

Части 33-й стрелковой бригады полностью освободили верховье Колвы и продолжали продвигаться по Печоре к селу Троицко-Печорскому — центру миллеровской белогвардейщины на верхнепечорском направлении...

...Возле села Искор, неподалеку от лесного скопка, после боя нашли двадцать семь убитых красноармейцев. Их привезли в Чердынь и похоронили в братской могиле. Поставили обелиск.

А недавно в Чердынь приехал сам Сергей Георгиевич Варов. Тут и возникла мысль создать и установить около села Искор, где в 1919 году были остановлены белогвардейцы, памятник. Соорудить его помогли комсомольцы Искорской комсомольской организации Михаил Шипин, Валерий Собянин, Николай Чебин, Леонид Пешехонов, Владимир Антонов. Ребята трудились, не считаясь со временем. Работу заканчивали при свете костров. Воду и материалы носили им школьники. Памятную плиту — панель и лепной рельеф оформлял второй секретарь Чердынского райкома ВЛКСМ Борис Сергеевич Пепеляев.



И. ЛУНЕГОВ, директор Чердынского музея

„ЛЮБИ И ОХРАНЯЙ ПРИРОДУ!“

Таков девиз фотоконкурса, который проводит Свердловское областное отделение Всероссийского общества охраны природы.

Юные фотолюбители и опытные фотокорреспонденты могут представить неограниченное число снимков на различные темы: уральские пейзажи, животные и растения нашего края, преобразование природы, жизнь заповедников, экскурсии, туризм, памятники природы и другие.

Каждый снимок должен быть представлен не

позднее 1 октября в двух отпечатках — 18×24 (выставочный) и 13×18 (контрольный).

С 1 по 10 октября проводится первый тур конкурса, городской или районный. С 20 по 31 октября — второй тур, областной.

Победители конкурса будут отмечены премиями, дипломами и грамотами.

А лучшие фотографии войдут в альбом «Природа Урала».

ПОБЫВАЙТЕ НА СУК-ТАШЕ

Пробирался горчыми тропами по лесистым склонам Южного Урала, не перестаешь удивляться разнообразию природы. Крутые склоны, поросшие своеобразной скальной растительностью из миниатюрных папоротников, мхов и лишайников, кристально чистые горные реки, нередко падающие каскадами водопадов, обилие пещер и других интересных памятников природы делают Башкирский Южный Урал одним из замечательных уголков нашей страны.

В составе экспедиции ботаников Башкирского филиала АН СССР нам удалось побывать в окрестностях горы Иремель, второй по величине вершины Южного Урала. Одна из интереснейших здесь — гора Сук-Таш.

Труден подъем на Сук-Таш. Сразу же от подошвы начинаются характерные для высокогорья Южного Урала каменистые россыпи и камнепады, сложенные гигантскими глыбами белых, сильно сцементированных кварцевых песчаников. Хаотическое нагромождение огромных (до 5—10 куб. м.) глыб покрыто разноцветной мозаикой лишайников. Сосновые леса по мере подъема сменяются пихтой и елью. Под их пологом в сыроватом полумраке — настоящее царство мхов, где нога тонет чуть не по колено. Много черники и брусники.

Здесь же приютился и ряд очень редких реликтовых и эндемичных растений. На темной зелени мхов резко выделяются белые шапки цветущей ветреницы пермской. Рядом с ней еще нераспустившаяся горькуша пильчатая,

кустики этих интересных растений кажутся оазисами на фоне безжизненных полей каменного хаоса.

Наконец трудный и утомительный подъем окончен и перед взором встает чудесная картина многовековой работы труженицы-природы.

Вершина горы представляет собой подобие гигантской крепостной стены или средневекового

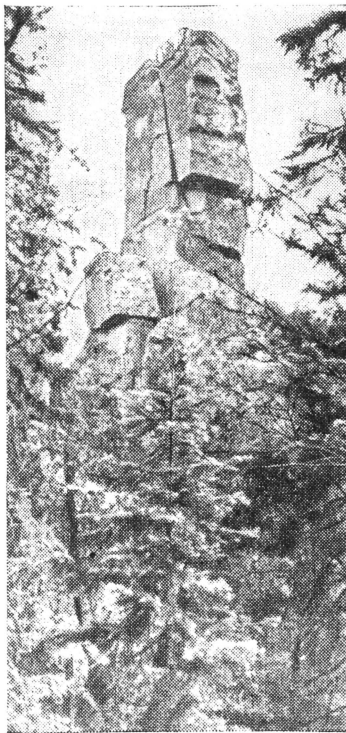
замка, по верху которого выстроились в ряд каменные статуи. Иные кажутся великанами, законченными в рыцарские доспехи.

Таких статуй здесь более двадцати. Между ними, как на настоящей крепостной стене, расположены бойницы. Такие же статуи, но меньшие по размерам и менее интересные по форме, — и на соседних вершинах. Создается впечатление, что могучий и древний Иремель стоит в окружении этой безмолвной и заколдованной стражи, не пропускающей себе непрошенных посетителей. И действительно, побывать на вершине горы Иремель удается не всегда. Большею частью она закрыта облаками.

А Сук-Таш в переводе с башкирского означает: «Бей-Камень». Когда-то вершина этой горы, да и вершины соседних гор, сложенные песчаниками, представляли собой острые и отвесные гребни. Тысячелетиями ветер, вода и температура делали свое дело — песчаники постепенно разрушались, пока, наконец, не превратились в эти останцы-статуи.

С горы Сук-Таш открывается величественная картина. Сквозь легкую сизоватую дымку видна могучая вершина Иремеля, а с другой стороны в неясной дали, среди необозримого моря лесов и гор, — венчающие местность хребты Яман-Тау, Машак, Аваяк и Зигальга.

Гора Сук-Таш с ее интересными камнепадами, редкой растительностью и своеобразными останцами — интересный уголок Южного Урала. Побывайте здесь!



Г. ПОПОВ

УЛОУШИН ПОИСК

Историческая повесть

Мих. ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ

Рисунки С. Киприна

Встреча



Сквозь дремоту ротмистр уловил чьи-то негромкие, но тревожные голоса. А когда выпростал голову из теплого меха, услышал: говорили Петька и вахмистр.

— Бывает, что дым за сотни верст ветром наносит,— успокаивал вахмистра Толоконников.— Может, пал стороной идет, может, по другому берегу, за рекой. Нам какая печаль?

— Может, и стороной... Может, и за рекой,— согласился вахмистр.— А все же я их благородие взбужу. Дыму без огня не бывает. Доложить надо.

— В чем дело? — спросил Повидла, быстро сбросив доху, и почувствовал, как в ноздри ударил горький и едкий запах.

— Ваше благородие,— сказал вахмистр,— где-то лес горит, пал идет.

Ротмистр поднял голову к побледневшему предрассветному небу, посмотрел внимательно на облака. Они плыли с севера на юг, в направлении, обратном движению каравана.

— Ветер встречный,— тревожился вахмистр.— Пал по ветру идет. Ежели лес по нашему берегу, нам дальше пути нет. Придется обратно возвращаться.

— Бери коня! Поедем разведем,— приказал ротмистр Петьке.— А ты, вахмистр, за меня останешься.

Повидла и Толоконников выбрались из ущелья и поехали медленно по Уршакбашевой тропе.

— Отчего в тайге пожары бывают? — спросил ротмистр.— Я ведь ваши горы и леса плохо знаю. У нас, около крепости, степь голая.

— От разного бывают,— ответил Петька.— Иной раз от оплошки от людской. На полях или покосах жгут сучья и вершинник, глядишь, и в тайгу огонь запустят. Костры тоже многие разводят: пастухи, косари, ягодницы, грибницы, вообще прохожий и проезжий люд. Уйдут с привала, огонь не зальют, не засыпят, не за-

топчут — опять тайга полыхает. Чего больше — охотники бумажным или паклевым пыжом выстрелят, ан ветошь и загорелась. Чуть ветерок — и на деревья перешло. Всяко бывает. У нас тайга каждый год горит.

— Полей и покосов здесь поблизости нет,— проворчал ротмистр, пастухам и ягодницам не время, охотники в такую даль не забредут. Значит, выходит, подожгли с умыслом. Но кто, для какой надобности? Стой-ка!

Они натянули поводья и, остановив коней, прислушались. Какой-то неясный шум, похожий на невнятный шорох дождя, наполнил с севера. Но его заглушили тревожные, панические крики кедровок, торопливо перелетавших с дерева на дерево.

Мимо всадников пролетел ястреб. Он летел очень низко, отчаянно крича, попытался подняться выше и не смог, снова пошел к земле.

— У него крылья обожжены,— хмуро сказал ротмистр.— Пожар где-то близко. Шевелись, погоняй!

На галопе перемахнули они через ручей, проскочили болото и начали подниматься в гору. Ротмистров жеребец первым взлетел на вершину и вдруг, дико фыркнув, уперся передними ногами, задрожал. Знойно ударил навстречу сухой жар. Он налетал упругой волной, опалая лицо. В воздухе кружили, будто черные галки, обгоревшие листья, мелкие дымившиеся веточки, крупные хлопья пепла и сажки, прилежавшие сюда из самого пекла таежного пожара, может быть, за несколько верст. Ротмистр посмотрел на вершины замерших в страшном ожидании сосен и заорал:

— Нет нам дороги! Назад!

Они скатились стремглав с горы и отдышались только в низине, в пади, обвеянной свежим болотным ветерком. Затем погнали коней обратно, к лагерю.

Ущелье наполнилось дымом, так что трудно было дышать. Кони беспокойно храпели, бились, рвались с привязей. Шемберг, бледный от страха, с трясущимися губами, безнадежно спросил ротмистра:

— Ну? Что видели?

Начало см. в № 4 и 5.

— Огонь на нас надвигается. Подозреваю, с умыслом подожжено.

— Кто поджег?

— «Их» рук дело,— ответил вахмистр.— Перехватили, значит, нас.

Все долго молчали, подавленные, особенно остро почувствовав одиночество среди горных дебрей, свое бессилие перед надвигающейся неотвратимо огненной стихией.

— А на тот берег? Вброд через Белую? — с надеждой спросил Шемберг.

Вахмистр посмотрел презрительно на управителя и непочтительно ответил:

— Ты что, барин, ослеп? Чай видишь, она свирепая, как дьявол!

Плечистый фланговый гусар, которому нечего было терять, гаркнул бесшабашно:

— А ведь наше дело, ребята, чистый табак! Ей-богу!

— Неужели назад? К Хлопуше в лапы? — вырвался у Шемберга плаксивый вопль. И тогда закричал злобно ротмистр:

— Молчать! Разговоры прекратите! Сопли не распускать!

Последние слова относились явно к Шембергу, и он спрятался испуганно за спины гусар.

— Готовьте коней! — продолжал Повидла.— Поднимемся на вершину Чудь-горы. На ней леса нет, и огонь до вершины не доберется. Там переждем, пока пожар пройдет мимо.

— Стой! Не торопись, барин, голову сломаешь! — раздался совсем рядом твердый, чуть глуховатый голос.

Ротмистр удивленно оглянулся.

За скалой, в нескольких шагах от эскадрона, зашуршали камни, и на открытое место вышел человек. На нем был красный казацкий чекмень и высокая, казацкая же, волчья шапка. Лицо завешено сеткой из конского волоса. В руках — два пистолета.

— Хлопуша! — испуганно прошептал Петька Толоконников и нырнул в ближние кусты.

— Ты кто таков? — скорее удивленно, чем испуганно, спросил ротмистр.

— Повыше тебя чином,— Хлопуша недобро улыбнулся.— Полковник я царев, Хлопуша.

Гусары переглянулись. Им было известно имя славного пугачевского полковника. По Уралу уже неслась слава о его подвигах.

— Не полковник ты, а вор и каторжник беглый! Забыл, как тебя плетью драли? Как лоб каленым железом прижгли? Полковник с рваными ноздрями! — Ротмистр брезгливо держал бровью.— И царь твой такая же каторжная нечисть! Висеть вам рядом, на одной виселице.

— У тебя, твое благородие, видать, супонь лопнула. Аж в оглобли лягаешь. А песня твоя стара,— спокойно, ничуть не сердясь, откликнулся Хлопуша.— Пора бы тебе поновой петь. И запоешь, запляшешь под нашу песню, вспомни мое слово... Ну, ин ладно!.. Давай о деле гово-



рить. Ты, твое благородие, без толку не ершись. Вперед вам ходу нет. В Чебаркульскую крепость тебе, барин, не прорваться. Мои разведчики-башкиры у вас на пути тайгу подожгли. Видишь, чай?

— Вижу! — сказал ротмистр. — Коли вперед нельзя, назад пойдем.

— Не пойдешь!

— Кто не позволит?

— А я, — просто ответил Хлопуша и встряхнул пистолетами. — Это у меня муж и жена. Муж промахнется, жена дело поправит!

Ротмистр оглянулся и, увидев, что весь эскадрон подтянулся к нему, обнажил саблю. Трогнув коня, наехал на Хлопушу, закричал:

— Уйди с дороги, смерд! По кандалам соскучал!

Хлопуша не отступил, не пытался защищаться. Спокойно поднял пистолет и выстрелил в воздух. Звук выстрела улетел в тайгу и словно оживил заколдованную Чудь-гору. Из-за каждой скалы, из-под каждого камня, из каждого куста выросли люди и устремились бегом к Хлопуше. Их вел, по-видимому, Хлопушин есаул, беловолосый, широкоплечий, синеглазый парень, в нарядном зеленом казачьем кафтане с откидными рукавами, завязанными на спине.

— Жженый! — Шемберг узнал в Хлопушином есауле своего работного и, скатившись поспешно с седла, нырнул в те же кусты, куда до него спрятался Петька Толоконников.

Хлопуша взмахнул рукой, и люди останови-

лись в нескольких шагах от него. Ротмистр поднял коня ближе к эскадрону. Он попытался было подсчитать Хлопушиных людей, но, безнадежно вздохнув, отказался от этой мысли.

Здесь был, казалось, весь Урал-камень, взбуряженный манифестами Емельяна и речами Хлопуши. В первых рядах стояла уральская заводчина, работные людишки горных заводов. Их можно было отличить по землистым лицам, расцарапанным в кровь рукам, опаленным у домен бородам, сгорбленным от векового рабства спинам. Здесь были и приписанные к Белореченскому заводу чердынские мужики, а также барские пахотные крестьяне из иных мест, в рваных зипунах, в дерюжных армяках, а некоторые в барских суконных кафтанах, сюртуках и даже женских салопах. Здесь были скуластые горные башкиры в остроконечных рысьих шапках, ватных кафтанах и плосколицые киргизы в верблюжьих бешметах. Здесь были и косматые горщики, разведчики недр, здесь была и просто голытьбе, бежавшая в уральскую тайгу от барского мочевого в соли кнута, от царской рекрутчины, от заводской кабалы, грабившая на Чусовой и Белой купеческие и казенные караваны. Здесь было то самое, таившееся до времени под пеллом пламя, из которого смелый донской казак раздул пожар восстания.

Ротмистр опытным глазом военного оценивал силу Хлопушиного отряда.

Заводчина была вооружена самодельными копьями, медвежьими рогатинами, кузнечными



молотами, дубинами с насаженным на конце чугунным ядром, просто тяжелыми безменами и пожарными крючьями. Жигари опирались на страшные свои топоры с длинными, в полсажени, топорищами. Крестьяне были вооружены вилами, кольями с врезанными в конце серпами и косами, и лутошками, простыми липовыми палками с обожженной верхушкой, чтобы придать им вид копья. Башкиры и киргизы вышли в поход с деревянными и косяными луками, копиями, саблями и самым страшным в рукопашном бою своим оружием — сукмарами и шокпарами — дубинками, окованными железом или утыканными гвоздями. И только очень немногие из Хлопушиных людей имели огнестрельное оружие — пистолеты, фузеи, старинные мушкетоны и охотничьи дробовики.

«Ежели ударим дружно, разметим в прах это бродяжье скопище,— думал ротмистр.— Жаль, непривычны мои гусары в этих проклятых горах действовать. Ладно, справимся! Я брошусь первым на Хлопушу. А остальная голота, когда их вожак свалится, от одного блеска наших сабель разбежится...»

Хлопуша между тем снова заговорил:

— Вот оно, барин, цареву войско! Только ружья махну — все в реке будет!

И, не обращая уже внимания на ротмистра, обратился к гусарам:

— Ребятюшки, неужель вам солдатчина бес-срочная сладка? По себе знаю: харчи — помои, ноги портянками натерты. Неужель не надоело вам спины под офицерскую палку и плетку подставлять? Только बारे не признают государя нашего новоявленного, а смерды, кость мужицкая, и даже всякие орды кочевые, ему покорились. Сдавайтесь и вы, ребятюшки. За это, от царева имени, милость и свободу вам обещаю. Освобожу вас от службы и в вольные казаки поверстаю. А ежели боитесь, что будет вам наказание за кровопролитие на заводе, то вы эту мысль бросьте. Знаю я, не своей охотой вы в рабочих стреляли. И пускай отныне между нами будет так: кто старое помянет, тому глаз вон! А у меня как сказано, так и сделано.

Гусары хмуро молчали. Ротмистр презрительно и самоуверенно улыбался: кто-кто, а уж его гусары государыне не изменники.

Тогда Хлопуша снова заговорил:

— И вот еще о чем подумайте, ребятюшки. За плечами у вас таежный пал. Через час он здесь будет. Нужно нам сообща с огнем сражаться. Драку да свару нам затевать не след. Все тогда сгорим, как крысы в овине.

Гусары переглянулись и зашептались. Осторожный, приглушенный шепот пополз по их рядам от одного фланга до другого. Ротмистр не смог уловить, о чем сговариваются его люди, но чувствовал, что наступил момент, когда надо действовать быстро и решительно. Он взмахнул саблей, крикнул:

— Ребята, присяге не изменим!.. Сабли вон!.. За мной!..

Он тронул коня, но не услышал за спиной привычного топота мчащегося эскадрона. Гусары не шелохнулись. А седой гусар сказал серьезно и строго:

— Неча махать саблей, ваше благородие. Сдавайся! Видишь, пришел конец вашей барской власти. Теперь мы попануем.

Старик первый выехал из строя и бросил на землю саблю.

— Сдаемся, полковник, на твою милость. Мы государю приклонны. А проступки наши мы загладим. Послужим царю верой и правдой, ежели понадобится, и кровь за него прольем.

Гусары последовали его примеру. На землю полетели их сабли и карабины.

— Изменники!.. Клятвопреступники!.. Собачье племя!.. — закричал в бешенстве ротмистр и, пришпорив коня, бросился на Хлопушу.

Нападение было так неожиданно, что Хлопуша не успел подумать о защите. Он погиб бы, сабля ротмистра уже висела над его головой, если бы не Жженный. Павел прыгнул вперед, толчком плеча отшиб Хлопушу в сторону, выдернув из богатых, украшенных серебром ножен черкесскую, без крыжа, саблю. Ею он удачно отбил удар ротмистра.

Но Повидла, опытный рубака, тотчас же начал теснить Жженого. Ротмистрова сабля сверкала стальной молнией, нанося короткие и быстрые удары. Павлу казалось, что тысячи злых змеиных жал разом метят в него, стараясь укусить смертельно то в лицо, то в грудь, то в шею.

Хлопушины партизаны и гусары, затаив дыхание, следили за поединком. Никто из них не осмеливался помочь Жженому. Дерущиеся так бешено вертелись, так быстро менялись местами, что сабельный удар или пуля могли попасть вместо офицера в Павла.

Отбивая с трудом удары ротмистра, Павел томился запоздалым сожалением: «На кой ляд я с этой чертовой саблюшкой связался? Сабля — дело барское. А мне бы чего-нибудь...»

И тут к ногам его упала кувалда, которой на заводах отжимают из крицы шлак и окалина. Кто-то из заводских, словно угадав мысли Павла, подкинул ему это пудовое оружие. Павел схватил кувалду, размахнулся так, что басовито взгудел воздух, и опустил на врага тяжкий удар. Павел метил в голову офицера и попал бы, если бы ротмистр вовремя не подставил свою саблю. Кувалда и сабля встретились. И победила кувалда. В руке Повидлы остался только эфес, а клинок разлетелся вдребезги.

Потеряв направление, кувалда опустилась на голову коня, тот грохнулся на землю, а Повидла вылетел при падении из седла и уже не поднялся более.

— Спасибо, Павел! Не забуду! — сдержанно, но горячо сказал Хлопуша.

И, указывая гусарам на лежащего в беспомощности ротмистра, добавил весело:

— Как очухается, вспыльте ему, ребятюшки, каждый по пятку плетей. За то, что обозвал вас собачьим племенем. Дозволяю!.. А теперь всем скопом, дружно будем от пожара отбиваться. Тащите сухой валежник, рвите больше ветоши. Шевелись, коли живьем сгореть не хотите!..

Пал

Морщась от ноющей боли в голове, ушибленной при падении, ротмистр сидел у корней одинокого дуба и удивленно наблюдал работу, кипевшую вокруг него. Работные, крестьяне, гусары, башкиры, киргизы, дружески перемешавшись, заготовляли горючий материал. Саблями и топорами рубили щепы смолистых пней, косили ветошь, волокли охапки трескучего пересохшего валежника.

Работами распоряжался Хлопуша. Все заготовленное складывалось по его приказанию в одно место. Это была наиболее узкая часть ущелья у подножья Чудь-горы. Вскоре каменная горловина была закупорена высоким валом. Тогда Хлопуша выслал в тайгу одного из казаков разведать, как быстро идет пал и далеко ли еще огонь.

В ожидании его многие влезли на вал, вглядываясь тревожно в глубь тайги. Ветер между тем снова усилился. Он бежал теперь по горячечно шумящим вершинам непрерывным потоком. Но дул по-прежнему в сторону Чудь-горы. Крепче и гуще потянуло дымом. Люди на валу уже завязывали рот и нос платками, закрывали лицо снятыми шапками. Дым, горький, царапавший горло, проникал, казалось, до сердца и сжимал его.

Вынесся из тайги казак-разведчик. Он подбежал к Хлопуше и сказал почему-то шепотом:

— Подходите! Близко уже! Птицей летит, как на крыльях.

— Все с вала долой! — крикнул повелительно Хлопуша. — Коней к реке отвести. Костер разложите, проворы! Чтоб горячие головки наготове были!

Теперь на валу остался только Хлопуша. Он повернулся к пожару. Ветер нес густой дым прямо в лицо, мешая смотреть и слушать. Но это его, по-видимому, мало беспокоило. К удивлению ротмистра, зорко следившего за Хлопушей, пугачевский полковник вытащил из-за пазухи птичку: крыло, выдрал из него легкую пушинку и подбросил ее в воздух. Ветер, тянувший со стороны пожара, понес пушинку к Чудь-горе. Хлопуша внимательно проследил ее полет, пока она не исчезла из глаз.

А в глубинах тайги родился новый жуткий звук. И все притихли, вслушиваясь в это злое шипенье и клекотанье. Точно масло шипит, шкворчит, пузырится на гигантской сковородке. Это был голос таежного пожара.

А затем показались и его передовые разведчики.

Пламени еще не было, а впереди начал уже темнеть мох, закорчилась трава. Воздух стал горячее, дым гуще. И вот в траве во мху заиграли, забегали маленькие огоньки, а потом поползли язычки и ленты бледного при дневном свете пламени. Шипенье и шкворчанье усилились, перешли в легкое потрескивание.

«По воздуху передается. Как зараза!» — с испугом подумал Повидла.

Это промчался первый огонь, опалив сухую мелочь. А центр, «матка» пожара, был еще далеко.

Хлопуша надрал из крыла горсть перьев и бросил их в сторону пожара. Ветер снова вынес их назад, в сторону Чудь-горы.

Люди начали медленно отступать к Белой, к укрытым у реки лошадям. А Хлопуша, не обращая внимания на приближающийся огонь, стоял по-прежнему на хворостяном валу. Он прикрывался от зноя полкой своего красного чекмена, меховая казачья шапка уже дымилась, но он думал не о себе. Он думал о том, что если вал загорится раньше времени, то погибнут все эти люди, так доверчиво избравшие его своим вожаком.

Из тайги, из пламени, прилетел густой низкий звук, ни с чем не сравнимый. Голос бездны, рев стихии.

— «Матка» ревет, — испуганно прошептал один из работных.

— Старые таежники говорят — тоже шепотом откликнулся ему углежок: — тот человек, который слышал голос «матки», больше ничего уже на этом свете не услышит. Сожрет, спалит его «матка».

Действительно, это был ее голос, ее грозный бас.

И, услышав его, Хлопуша поспешно бросил в воздух еще горсть перьев. Они не отпрянули как прежде назад, а исчезли навстречу палу, — так быстро втянул их в себя пожар.

— Батюшки, до чего же просто! — удивился тот же работный. — Пал свежего воздуха требует, вот он и тянет его из нашей пади. Теперь поджигай вал, огонь его в сторону пойдет. Два огня сшибутся! Видать, дядя Хлопуша — старый таежник.

И действительно, Хлопуша, спрыгнул с вала, закричал отчаянно:

— Поджигай!.. Шевелись, проворы!

Десятки горящих головен полетели в пересохший, уже дымившийся вал. И он вспыхнул сразу, с яростью и силой взрыва. Огонь с ревом взметнулся к небу. Но, повинувшись тяге пожара, наклонился, почти прильнул к земле и равнулся в тайгу, навстречу палу. Долина стала быстро очищаться от дыма.

Когда поджигавшие вал работные и Хлопуша, добежав до реки, оглянулись, два огня уже сшиблись, свились в огненный смерч. Затем смерч рассыпался, и огненный поток ринулся в обратном направлении, не дойдя до пади.

Тайга пылала вся, от вершины до корней.

Люди отступали все ближе и ближе к реке. Некоторые вошли в ледяную воду.

Жар становился невыносимым. Кони начали беситься, рваться с привязей. Их свели в реку по груди и ежеминутно окатывали водой.

В это время из кустов, опаленных и обугленных, протянувшихся невдалеке от догоравшего вала, раздался подавленный крик боли. А затем из чащи выскочили и побежали к реке двое — Шемберг и Петька Толоконников.

Управитель бежал первым, держась обеими руками за дымившуюся шапку. На плечах и спине Петьки багрово тлела бекеша. Он сбросил ее не уменьшая бега, но исподняя рубаха тоже дымилась. Он сбросил и ее. Он бежал голый по пояс до тех пор, пока не услышал совсем близко властное и жесткое:

— Стой!

Петька остановился, как вкопанный.

Перед ним был Хлопуша.

Суд

Твердые желваки задержались на скулах Хлопуши. Боясь распалить себя криком, заговорил спокойно, но глухой, пришепывающий его голос ломался от ярости:

— Ну вот, ты и попался, Петра. Не хотелось петуху на пир идти, да за хохолок притащили. Давай рассчитаемся, провора. Должок ведь за тобой есть.

— Погоди, Афоня, у меня с ним тоже беседа будет! — звонко сказал кто-то, становясь рядом с Хлопушей.

Толоконников поднял голову и тотчас без-



надежно опустил ее. Перед ним стоял Павел Жженный.

— Здравствуй, Петр, здравствуй! Что же глаза прячешь, как вор, иль вину чувствуешь?

Толоконников молчал.

— Кайся! — сказал сурово Жженный. — Семена Хвата помнишь?

— Помню, — прошептал побелевшими губами Петька.

— Ты его убил?

— Я.

— За что?

— Ненароком. В тебя метил.

— Кто меня убить научал?

— Приказчик, Агапыч.

— Обещал за это сколь?

— Червонец да полушубок волчий.

— Дешевая моя голова, — Жженный скривил губы.

А Хлопуша делал последние усилия, чтобы сдержать ярость. Он дышал тяжело и прерывисто, с хрипом, словно только что вынырнул из воды. Дрожавшие его пальцы то сжимались в кулаки, то опять разжимались, как будто он уже тискал ими Петькино горло. Толоконников видел это, по лицу Хлопуши читал свой конец и все же не мог ни лгать, ни заперяться, ни даже умолять о пощаде. Спокойный голос Павла словно отнял волю и разум. Обессиленный, опустошенный, он покорно отвечал на все вопросы Жженного.

— Еще говори, — продолжал Павел. — Государевы письма, что Хлопуша тебе давал, вместо наших рабочих кому относил?

— Агапычу, приказчику.

— В фортецию, солдат на завод вызывать кто ездил? — вмешался Хлопуша.

— Я, — еле слышно прошептал Толоконников.

— За что же ты предал своих братьев? За что погубил невинных людей?

— Агапыч обещал меня мастером плотинным поставить. Обнадежил крепко...

— Миропродавец!.. Пень ты гнилой, а не человек!

Стиснув кулаки, Хлопуша двинулся на Толоконникова. Тот медленно начал пятиться. Словно невидимая нить протянулась между этими двумя людьми. Толоконников в точности повторял движения Хлопуши, отступая на столько же шагов назад, на сколько тот двигался вперед.

И вдруг Петька, повернувшись рывком, побежал к выходу из ущелья. Павел, выхватив из ножен саблю, рванулся было за ним, но Хлопуша удержал.

— Не тронь. Не убежит.

Толоконников в безумном беге пронесся через кусты, в которых прятался, перепрыгнул через догоравший вал и ворвался в горящую тайгу.

Он мчался во весь дух, хотя никто его не преследовал, по крутинам, по откосам, гребням и горящим стволам, размахивая растопыренными руками, как птица крыльями. Он нырял в расщелины и ямы, пропадал из глаз и снова появлялся, приседал под падающими раскаленными ветвями, прыгал через пылающие кусты и снова мчался, забираясь все глубже в пламенные недра тайги.

Ярко пылающий густой ельник преградил ему путь. На миг он остановился перед этой огненной стеной, потом кинулся в пламя, выставив вперед руки и наклонив голову, словно ныряя в воду. Столб дыма и пепла поднялся высоко, и все исчезло.

Все разом вздохнули и отвели глаза от горящей тайги.

— Сам, значит, себя казнил, — хмуро сказал Хлопуша. — Ну что ж, два раза прощают, на третий бьют.

И вдруг удивленно поднял руку к голове. Высокая казацкая шапка его сорвалась с головы и упала на землю в нескольких шагах за его спиной. Он не слышал слабого pistolетного выстрела и удивленно обернулся. Ротмистр, бледный, со стиснутыми зубами, придерживал левой рукой правую, повисшую безжизненно. Он

нащупал случайно за пазухой один из пистолетов, подаренных ему Шембергом, и, не утерпев, выстрелил в Хлопушу, но стоявший рядом с ним работный вовремя ударил его по руке дубинкой и тем спас Хлопуше жизнь.

— Эх, ваше благородие, вот ты какой! — сказал без злобы, с легкой укоризной Хлопуша. — Прав наш батюшка-царь, всех вас, от прапорного до генерала, вешать надо. Первюющие вы наши зловреды и мучители. Шакир, иди-ка сюда, приятель, работа есть.

Из рядов вышел приземистый башкир в желтом китайском халате, кожаных шароварах и старом облысевшем малахае.

— Подвесь-ка его благородие, — коротко приказал Хлопуша.

Невдалеке стоял высокий дуб, вековой кряжистый уралец, широко раскинувший могучие ветви. Шакир направился к нему, распахнул халат, выдернул из штанов очкур. Затем придерживая левой рукой спадающие без очкура штаны, полез на дуб. Выбрав сук, выкинувшийся далеко от ствола, привязал к нему очкур, сделал на конце петлю. Проверил ее, затянул на своей руке. Спустился на землю и, взяв своего коня, подвел к дубу, поставил под петлей. Подошел к ротмистру и положил на плечо руку.

— Пойдем, баранчук.

Ротмистр посмотрел на петлю, — в ногах его заныло, и закружилась голова так же, как вчера, когда он заглянул в пропасть с Чудь-горы. Он вскрикнул и начал рваться из рук Шакира.

— Ой, смешной! — удивился башкирин. — Нельзя, бачка, Хлопуша сказал: «подвесь». Зачем как куян¹ умираешь? Как кашкыр¹ умирай, как храбрец. Ну же!

Шакир схватил ротмистра в охапку и потащил к дубу. Вырываясь, офицер кричал:

— Душегубы!.. Мучители!..

— По гостю и брага, барин. Вы нас многие века мучили, а мы молчали, — сказал Хлопуша и невесело засмеялся. — Ишь, что сын дворянский, что конь ногайский — умирают и ногами дрыгают. Кончай скорей, Шакирка, — махнул рукой и пошел медленно на Чудь-гору.

— Не тронь! Пусти, — сказал внезапно успокоившийся Повидла. — Сам пойду.

Шакир выпустил его из своих объятий, и ротмистр пошел к дубу не глядя под ноги, спотыкаясь о корни и камни. Он пробовал даже сам взобраться на Шакирова коня, но мешком свалился на землю. Башкирин снова взял его в охапку и, легко подняв, вскинул на седло. Сам прыгнул кошкой, сел сзади ротмистра на конский круп. Повидла больше не сопротивлялся, но нагнул низко голову, втянул ее в плечи и крепко прижал подбородок к груди. Шакир схватил его за волосы, оттянул голову назад, накиннул на шею петлю. Спрыгнул с коня и огрел его плеткой. Конь рванулся, ротмистр повис.

Шемберг закрыл ладонями лицо и заверещал по-заячи. Но чья-то плеть звучно шлепнулась об его спину, и он затих.

...Люди отхлынули от дуба. К Жженому подошел старший кричущий Федор Чумак. Мощные, словно из чугуна отлитые плечи его распирала ветхий сермяжный зипунишко, а по зипуну, через плечо, была пущена голубая орденская лента. Ноги Федора были обуты в разношенные

лапти, а на голове, лихо заломленная на затылок, красовалась генеральская треуголка со страусовым плюмажем. Нетерпеливо поигрывая тяжелой, как лом, медвежьей рогатиной, Чумак спросил:

— До завтра здесь стоять будем? На завод идти надо.

— Хлопушу спроси, — ответил Жженный.

— А где он, язви его в печонку?..

Невдалеке, на подъеме на Чудь-гору, около трех небольших лип, увидели они красный Хлопушин чекмень. Подошли торопливо и остановились удивленные. Хлопуша, стоя на коленях, загребал горстями палые липовые листья и, поднося их к своим рваным ноздрям, жадно нюхал.

— Чего ты, Афоня, листья-то нюхаешь? — удивленно спросил Жженный. — Иль табаком извелся?

Хлопуша поднялся с колен, не выпуская из горстей листья. Он был, против обыкновения, без накомарника и не поспешил, как обычно, закрыть лицо. Жженный и Чумак впервые как следует увидели своего жоака.

Плоские, чуть рябоватые его щеки заливал ровный здоровый румянец. Пушистая рыжеватая борода курчавилась на подбородке и щеках. Не будь ноздри его вырваны до хрящей, он был бы по-своему мужественно и строго красив. Надолго запоминался косой, волчий, без поворота голсы взгляд его глаз, черных, с желтоватыми белками. В них горела яркая человеческая мысль, но где-то в глубине их затаился темный ужас и злоба зверя, гонимого и затравленного.

— Не угадал, провора, — тихо и грустно ответил Хлопуша. — Ни одна деревина меня за сердце так не скребет, как липа. Понюхаешь — и вспомнишь деревню свою... Тверской ведь я... Молодость, зазнобу-девку... У нас около изб тоже липы все.

Хлопуша понюхал листья и горько, невесело улынулся.

— Вот каторжник я отпетый, арестант и убийца, а молодость забыть не могу. Ведь проходит жизнь-то. Она ведь знаешь, какая большущая, в охапку ее не возьмешь. А что я в жизни видел?

Он сбросил с ладоней листья. Ветер подхватил их и понесся вниз, в ущелье.

— И меня в жизни носило вот так же, как ветром жухлый лист... Крепостной я, из вотчины тверского архиерея. В солдаты отдал, бежал от унтерских и офицерских палок. Поймали вскорости. За бегство из полка шесть раз сквозь строй прогнали. Кожу в клочья порвали, мясо до костей пробили, чуть в гроб не вколотили. Едва чутко оклемался — опять бежал. Только тесен нашему брату, холопу, белый свет. Опять поймали. За второй побег кнутом били, ноздри вырвали, на каторгу в Сибирь сослали. Работал там на заводских работах. Пробовал не раз на заводах бунты поднимать. За это еще не раз кнутом били. Тогда бежал из Сибири тоже. С Илецкой соляной каторги тоже бежал. Десять годов — десять годов, пойми это, провора, — то острожничал, то бродяжил, то на каторге маялся. Изломали они жизнь мою, будь они прокляты до последнего колена!.. Ноздри вот вырзали, уродом сделали... Кому я нужен такой уродина, страшный как бес? Кому, скажи, кому?..

Федор и Павел молчали, потрясенные этим взрывом чувств оскорбленного, опозоренного, искалеченного человека.

¹ Куян — по-башкирски заяц; кашкыр — волк.

Хлопуша надел шапку, провел медленно по лицу ладонью и словно разом стянул горечь и боль пережитого. Крикнул властно:

— Будя ныть и плакаться! На конь, ребяташки, в поход! К утру на заводе быть надобно. Пошевелявайся, проворы!

Штурм

Когда выбрались с таежных троп на отпотевший, размякший проселок, Хлопуша, удивленный, натянул повод.

— Это кто ж такие? — спросил он, — Что за люди?

По обочинам дороги густо стояла толпа. Здесь было много женщин, еще больше детей всех возрастов, были и дряхлые старики. Они, судя по догоравшим кое-где кострам, стояли здесь давно, может быть всю ночь.

— Это бабы и ребятня наша, с завода, — ответил Жженый. — Своих встречают. Чай, всю ночь не спали, гадали: как мы с гусарами справимся.

Завидев отряд, женщины заволновались, зашумели, заговорили все разом, и каждая старалась выдвинуться в передние ряды, чтобы лучше видеть лица проходивших. Ребятишки сби-

лись отдельной стайкой. Здесь явно верховодили ребята-заслонщики, работавшие на заводе. Они пытались держать себя степенно, подражая взрослым, говорили сердито и басисто, но тотчас забывались, и голоса их звенели снова по-детски восторженно и звонко.

Хлопуша отделился от своих есаулов и, подъехав к толпе, крикнул:

— Бабы, не сумлевайтесь! Мужики ваши вернулись по-здорову. Ни побитых, ни пораненных нет. Царицыны солдаты перед нами оружие сложили. Только некоторые бороды да усы попалили. Ну, да, я чаю, целоваться-то и без усов можно.

Женщины ответили радостным смехом, счастливыми криками:

— Спасибо тебе, дядя Хлопуша!.. Спасибо, кормилец!..

Когда затихли крики женщин, дружно, хором закричали ребята:

— Дядя Хлопуша, возьми нас с собой! На войну!.. У нас уже и луки, и стрелы, и копья понаделаны... Дядя Хлопуша, возьми!..

В рядах, услышав это, захохотали. Хохот гремел взрывами, катаясь по колонне от головы к хвосту. Хохотали даже киргизы и башкиры, откидываясь в седлах далеко назад и восторженно хлопая ладонями по бедрам. Не смеялся только Хлопуша. Он покачивал тихо головой и



странным, срывающимся голосом сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ах, челяпига... вот так челяпига... На войну их возьми...

Смущенные смехом, ребята смолкли. Но один малыш, в огромной старшей шапке, сползавшей ему на уши, все еще тоненько тянул:

— Дядь Хлопуша-а... Возьми...

Хлопуша подъехал к мальчонке и, быстро нагнувшись, поднял его к себе в седло. Мальчуган сначала испугался, оробел, а потом, когда Хлопуша необыкновенно ласково погладил его по острому худенькому плечу, заулыбался и засверкал карими глазенками.

Хлопуша смотрел на дорогу.

По проселку шел смешанный конный отряд, который был с Хлопушей в тайге. Вместе с ним вадила и вся та сила, которую собрал Хлопуша по уральским заводам и селам. Передовыми прошли казачий отряд, гусары, башкиры, киргизы. Над конниками развевались пугачевские знамена из белой холстины с нашитыми и просто намалеванными дегтем раскольничьими восьми-конечными крестами и зеленые знамена башкир и киргизов.

За конницей прошла многочисленная пехота. Затем провезли на самодельных лафетах три полевые пушки. Пушкари, заводские работные, важно и сурово поглядывая на женщин, шагали рядом со своими орудиями. Они знали, что в конце-концов участь боя решают они и их широкогорлые медные звери. Командовал пушкарями один из Хлопушиных есаулов — Федор Чумак.

В хвосте колонны на многие версты растянулся обоз. Боевые припасы, фураж, провиант

везли в повозках, телегах, барских рыдванах и колясках. Тащилась в обозе даже щегольская карета четверкой, с чумазым жигарем за форайтора. А в карете, вместо пудренных бар и барынь, ехали мешки с овсом. Весь обоз скрипел отчаянно и на разные голоса — многие и многие версты стерли деготь с осей.

На одной из телег сидел связанный Шемберг. Женщины узнали его. Раздались озлобленные крики, полетели комья грязи, камни. Так, под градом угроз и оскорблений, долго ехал недавно всесильный управитель. Он озирался по сторонам, как затравленный волк, но взгляда перед толпой не опускал, стараясь запомнить лица обидчиков. Он еще надеялся отомстить.

Конные и пешие, пушки и повозки бесконечным потоком лились по проселку. А большеголовый мальчуган в огромной дырявой шапке с высоты седла смотрел на них серьезно и важно. И казалось, что он делает смотр этому войску восставших рабов.

Когда прошли последние бойцы, проскрипели последние подводы, Хлопуша повернул мальчугана к себе лицом и сказал медленно и серьезно, как взрослому:

— Видал, сколько войск у нашего мужицкого царя? Это только малая часть его. Найдется, кому и без тебя биться с барамы и заводчиками. Авось, мы для тебя, воробыш, счастливую долю завоюем. Иди, гуляй!

Хлопуша опустил его бережно на землю и, стегнув коня, помчался к голове колонны.

Проселок выбежал к тракту. Совсем рядом зачернели валы и частокол Белсереченского завода. Жженный, ехавший рядом с Хлопушей, посмотрел из-под ладони на завод.



— Тихо. Спят, ли что? Покуда очухаются, мы на валах будем.

— А может, хитрят? — сказал Хлопуша. — Ты бы, провора, приказал все ж людишкам, чтоб не галдели так. Гамно очень, для заводских пушек верная примета.

И, словно подтверждая слова, с вала грохнула пушка. Ядро, сбивая на лету сучья, прогудело в вершинах деревьев.

* * *

Этот выстрел и разбудил Агапыча.

После отъезда Шемберга приказчик шнырял по комнатам господского дома, шептался таинственно с оставшимися на заводе управительским камердинером. Они вместе увязывали какие-то узлы, прятали. Затем Агапыч спустился в винный погреб. Отметил углем две сорокаведерные бочки с полугаром.

«Это гостям на угощенье. Пущай пьют за Агапыча здоровье. А гости скоро пожалуют. Мы на тракту, что на юру. Коль не Хлопуша, так другой из пугачевских атаманов завернет».

А бочонки с виноградными винами откатил подальше, в темные углы.

«Это им не по носу табак. Вкусу не понимают! Заморское вино мы и сами, без них попробуем. Потешим душеньку!»

Проходя двором, остановился около высокой поленицы, стоявшей против главных ворот. Дрова здесь были сложены еще по приказу ротмистра. Если бы мятежные шайки вломилась на завод через главные ворота, они наткнулись бы на эту дровяную баррикаду, из-за которой их встретили бы выстрелами защитники завода. Агапыч подумал, что надо бы разбросать поленицу, нето, чего доброго, пугачевцы подумают, что она сложена здесь по его, Агапычеву, приказу. Но кто будет раскидывать?

Только под вечер завернул домой. Прилег на лавку отдохнуть минутку-другую и вспомнил, что не успел переговорить с капралом, чтобы часовые, когда завидят пугачевцев, его бы, Агапыча, предупредили, да не вздумали бы, упаси бог, стрелять по Емелькиным людям. Поднялся с лавки, но тело сковала усталость, а ноги дрожали от беготни. Снова лег, решив: «Отдохну чуток, тогда к капралу наведаюсь».

С этой мыслью незаметно заснул. Спал беспокойно, метался, бредил. Спорил во сне с капралом о пугачевцах:

— А какая надобность их отражать? С ними в ладу надо жить.

— Нет! — Капрал стукнул кулаком по столу. Грохот этого удара болью отозвался в ушах.

Дернулся испуганно, свалился с лавки на пол и проснулся.

Сидя на полу, повел удивленно глазами.

В лихорадочном нетерпении зашарил по лавке, отыскивая шапку. И вдруг замер, открыв рот, судорожно ловя воздух, как рыба на берегу. Тяжелый, давящий грохот, подобный тому, который разбудил его, опять больно ударил в уши.

— Что? Господи исусе!.. Никак? Ой, головушка моя разнесчастная!.. Так и есть, пушка! Палят!

Забыв о шапке и полушубке, в чем был выскочил во двор. На земляном валу с высоким деревянным частоколом, которым завод был обнесен истари от нападения башкир, Агапыч увидел старика-капрала. Окутанный пороховым

дымом, старик один копошился около большой пушки. Здесь же стоял ящик с ядрами и бочонок с порохом. Вбежав на вал, Агапыч крикнул:

— Чего полошишь без толку, крыса старая!

Капрал обиделся и рассердился:

— Без толку? Слухай-ка!..

Агапыч затаил дыхание. Из ближнего к заводу сосняка по заре звонко разносились скрип телег, людские голоса, конское ржание и топот многочисленных копыт.

— Чуешь?.. — спросил капрал. — Это они в сосняке сейчас спрятались. А когда тракт перешагнул, видел я: тьма-тьма, сила несусветная! Впереди конные ехали, за ними пехота валом валила, а потом обоз длиннющий!..

— Почему без приказа пальбу открыл? — злобно спросил Агапыч.

Без малейшего намека на всегдашнюю почтительность, презрительно и высокомерно ответил приказчику капрал:

— Эх ты, мешанин — холстинная шуба. У тебя столь мух на носу не сидело, сколь я пуль в своем теле ношу, а ты меня воинскому артикулу учишь. А кто мне приказать может, коль выше меня чином командиров на заводе нет? Ой, гляди-ка!

Из сосняка на опушку выплеснулась толпа конных и пеших, вперемежку. Над опушкой холодным и белым озером лежал густой туман. И казалось, что пугачевцы вброд переходят это озеро. Над волнами тумана видны были только головы и плечи пеших и безногие туловища коней с сидящими на них всадниками. Это было так необычно и страшно, что Агапыч побледнел и попятился. Часть пугачевцев, выйдя из тумана, поднялась на небольшой холм. Они тащили за собой пушку и начали устанавливать ее на вершине холма.

— Счас я их малость попужаю, — сказал без злобы капрал.

Он взялся обеими руками за прицельные стерженьки на лафете, но Агапыч закричал визгливо:

— Не смей!.. Тебе говорю, не смей!

— Без приказа от начальства не послушаюсь, — ответил независимо капрал.

— Да ты с меня живого голову снимаешь! — Агапыч лез на капрала с кулаками. — Брось, нето пришибу!

— Уйди с валу! — заорал капрал и, схватив банник¹, замахнулся на приказчика. — Здесь моя власть. Уйди, пока цел!

В этот момент с холма выстрелила пушка пугачевцев. Брандскугель, выплевывая огонь через три своих глазка, с воем пронесся над частоколом и шлепнулся в поленицу. Поленья брызгами взлетели высоко над землей.

Одновременно с пушечным выстрелом с холма раздалось одиночные ружейные выстрелы. Над валом засвистели пули, заверещали башкирские стрелы. Капрал вздрогнул и поднял левую руку. С нее капала кровь, в ладони торчала стрела. Капрал переломил ее и вырвал из ладони медный многозубый наконечник с обломком стрелы.

— Опять тебя, капрал, война нашла, — проворчал он, приложил тлеющий фитиль к затравке и быстро отскочил назад. Его пушка горласто рывкнула. Дым облаком окутал капрала. У Агапыча от страха подкосились ноги. Шлеп-

¹ Щетка для чистки ствола пушки.

нулся на спину и съехал с крутого вала на двор.

Поднявшись на ноги, вытащил из кармана большой ключ и побежал к главным воротам. Но на полдороге остановился, подумал и повернул решительно к дому.

Агапыч вспомнил, что не захватил хлеб-соль, приготовленные для встречи дорогих гостей.

* * *

— Вот так спят! — засмеялся Хлопуша, когда выпущенное капралом первое ядро упало в лесу. — Ишь, встречают.

— Ништо! — беззаботно ответил Чумак. И, обернувшись назад, к своим пушкарям, крикнул: — А ну, ребята, давай-ка сюда тетку Дарью.

Хлестнув коня, Чумак поскакал вперед. Его пушкари, перебирая руками спицы, потащили за ним «тетку Дарью», широкогорлую полевую пушку. За пушкарями поскакали Хлопуша и Жженный.

По указанию Чумака «тетку Дарью» установили на невысоком холме. Чумак сам навел ее и приложил к затравке фитиль. «Тетка» кашлянула так, что разбудила в горах эхо.

— Перенесло, — сказал Жженный.

Но Чумак, поймавший ухом разрыв брандскапеля, улыбнулся самодовольно.

— Балуетесь! Николи этого не бывало. Наша тетка без промаха бьет. Слышь, на завсде разорвалась.

«Тетке» ответила с вала заводская пушка. Ядро легло недалеко, спугнуло кучку конников, но без вреда для них.

— Годи, молодцы! — крикнул пушкарям Жженный, все время внимательно приглядывавший к заводским валам. — Годи, не стреляй. Там всего-то один человек мельтешит. Что за оказия? А ну-ка, Федор, езжай за мной. Разрешишь, господин полковник, разведку сделать?

Хлопуша согласно кивнул. Жженный и Чумак поскакали к заводу. Остановившись под валом и задрвав голову, Жженный крикнул:

— Кто есть живая душа, выгляяны!

В амбразуру рядом с пушечным стволом высунулась голова капрала.

— Чего надоть? Чего под нашими стенами трепака бьете?

— Это ты, дедка! — обрадовался знакомому Павел. — А ну, глянь на меня. Узнаешь?

Капрал долго из-под руки смотрел вниз. И вдруг заулыбался:

— Никак заводский наш, литейщик Павлушка Жженный?

— Я самый! Помнишь, на хуторах у жигарей меня ловил? Ловко я тогда тебя вокруг пальца округил?

— Был грех, — смущенно крикнул капрал. — Да ведь служба не дружба, не бабья ласка. Зачем кликал?

— Ты что там один, как не прикаянный, болтаешься? Сдавайся! Нечего зря порох травить.

— Без приказа не могу, — капрал упрямо затряс головой. — Ты, парень, разбудь мне какого ни на есть начальника, пушай прикажет, тогда и ворота настезь.

— Да ты, дедка, очумел! — захохотал Жженный. — Уж не самого ли хвельдмаршала Румянцева тебе раздобыть? Теперь наше, мужичье царство, и выше, нас начальников нету.

— Болтай зря! — рассердился капрал. — Тебе смешки, а меня потом за измену присяге шпицрутенами расфитиляют. На кой ляд сдалась

мне та присяга, а все ж шкуры своей и старых костей жаль. Не сладко, чай, и мне одному-то здесь. Все мои гарнизонные, верно, как крысы разбежались. Один вот остался. И со всех сторон меня с валу тащат. То Василь Агапыч, а то вот ты.

— Агапыч? Приказчик? — удивился Жженный. — Вот продажная лиса, переметнулся! Ну, годи, не поздоровится ему! Довольно от одного стана к другому метаться. А ты, дедка, перестань дурить. Отворяй ворота! Навоевался, чай, на своем веку. Хватит!

Капрал долго молчал, глядя в землю, насупя ежом торчавшие седые брови. И сказал решительно:

— Все же без приказа я ни-ни!. Отъехали бы вы, ребята, в сторонку. Я счас опять палить начну, не задеть бы случаем вас, — мирно и деловито закончил он.

— Вот старый гриб! — обозлясь, выругался Чумак и потянул из седельного кобура пистолет. — Помазали ему баре губы маслом блином, так он и крест забыл! Я его за послушание начальству в рай отправлю.

— Брось! — Жженный схватил его за руку. — Он не вредный дед, только упрямый шибко и службу строго блюдет. Не замай его, Чумак.

Повернувшись в сторону опушки, сложив руки трубой, Жженный крикнул:

— Ребятюшки-и!.. Шту-у-урм! На слом!..

Лавина тел — конные, пешие — оторвалась от пушки и понеслась к заводу. Конница неслась прямо по полям, увязая в сырой еще земле. Башкиры и киргизы скакали с саблями, поднятыми над головами, с ножами в зубах. Перед конной лавиной краснел Хлопушин чекмень. Хлопуша скакал, как истый степняк, поджимая ноги в стременах под брюхо своего горячего Орешка. Пешие побежали к заводу по тракту.

На крик Жженного ответили многоголосые крики, вопли, рев и отчаянные визги кочевников: — На слом!.. Ура!.. Наша берет!.. Ал-ла!.. На слом!..

Хлопуша первый подскочил к воротам, скатился с седла и брякнул рукоятью сабли в дубовые, обитые железом доски:

— Отворяй!.. Именем государя!

Ответом было молчание. Лавина атакующих докатилась до ворот и тоже остановилась. Жженный, обернувшись, крикнул:

— Робя, вон то бревно тащите! Ворота бить.

Но заскрипели вдруг протяжно и жалобно воротные петли. Оба тяжелых полотнища распахнулись настезь. В открытых воротах стоял одиноко Агапыч, склонив голову в низком поклоне, с хлебом-солью на вытянутых руках.

— Добро пожаловать, гости дорогие, — сладенько и умильно пропел приказчик. — Давно вас ожидаем. Благословен грядый во имя господне!

Хлопуша шагнул в ворота и протянул руки к хлебу-соли. Но откуда-то сбоку вывернулся неожиданно Жженный и ударил из-под низу по подносу ногой. Коврига хлеба и солонка отлетели далеко в сторону, поднос брякнулся о камни. Хлопуша удивленно и гневно повернулся к Жженному.

— Да ведь это он, — сказал Павел, — приказчик, главный наш зловерд!

А приказчик уже убежал в глубь двора, спотыкаясь о поленья, разбросанные пушечным выстрелом пугачевцев.

Победа

Теснясь, переругиваясь, крича надрывно, вливались в заводские ворота еще не остывшие от боевого неизрасходованного пыла рабочие, чердынцы, башкиры, киргизы.

С валов, празднуя победу, стреляли холостыми зарядами. В заводском поселке звонили жидко, но празднично, как на пасху. А в господском доме трещали двери, звенели разбитые стекла.

Корысти не было. Было лишь желание разнести вдребезги чужую, враждебную жизнь, чтобы не возродилось, не вернулось ненавистное прошлое. Лишь когда добрались до охотничьих комнат графа — радостно зашумели. Торопливо растаскивали дорожки ружья, пистолеты, кинжалы, рогатины. Это нужно, это понадобится, на остальное наплевать.

Сбросили с вышки подзорную трубу, вслед за ней отправили вниз прятавшегося там немца-камердинера.

— Колдун!.. Небо трубой дырявишь!

Заводские рабочие разгромили контору, вытащили на двор конторские бумаги и книги и подожгли. Плясали хороводом вокруг костра и радостно кричали:

— Горят наши долги!.. Горят наши недоимки!..

— Завод бы не спалили, — забеспокоился Хлопуша.

— Не бойсь! Не тронут, — Жженный светло улыбнулся. — Глянь, они, что колодники освобожденные, радуются. Сбросили с себя извечные кандалы.

И вдруг ударил себя по лбу.

— Батюшки! А про колодников-то я и забыл. Ребятюшки, кто со мной, заводских арестантов освобождать?

Хлопуша и Жженный в сопровождении полусотни людей направились на «стегальный двор». Против большой, но древней избы, в которой жили заводские солдаты-инвалиды, посередине широкого двора был врыт в землю невысокий и толстый столб. К нему привязывали для порки провинившихся рабочих. Столб этот на высоте человеческой спины был покрыт зловещими ржавыми пятнами — запекшейся кровью.

В дальнем конце двора темнела «камора» — заводская тюрьма, большая, почерневшая от древности землянка с толстым потолком из бревен. Камнями сбивали с дверей «каморы» пудовые замки. Остановились на краю глубокой ямы. Снизу несло пронзительной сыростью и тухлой вонью.

— Сибирным острогам не удаст, — хмуро усмехнувшись, сказал Хлопуша и покачал головой.

— В медвежьей берлоге веселее, — согласился Жженный.

Они спустились вниз по земляным стертым ступеням. Внизу было темно и мозгло, как в могиле. Ни одна щель не пропускала сюда ни луча дневного света, ни глотка свежего воздуха.

— Выходи, кто жив остался! — крикнул Хлопуша.

На сыром, загаженном нечистотами земляном полу кто-то завопил, вдохнул, но тотчас же все стихло. Лишь когда спустились вниз люди с факелами, с полу поднялись пятеро заключенных.

Двое из них были старики-засыпки, вместе с Жженным подававшие управителю жалобу. Они качались на подгибающихся ногах, как пьяные, и часто моргали слезящимися, отвыкшими от света глазами, Трое других были рудокопы, за отказ работать в руднике предназначенные к отправке на каторгу. Головы их были наполовину обриты «в посрамление и стыд». Все пятеро были закованы в «смыги», деревянные кандалы: левая нога была скована с правой рукой, а правая нога — с левой рукой.

Разглядев, наконец, красный Хлопушин чекмень и думая, что это сам Пугачев, заключенные упали ему в ноги:

— Батюшка-государь ты наш!.. За свободу спасибо!..

— Встаньте, ребятюшки. Не государь я, а только слуга его верный, такой же холоп, как и вы, — ласково сказал Хлопуша, затем приказал: — Колодки с них немедля сбить! Одежу выдать какую получше, накормить и напоить.

Когда отошли от «каморы», у Жженого вырвалось горячо:

— Эх, приказчика бы отыскать! Я бы с ним за всех рассчитался!

— Нашли уж, — откликнулся Чумак. — В церкви под престолом прятался.

— Судить его и остальных будем всем миром, — сказал строго Хлопуша. — Прикажи, Чумак, чтобы виновных перед царем-батюшкой согнали на литейный двор. Там и будет суд.

На шихтплаце, около домны, поставили для Хлопуши раззолоченное штофное кресло, то самое, в котором нежился когда-то у печки ротмистр Повидла. За спиной Хлопуши встали его есаулы — Жженный, Чумак, башкирин Шакир. Невдалеке от кресла поставили плаху — сосновый обрубок с воткнутым в него большим топором. Около плахи приводили к присяге новому царю Петру III.

Заводской поп с ширским, красно-лиловым от пьянства лицом, в засаленном на бровях подряснике и в лаптях, с перепугу держал в руках икону вниз головой. Работные, не замечая этого, кланялись Хлопуше, крестились, крепко прижимая пальцы ко лбу, и целовали перевернутую икону. В этом и заключалась присяга.

В очереди присягающих стояли заводские солдаты-инвалиды и верхяцкие гусары с распущенными по плечам пудреными волосами — в знак согласия стричься в казаки. Они сами пилили друг другу косы тесаками.

Лишь один старик-капрал не распустил волос и, по-видимому, не желал присягать. Он стоял угрюмый и злой в стороне, а белая пудренная мукой косичка его нелепо торчала из-под меховой шапки-ушанки.

— С него и начнем. — Хлопуша указал на капрала. — Эй, служба, подь-ка сюда поближе!

Капрал с рукой на перевязи подошел и встал против кресла, вытянувшись по-военному.

— Здорово, старый знакомец! — насмешливо поздоровался Хлопуша. — Ай не узнаешь?

— Не могу признать! — хрипло, но четко, словно рапортуя, ответил капрал.

— А помнишь на тракту караванного приказчика с Источенского завода? Помнишь, когда ты мертвяков из Чердыни вез?

Капрал ответил покорно:

— Что ж, что мертвяков. Прикажут, и мертвяков повезешь. Солдат должен выполнять приказ начальства столь быстро и столь точно, сколь можно, — назидательно закончил он.

— Слышу это от тебя не впервой. А как ты смел, смерд, стрелять из пушки по цареву войску? Как смел противиться воле его царского величества?

— Поступил по воинскому артикулу! — твердо ответил капрал. — Без приказа начальства не имел права объявить капитуляцию. Душой, может, и к вам лепился, а по воинскому артикулу открыл пальбу.

— Нечистый тебя разберет! Несешь и с Дона и с моря, — раздраженно буркнул Хлопуша.

Он долго и внимательно разглядывал капрала. Цыганские его глаза ощупывали старика с ног до головы. Капрал стоял спокойный, чуть грустный — каблуки вместе, носки врозь.

— Я тебя, старого хрыча, обучу воинскому артикулу! — крикнул вдруг Хлопуша, крепко стукнув ладонями по подлокотникам кресла, и вскопился: — Ложи голову на плаху! Ложи час же!

Колени капрала дрогнули. Он поднял руку и зачем-то разгладил седые усы. Потом четким военным шагом подошел к плахе и рухнул перед ней на колени, положив голову рядом с торчащим топором.

Хлопуша подошел, выдернул топор, невысоко подкинул его, примеривая к руке, и ногтем попробовал — остер ли.

— Шапку сними, — сказал он капралу. — И на тот свет в шапке собрался идти?

Капрал покорно снял шапку и, забыв ее в руке, снова положил голову на плаху.

Хлопуша поймал рукой кончик капральной косы и потянул ее на себя, заставив капрала лечь щекой на плаху. Взблеснул топор и опустился с такой силой, что зазвенел, уйдя глубоко в дерево плахи.

Толпа ахнула тяжело, единой грудью.

Хлопуша медленно поднял левую руку. В ней зажата была отрубленная капралова коса.

По толпе покатился радостный и веселый хохот.

— Обкарнали капрала!..

— Хвост под репицу обрубил!.. Куцый капрал стал!..

А капрал, не слыша хохота и криков, лежал головой на плахе.

— Встань! — приказал ему Хлопуша.

Старик поднялся, пепельный от испуга, но по-прежнему спокойный. Он еще чувствовал на затылке холодное прикосновение топора. Но разве мало раз смотрел старый капрал смерти в глаза? Он поднял руку к шее, лоя косу. Но ее не было. Коса была отрублена на удивление ловко — под самый затылок. И, поежившись от холода в непривычно голом затылке, старик вдруг засмеялся:

— Ловко сбрил! Ай да царский полковник! Рука у тебя верная и меткая, ничего не скажешь.

— Жалеешь, чай, свою косу?

— А чего ее жалеть? Букля не пуля, коса не тесак.

— Наш батюшка-царь не любит долгих волос. Это бабам только носить. — Хлопуша бросил к ногам капрала его отрубленную косу. — И выходит, старый хрыч, что я сам тебя в вольные казаки поверстал. Отвечай: будешь царю верой-правдой служить?

Капрал посмотрел на косу, валявшуюся у его ног, отодвинул ее носком сапога и сказал весело, с молодым задором:

— Освободил ты меня от моей присяги.

Расстриг из царицыных капралов. Ладно, коли так, куда мир, туда и я. Рад ему, государю, послужить!

— Служи верно и не пожалеешь. У нашего надежи-государя простому капралу не диво и до генерала, а то и хвельдмаршала дослужиться. Вот так-то! Ступай, служба.

Старик сделал лихо поворот налево и зашагал к иконе, принимать новую присягу.

Хлопуша снова сел в кресло и, указывая на Агапыча, сказал:

— Теперь давай того зловреда.

Державшие Агапыча работные дали ему тычок в шею, он побежал и повалился в ноги Хлопуше.

— Я тебе, сукин сын, не икона, чтоб на колени передо мной становиться, — бросил зло пугачевский полковник и заговорил медленно и тихо:

— Дознались мы от твоего пронырца и ушника Петьки Толоконникова, что ты, подлюга, против государева дела злоумышлял, письма мои управителю передавал, верного царева слугу, моего есаула Павлуху Жженого убить хотел и подбил управителя вытребовать солдат на завод. Правда, аль нет? Отвечай всему миру!

Обычно глухой, чуть шепелявый голос Хлопуши сейчас гремел на весь шихтплац. Его слышали в самых последних рядах.

Агапыч молчал, опустив глаза в землю.

— Что, аль язык отсох? — Хлопуша наклонился низко к нему. — Ну, ухвостье барское, за дела свои какой награды ждешь?

Приказчик поднял голову. Колючие его глазки налились мутью, словно от внезапного хмеля. Он повел ими по толпе, вымаливая хоть одно слово участия, защиты, оправдания. Но люди угрюмо молчали, и в молчании этом приказчик разгадал тяжелую и холодную злобу. Он снова опустил голову, хотел что-то сказать, но ставшие непослушными губы и язык не смогли сбросить ни слова.

Хлопуша откинулся на спинку кресла. Посушил задумчиво пальцами кончик бороды и вдруг решительно вскинул голову.

— В куль с камнями его да в Белую! Водяному в гости!

Агапыч вскопился. Он вообразил черную, как деготь, ледяную зимнюю воду реки и, вскрикнув дико, побежал. Но тотчас запутался в долгополом своем кафтане и упал. Никто еще не притронулся к нему, а он уже закричал. Он сипло выл, рвал на себе волосы, катался по земле. Он был страшен, жалок и отвратителен. В рот ему сунули кляп и, подхватив под мышки, поволокли. Толпа расступилась и, снова сжавшись, встала живой стеной.

— Так-то вот, зловред, — Хлопуша засмеялся. — Ну, вечная тебе память, злодею! Тебе тлеть-гнить, а нам радоваться и жить!

Он повел ищуще глазами и, отыскав колесное лицо Шемберга, поманил его пальцем.

— Подь-ка сюда, баринок. Стань ближе. Твой черед.

Но управитель не шелохнулся. От страха он наполовину потерял сознание. Его вытолкнули кулаками в спину.

Вместе с Шембергом отделился из толпы молодой парень, ровщик. На нем была только длинная, ниже колен, посконная рубаха да остроконечный суконный колпак с собачьими отворотами.

Парень поклонился Хлопуше в пояс.
— Сударь-полковник, дозвожь с управителя полушубок снять. На управителя да на графа так робил, что в копи последние портки порвал. Холодно, чай, в одной-то рубаше. Дозвожь, дядь Хлопуша,—запросто закончил рудокоп.

— Дозволяю.— Хлопуша улыбнулся.— Сдирай с него одежу, провора.

Парень рванул нетерпеливо за рукава, вытряхивая из полушубка непослушное, отяжелевшее тело управителя. Из-за пазухи его вывалился при этом сверток и с металлическим лягзом ударился о землю. Управитель вздрогнул всем телом не то от этого лягза, не то от холода, проползшего под кафтан.

— Что это? — Хлопуша потянулся к свертку. Он развернул холстину, развернул большую

кожаную кису. Засверкали крупные золотые самородки, вкрадчиво зазвенели золотые монеты, ласково и тихо засияли камни-самоцветы. Хлопуша высыпал содержимое кисы в свою казачью шапку и поднял ее высоко над головой. Он крикнул гулко и повелительно, словно скомандовал:

— Люди, смотрите и слушайте! Вот где ваши слезы, кровь и пот ваши! В управительской пазухе!

— Точно! — закричали в толпе.— Это наша казна, нашим горбом добыта!.. Возьми, полковник, и отвези батюшке-царю! Жертвуем на святое дело!

— Тут еще лошадь выючная управительская есть,— сказал Хлопуше Жженный.— Во выюках, чаю, тоже добра нахапанного немало.



— Пори выюки! Поглядим, что там,— приказал Хлопуша.

Выюки, не снимая с лошади, полосули ножами, и на землю вывалились звериные шкурки. Горячим пламенем вспыхнула лиса-огневка, холодно забелели горностаи рядом с черными сереброспинными соболями и куницей-желтодушкой.

— Ох, и богат же наш Урал-батюшка! — покачал ошеломленно головой Хлопуша.

— Ты вот куда гляди, полковник! Это ты видишь? — крикнул отчаянно старик-литейщик и выдернул из вороха мехов шкурку бледно-голубую, как утренние тени в снежном лесу. Старик нежно погладил ее вздрагивающей рукой. — Белая лисица, князек! Целую деревню на ее купить можно.

— Так и бери ее себе, дед! Чай, заслужил сего князька за всю каторжну свою работу! — накинуд Хлопуша шкурку на шею старика. Затем сгреб в охапку меха и швырнул их в толпу: — Это ваши кровные копейки! Держи! Дуваны!

Когда смолк веселый шум, Хлопуша встал рядом с управителем и снова закричал:

— Люди работные, слушайте! Не мне его судить, перед вами он обвиноватился. Отвечайте, пекся ли он об вас?

Громовыми взрывами то в одном конце двора, то в другом взметнулись крики:

— Пекся, неча сказать!.. Нам с ним не жизнь была, а беда-бедовенная!

— Для нас у него — дым да копоть, да нечего лопать!..

— Порол ли он вас? — продолжал Хлопуша.

— Порол нещадно!

— Опосля его дранья иных в бараньи шкуры завертывали, а то б сдохли!..

— На работе морил?

— Мором морил!..

— От тягот его многие руки на себя наложили!..

— Не только тело — душу сгубили!..

— Жалованье затаивал?

— Затаивал!.. Каждую заробленную копейку пополам ломал... Половину себе, половину нам!..

Хлопуша обернулся к Шембергу.

— Слышал? Не я, они тебя судили.

— В петлю его! — кричали работные, показывая на господское крыльцо, где из конских оборотей была уже приготовлена виселица.

— Нет, детушки, — Хлопуша покачал головой. — Я другое надумал.

Люди смолкли, с нетерпеливым ожиданием глядя на Хлопушу. А он сказал, улыбаясь в бороду:

— Надобно с завода его выгнать.

Передние недовольно нахмурились, а сзади поплыл озлобленный ропот, крики:

— Поди ты к чомору, надумал тоже!..

— Аль стакнулся с барином?..

— Чего немца выгораживаешь?..

— В петлю управителя!..

— В Белую его, пуцай приказчика догоняет!..

Хлопуша, упершись кулаками в бока, беззастенчиво хохотал.

— Это я-то стакнулся с барином? Вы тоже хорошо надумали, детушки-проворы!

А затем голос Хлопуши резко, как кнутом, рассек нарастающий гул толпы:

— Досказать дайте! Не просто прогнать управителя — уходи, мол, куда хочешь, а собак

на него натравить, собаками выгнать. Сам, как пес цепной, на людишек кидался, пуцай теперь на своей шкуре собачьи зубы испытает. Коли уйдет от псов — его счастье, зато памятка на всю жизнь будет. А загрызут — нам печаль какая? Гоже ли, ребятушки?

— Гоже!.. Гоже!.. — дружно заголосила толпа.

И тотчас по двору разнеслись призывные свисты и крики людей, созывавших собак. Страшные «зверовые» псы башкиров и злые, худые «тазы» — овчарки киргизов, мужицкие сторожухи понеслись со всех ног к своим хозяевам.

— Беги, барин! — сказал Хлопуша управителю. — Коли жив быть хочешь, уноси ноги!

Шемберг вздохнул, подтянул штаны и побежал, лениво и тяжело, как сытый, разевшийся бык.

Хлопуша первый крикнул:

— Ату его!

И тотчас же взвыл весь двор:

— Ату-у-у!.. Бери-и-и!.. Втюзы-ы!..

Псы не понимали, чего от них хотят, на кого их натравливают, но они уже свирепели, яростно



драли землю задними ногами, рычали захлебываясь. Первой кинулась злая хрипучая шавка. Она кубарем подкатилась под ноги управителю и вцепилась в толстую его икру, Шемберг взбрыкнул ногами и понесся с мальчишеской легкостью. Но тут навалилась вся стая.

Орава псов с яростным лаем закипела вокруг него, взвиваясь к самой голове, падая, на лету, перевертываясь и снова кидаясь. Заплескивалась разорванная пола кафтана, а бархат панталон висел ключьями. Собаки хрипло выли от злобы, а вслед воплем неслось еще более страшное, злобно-веселое:

— Ату-у-у!.. Бери-и-и!..

Почти у ворот Шемберг быстрым неувлимым движением на бегу поднял тяжелый камень и опустил его на голову особенно свирепого волкодава. Пес захрипел и в судорогах повалился на землю. Увидев это, стоявший у ворот рабочий огрел Шемберга по спине тяжелой дубинкой. Управитель упал. Стая наслас на него и прикрыла разношерстным клубком.

— Не смей трогать! — закричал Хлопуша. — Рук об его не марать! Пуцдай псы разделяются!

Рабочий испугался, бросил дубину и убежал.

Собаки рычали, выли, наваливаясь друг на друга. Но вот в середине собачьего клубка что-то заворочалось. Видно было, как Шемберг встал на четвереньки, потом, качаясь под тяжестью прицепившихся собак, поднялся на ноги. Искусанный, в лохмотьях кафтана, прижавшись спиной к воротному стояку, он ногами отбивал яростные атаки. И вдруг увидел брошенную дубину. Метнулся к ней, стремительностью движения напугав собак, схватил, двумя ударами разорвал замкнувшийся круг животных и скрылся за воротами. Большинство собак отстало. Они сразу смолкли и деловито побежали назад.

— Ловок бес! Отобьется, видать, — сказал Хлопуша. — Да и собаки наши человека травить непривычны.

— Это только баре на людей собак ловко натаскивают, — откликнулся хмуро Федор Чумак.

— Что, аль на своей шкуре испытал? — Хлопуша устало улыбнулся.

...После Шемберга судили доменного мастера, того самого, который утром в день завороти хотел избить на домне Жженого. Жалобу на мастера подали Хлопуше доменные рабочие. Хлопуша сказал ему:

— Сам ты из рабочих вышел, а своего же брата бил, утеснял, в колодки сажал. Не нашего ты леса пенек, и нет тебе ни места, ни доли у нас.

Мастера отодрали плеткой-шестихвосткой на «стегальном дворе» и с позором, вымазав дегтем, вываляв в перьях, выгнали с завода. Богатый его дом в поселке был сожжен.

Когда было покончено и с мастером, Хлопуша обратился к своим есаулам:

— Ну, вишь, с крупными злодеями мы разделались. А с мелюзгой, с кровососами, рядчиками, взяточниками, конторщиками иль мордобойцами-уставщиками рабочие сами разделаются. А теперь, господа есаулы, должны мы сему заводу, подведенному под высокую руку царя Петра, дать власть крепкую и праведную.

Хлопуша взобрался на кресло с ногами и, поддерживаемый со всех сторон есаулами, обратился к толпе с короткой речью:

— Люди рабочие, и вы, приписанные к заводу пахотные мужики, еще в остатний раз слушайте меня!.. Изволением и милостью великого нашего государя анпиратора Петра Федоровича избавлены вы от вечной кабалы. Пресветлый наш батюшка-царь жалует вас землею, покосами, лесами, реками, озерами, а за работу на заводских фабриках жалует денежным жалованием и провиантом. А еще жалует он вас вечной волею и свободой! С сего дня и до окончания века, пока белый свет стоит, будете жить вы вольно, и никто у вас волю отнять не мочен!..

Терпеливо и благодарно молчавшая толпа разразилась ликующими бурными криками. Полетели кверху шапки. Люди обнимались, целовались с друг другом. Хлопуша, с трудом удерживая равновесие на пружинящем кресле, размахивая руками, надрывался в криках и сам при этом весело смеялся.

— Слушайте далее!.. Да тише вы, галманы!.. Вот чистые жеребцы! Взбесились от радости!

Есаулы кое-как восстановили тишину, и Хлопуша продолжал:

— Отныне будете вы жить вольно, по древнему казацкому обычаю. А посему должны вы выбрать себе атамана и есаула. Кого прочите в заводские атаманы, а кого в есаулы? Отвечайте!

Толпа ответила дружно:

— Павлуху атаманом!.. Жженого!.. Есаулом Федьку Чумака, кричного!..

Хлопуша взмахнул отчаянно шапкой, закричал надрывно, из последних сил:

— Детушки, люб ли вам атаман Павлуха Жженный?.. Люб ли вам есаул Федька Чумак?..

— Любы!.. Оба любы!.. — загремела толпа.

Хлопуша спрыгнул с кресла и подтолкнул к нему Жженого. Поднявшись на штофное сиденье, Павел снял шапку и поклонился на все четыре стороны. Сказал негромко, волнуясь:

— Быть мне, братья, по вашему слову, в службе истинному мужицкому государю и в вашей службе. Атаманить буду по правде и по совести. Обещаюсь и клянусь: другу не дружить, недругу не мстить и с вами, братья, совет держать...

Кончить Павлу не дали. Снова взлетели шапки, загремели крики:

— Ура-а атаману!.. Любо!.. Любо!..

Павел спрыгнул с кресла и почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, увидел Хлопушу. Он ласково и добро улыбался.

— Хорошо сказал, Павлуха! Как сказал, так и делай! А теперь, молодой атаман, пойдём-кось на вал. Там не людно. Слово к тебе есть...

* * *

Надтреснутый басок Хлопуши выводил с грустной удалью:

Эх, когда бы нам, братцы,
Учинилась воля,
Мы б себе не взяли
Ни земли, ни поля.

Опершись о частокол, Жженный смотрел задумчиво вниз, на литейный двор.

Шихтплац походил на многолюдный и веселый базар. Он был тесно заставлен телегами, повозками, холщовыми палатками, рогожными навесами, киргизскими и башкирскими кошонными юртами. Ржали кози, мычали волы, ревели верблюды. И плыли оттуда мирные запахи сена, навоза, дегтя, дыма костров.

На кострах закипали котлы с кашей, щербой, с похлебками из баранины, воловины, конины. Из неясного гула людских голосов вырывались звонкие переборы балалайки, визг башкирского кобыза, тугие звоны киргизской домбры. Кочевничья песня тянулась, раскручивалась и снова тянулась все выше и выше и качалась, как струйка дыма над степным костром. А выбитые окна господского дома выплеснули хоровую песню, старинную песню, в которой и жалоба, и смертная мужицкая тоска:

Черный ворон воду пил,
Воду пил.
Он испил, возмутил,
Возмутил...

Хлопуша оборвал свою песню и глубоко вздохнул. Павел, не меняя позы, перевел на него взгляд.

— Я, провора, завтра двинусь дале,— заговорил Хлопуша.— Теперь прямо под Ренбург пойду, царевым полкам пушки и прочий снаряд повезу. А ты здесь, на заводе, пушки, мортиры, ядра лей и пересылай с оказией под Ренбург, в Берду, в главную нашу квартиру. Я тебе охрану оставлю, а ты, кроме того, огородись рогатками, частокол поднови, кулями с песком обложись. Держи ухо востро! Спи одним глазом! Не зевай — дураков-то и в церкви бьют.

— Дядя Хлопуша, дозвожь сказать,— робко перебил его Жженный.

— Ну? — Хлопуша недовольно свел брови над переносьем.— Чего еще у тебя там?

— Без охотки я здесь остаюсь,— по-прежнему несмело сказал Павел.— В бой мне хочется. Дядя Хлопуша, возьми меня с собой.

Хлопуша еще туже свел брови, засопел недовольно и вдруг засмеялся.

— Чего ты? — уныло удивился Жженный.

— Вспомнил я,— тихо и ласково продолжал Хлопуша,— вспомнил челяпигу, воробыша глупого, того, что на дороге. Также так вот просился: «Дядь Хлопуша, возьми-и...»

Он обнял с нежностью Павла за плечи.

— И мне, провора, с тобой неохота расставаться. Полюбил я тебя, ухарь-парень ты, и душа у тебя прямая. А для дела надо... На кого завод оставляю? Ну? На кого? От этого дела тебе не отпяться. Поработай на мирской пай. Прймай сей груз на свой хребет, авось не переломится.

Павел молчал. Хлопуша отошел от него и сел на пушечный лафет.

— Дале слушай! И запомни крепко! Работных людишек ты всячески береги. Пускай владеют они землями, лесами, сенокосами, рыбалками без покупки и без оброка. Башкирцев в их улусах тоже всячески защищай, николи их не обижай. Они первеющие наши друзья и помощники. Царицын хомут им тоже холку до крови растер. Им иной раз горше нашего достается.

Хлопуша помолчал и заговорил теперь строго и сурово:

— Вожжи, однако, не распускай! Нещадно тех наказывай, кто в самовольстве, озорстве и непослушании замечен будет. Дело, Павлуха, наше великое. Святое дело! Ежели бы собрать все слезы, что выплакал наш брат холоп, всколыхнется сине море и утонут в нем наши злодеи, утеснители, баре да заводчики. За такое дело ни поту, ни крови, ни даже жизни своей не жаль. Гляди, вон оно, наше мужицкое сермяжное воинство!..

Табор не уместился на литейном дворе, вышел за заводские валы. Бесчисленные костры опоясали завод огненным кольцом.

Костры горели, начиная с берегов реки, и поднимались все выше и выше по уступам гор до самых вершин. У костров на берегу Белой можно было разглядеть черные тени людей, на склонах гор бушующее пламя освещало черные, как сажа, стволы деревьев. Выше, на горах, костры трепетали светлыми пятнами.

— Видишь, всколыхнулся холопский мир! Смерд восстал! И неужели мы Русь-матушку не обращаем, неужели Москву да Питер — гнездо царицыно — на слом не возьмем?.. А теперь прощай, провора! Может быть... навсегда.

Хлопуша снова обнял Жженного за плечи и потянул к себе. Павел тоже крепко обнял его и поцеловал в сухие горячие губы.

Буран

Смеркалось. Жженный стоял на заводском валу, на том месте, где он вчера прощался с Хлопушей. Смотрел грустно, как за гребнем Баштыма одна за другой исчезали телеги Хлопушина обоза. Вот последние втягиваются на взлобок. Уже не слышно многоголосых криков.

Сзади Жженного, стуча мерзлыми валенками, переминался с ноги на ногу старик-капрал. Нос его от холода стал сизым, и капрал то и дело тер его. Старик сдвинул на затылок шапку, и Жженный увидел, что волосы его по-казачьему подрублены в кружок и спущены до половины лба. Павел улыбнулся.

— Совсем, дедка, казаком заделался? Ну, послужи новому царю?

Старик подумал, вытщил тавлинку, зарядил нос и ответил готовно:

— Двум царицам да одному царю служил, а нашему мужицкому государю как же не потрудиться? Своя, сынок, ноша не таяет.

Павел повернулся и посмотрел на завод.

Завод гремел, визжал сверлильными станками, а на горы, на тайгу опускались сумеречное спокойствие и тишина. Звенящая от заморозков земля ждала крепкого, настоящего снега. И небольшое облако, наползавшее с востока, вдруг разрослось в пухлую снеговую тучу. Перетаскивая через сырты отвисшее свое брюхо, туча напоролась на острую вершину Баштыма и просыпалась снегом, сухим и мелким, как соль.

Пришел первый зимний буран.

Здесь, внизу, было еще тихо, лишь начала повсвистывать, кидаться серебристой снежной пылью порывистая поземка. А на вершинах буран кипел, вскидывался белым дымом. Туча сползла с Баштыма и повисла над заводом.

Тотчас побелели склоны гор, дороги, берега реки, только сама река, еще не застывшая, шла черная, как вар, и по ней плыли лебедями первые льдинки. Снег убелил и заводский поселок, гнилой и грязный,

И, как всегда бывает после первого снега, земля казалась особенно чистой, свежей. И Павлу верилось, что пришедший буран очистит землю от гнили и грязи, страданий и горя. А капрал, ежеминутно сморкаясь, шмыгая презрительным носом, ворчал:

— Буран идет. Надо приказать в колокол звонить. В буран многие с пути сбиваются...

ВНИМАНИЕ! СЛЕДОПЫТСКАЯ ИГРА!



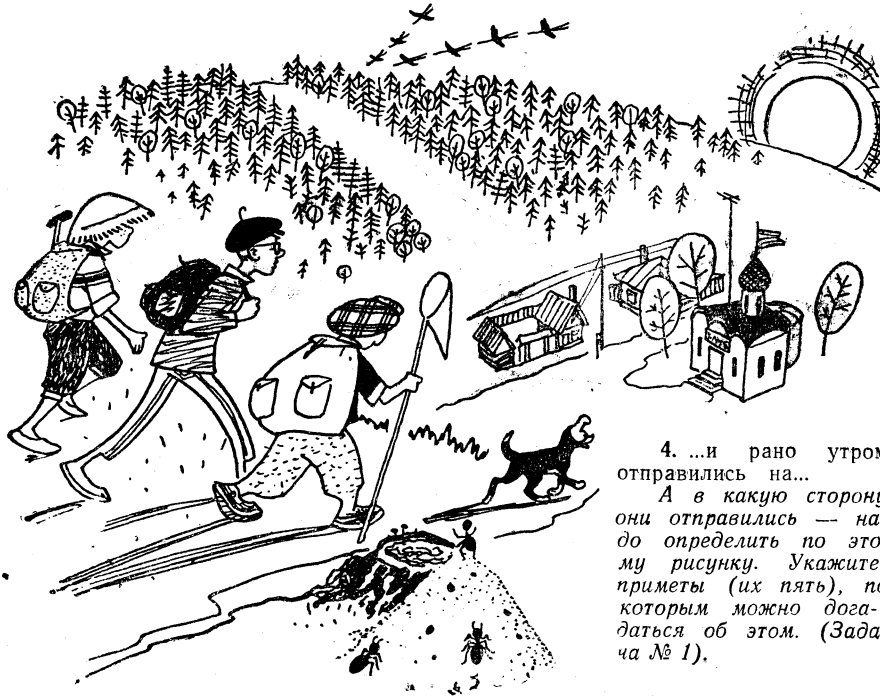
Многие читатели в своих письмах предлагают провести на страницах журнала какую-нибудь игру-конкурс на решение задач и головоломок. Идя навстречу этим пожеланиям, мы начинаем новую игру «Следопыта» — ДЕКАЛОГ. В переводе с греческого это означает — десять слов (заповедей, изречений, условий). Участникам игры-конкурса предстоит решить десять задач, которые будут даны в двух номерах журнала. Победители игры получат памятные сувениры.



1. Три закадычных друга — Сеня Сенькин, Тиша Тренькин и Боря Бренькин задумали отправиться в путешествие. Поскольку был еще четвертый участник путешествия — верный спутник друзей пес Вангур — отряд присвоил себе имя «Декапод», что значит — «Десять ног».

2. Собрали все, что полагается для путешествия, в рюкзаки, оделись соответственно обстоятельствам, но...

3. ...но в последний момент вспомнили, что забыли решить один немаловажный вопрос: куда идти. Достав карту, долго спорили над ней. Один говорил, что нужно пойти на север, другой утверждал, что на юг, третий кричал, что кроме как на восток он никуда не пойдет. По недовольному твяканью Вангура можно было заключить, что он не согласен ни с тем, ни с другим и ни с третьим и, следовательно, предпочитает запад. Наконец, бросили жребий и...



4. ...и рано утром отправились на...

А в какую сторону они отправились — надо определить по этому рисунку. Укажите приметы (их пять), по которым можно догадаться об этом. (Задача № 1).

ВНИМАНИЕ! СЛЕДОПЫТСКАЯ ИГРА!

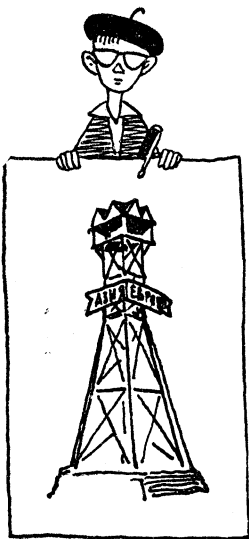


5. В пути каждый занимался своим делом: Сеня собирал минералы, Тиша осматривал исторические памятники, Боря ловил бабочек и жуков, а Вангур изучал фауну, то есть гонялся за мелкими зверушками.

6. Настало время подсчитать трофеи.
— Я нашел три минерала, — сказал Сеня. — Один из них назван в честь нашего знаменитого земляка, академика. Другой носит имя города в Челябинской области. Третий сам дал имя населенному пункту, расположенному в 22 км от города Каменска-Уральского. И все они начинаются на одну и ту же букву. (Задача № 2).
— А у меня в коробке 8 пауков и жуков, — отчитался Боря, — сколько тех и других — не помню. Знаю только, что всего 54 ноги. (Задача № 3).

— А у тебя что? — спросили Тишу.

8. А Вангур, не сумев поймать ни одного зверя, решил искупить свою неудачу тем, что принес письмо, подобранное им на дороге. Правда, он прокусил его в нескольких местах и поэтому некоторые слова прочесть было невозможно. Вот это письмо:
(Задача № 5).



7. — А я зарисовал вот этот памятный столб «Европа—Азия». Но мне нужно еще определить, вблизи какого населенного пункта он стоит, когда построен и какая здесь высота над уровнем моря. (Задача № 4).

Дорогой Валерка! Я уехал погостить к дяде Пете в город. Это очень интересный город. Он основан в 1773 у подножья горы на реке. Здесь живописные окрестности. Особенно красива гора, что в переводе значит «подставка луны». Ее высота м. Местный завод издавна славился материалами — ульвицами. Здесь, например, работал знаменитый Шванко-Крошлатко, настоящая фамилия которого. На центральной площади города стоит памятник выдающемуся русскому инженеру. Когда познакомились с городами поближе, напиши еще. Жму руку.
Привет ребятам. Игорь.



За полный ответ на задачу № 1 засчитывается 5 очков. За задачу № 2 — 3 очка. За задачу № 3 — 1 очко. За задачу № 4 — 3 очка. За задачу № 5 — 8 очков.

ДВА МИРА В ЗЕРКАЛЕ ФАНТАСТИКИ



Респектабельный джентльмен, появившийся в кабинете президента фирмы, ведет себя в высшей степени странно. С каким завидным спокойствием выполняет он самые, казалось бы, нелепые приказания! Он без пререканий лезет под стол, дает ощупать себя и даже отвинчивает собственную голову...

Так начинается рассказ «Преимущество живых», вошедший в сборник молодых фантастов Михаила и Ларисы Немченко¹.

Читатель, вероятно, уже догадался, что основной персонаж рассказа — электронный робот. По прихоти судьбы ему уготовано стать... сенатором. И он успешно справляется со своими обязанностями, ибо обладает целым рядом несомненных «достоинств»: отлично играет в гольф, произносит эффектные речи, умеет внести законопроект, а главное — безгранично предан интересам изготовившей его фирмы.

Динамично и выразительно написанный, рассказ достигает своей цели, — в нем едко высмеяна продажность буржуазных «вершителей судеб нации».

В другом рассказе — «Н. М.» — электронную технику с успехом использует полиция одной из стран «свободного» западного мира. В затылок каждого обитателя страны вмонтирован миниатюрный полупроводниковый передатчик. Вмонтирован тайно, при помощи наркотика во время стрижки. Мощная электронная установка, связан-

ная со всеми передатчиками, мгновенно расшифровывает поступающие в нее импульсы человеческого мозга. И вот — Министерство Федерального Спокойствия неоступно следит за «политической окраской» своих подданных, в зародыше искореняя «крамольные» мысли.

Насколько же изжил себя, насколько обветшал этот «свободный» мир, если единство нации — и даже не единство, а лишь видимость его, — удается сохранять только такими заведомо искусственными мерами!

Но ведь это — фантастика, ведь никто еще не прибегал к таким мерам! — заметит придирчивый читатель.

Да, электронная система «Наставник Мысли» существует пока только в фантастике. Но кто поручится за то, что эта фантастика не станет самой настоящей реальностью уже в ближайшие годы? Ведь развитие биоэлектроники идет поистине семимильными шагами. И разве в заокеанской цитадели капитализма, кичащейся своей демократией, не существуют уже сейчас «детекторы лжи» — электронные установки, созданные специально для проверки лояльности граждан страны «истинной» демократии?

Эта достоверность, жизненная обоснованность фантастики — отличное свойство рассказов М. и Л. Немченко. И, что особенно отраднo, не покидает оно произведения молодых авторов и тогда, когда от тем чисто «земных» они переходят к темам космического плана.

Одна из них — какой будет встреча землян с братьями по Разуму? Чем она обернется для тех и других? Можно не сомневаться, что представители действительно свободного общества придут к этой встрече с чистой душой и открытым сердцем, — так и обстоит дело в рассказе «Земля ювов».

Но если одна из сторон будет представлять общество, еще не покончившее с эксплуатацией человека человеком?

Передавая историю вернувшихся на свою родину прямых потомков североамериканских индейцев, некогда увезенных с нашей планеты пришельцами из другого звездного мира (рассказ, давший название сборнику), повествуя об экспедиции на Венеру, в состав которой под видом геолога проник матерый проповедник-иезуит, задумавший окрестить доверчивых первобытных венантропов («Случай на полуострове Маяковского»), прямо сталкивая с пришельцами из космоса представителей двух общественно-политических систем Земли (рассказ «Пари»), авторы показывают, что и в этих исключительных случаях капитализм остается верен себе, своему авантюризму, своему стремлению подчинить, подавить все, что только попадает в сферу его влияния и власти.

И это не просто домысел авторов. В зарубежной печати уже сейчас всерьез обсуждаются вопросы предстоящей колонизации (а колонизация, как известно, означает захват и ограбление) Луны, Венеры и прочих небесных тел. И уже имела место в тех же Соединенных Штатах широко рекламировавшаяся продажа участков лунной поверхности.

Заостряя, гиперболизируя факты, взятые из действительности капиталистического мира, М. и Л. Немченко как бы проецируют их в будущее. Вот как будут использованы капиталистами высочайшие достижения электроники, вот что последует за выходом капитализма в космос, — предупреждают фантасты. И это придает книге остро современное звучание.

Не все рассказы сборника одинаково удачны.

Неровно написан, например, рассказ, открывающий сборник. Вторую половину его, изображающую жизнь «летающих к братьям» на планете «кземмов», просто распирает от обилия всевозможных подробностей, зачастую надуманных и вообще ненужных. В рассказе «Пари» кажется искусственной его завязка — заключение пари между советским и американским фантастами. Произошло это потому, что самый спор их передан общим и невыразительным, «газетным» языком. А в рассказе «Там, за Плутоном» неожиданно пусует авторская фантазия, на смену ей появляется традиционная недоговоренность: читателю так и остается неизвестным, какие же тайны скрывал в себе чужой звездолет, обнаруженный в окрестностях Плутона земными космонавтами.

Впрочем, не о просчетах авторов хочется говорить, когда перелистываешь сборник.

Книга «Летящие к братьям» представляет собой отличную фантастику на злободневные вопросы современности. Написанная живо и увлекательно, она прочно займет свое место в ряду других произведений нашей научной фантастики и на книжных полках всех, кто влюблен в этот жанр.

¹ Немченко М. и Л. «Летящие к братьям». Свердловск, Средне-Уральское Книжки. Издательство, 1964 (Уральская 6-ка путешествий, приключений и фантастики). 132 стр.



ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ

Тайга наша пищей богата. Тут и ягоды, и грибы, и рыба в речках, и дичь всякая. Но бывает и в лесу голодная пора, когда человеку без продуктов приходится туго.

Глубокие снега укрыли землю. Узорчатым куржаком одеты ветви берез. Мороз под сорок градусов. Тишина. В такую пору добыть пищу нелегко. Вся надежда на меткий выстрел. Ну, а если и дичи нет? Положение тяжелое, но не безнадежное.

Прежде всего следует взять за правило: в пути регулярно делать привалы, разводить жаркий костер и, если даже совсем нечего есть, пить хотя бы горячую воду.

Вспомните о ягодах. Не все спрятаны под снегом. Пройдите вдоль берега реки. На ветвях кустарников сохранились гроздья калины, рябины, а иногда и черемухи. Это уже пища. Лучше всего ягоды есть не мерзлыми, а запарить в кипятке. Не слишком злоупотребляйте рябиной — может заболеть желудок. Когда нет дичи — глухарей, тетеревов, рябчиков, приходится стрелять других птиц. В зимней тайге их немного — сойки, кедровки, дятлы, клесты, синицы. Все они в какой-то мере съедобны, — ведь речь идет о настоящем голоде, когда маленький кусочек мяса может поддержать силы человека и помочь ему добраться до жилья. Для того чтобы добыть кедровку или сойку, нет необходимости гоняться за ними по лесу, подкрадываться, тратить силы. Это ужасно любопытные птицы. Как правило, они первыми замечают человека и подают свой не очень приятный голос. Тогда нужно замереть на месте и ждать, когда сойка или кедровка сама подлетит на выстрел.

Во время гражданской войны отряд верхоурских рабочих шел на помощь самарским

большевикам. Труден и далек путь от Верхотурья до Самарова (ныне Ханты-Мансийск) через тайгу и болота. Некогда было останавливаться в поисках дичи, а продовольствие кончилось. И тогда бойцы стали питаться мясом кедровок. Вышел отряд к Иртышу в полном составе, никто не умер.

Бывает и летом в тайге голодная пора, вернее, в самом начале лета. Июнь. После шумных весенних токов забились в крепи на линьку глухари и тетерева. Их самки сидят на яйцах. Не слышно утинового криканья на озерах. Вода в реках еще мутная, и рыба на удочку не берет. Нет в лесу ни грибов, ни ягод. Конечно, не сравнить это время с зимней стужей, а все же прокормиться трудно.

Посмотрим, не осталось ли чего-нибудь от прошлогоднего урожая? Оказывается, осталось. На моховых болотах, среди свежей травы алыми бусинами залегли в зеленых мхах крупные ягоды перезимовавшей клюквы. Приглядитесь внимательней. Их здесь очень много. Пятнадцать минут работы — и полна фуражка.

В лесу под кедрами валяются прошлогодние шишки. Напрасно вы будете искать в них орехи. От сырости шишки раскрылись, а те орехи, что в них оставались, успели растащить кедровки и мыши.

Но полакомиться все-таки можно. На земле, словно поверженные великаны, лежат стволы старых кедров. Древесина их почернела от сырости, потрескалась, а поверху пыльным ковром разросся зеленый мох. Сорвите этот моховой ковер с валежины, и в трещинах древесины вы увидите орешки. Они торчат оттуда, похожие на маленькие патрончики, зажатые в обойме. Здесь вы не найдете ни одного пустого. Все крупные, ядреные. Их запрятали кедровки. Об-



ходи валежину за валежиной и набивай карманы орехами. Это полноценная пища — в них и белки, и жиры, и углеводы.

В июне на влажных лугах и в поймах рек много съедобных растений — щавель, молодые побеги дудника и рогоза, сочные листья дягиля, которые в отваренном виде по вкусу очень напоминают спаржу.

А в мшистых темно-хвойных лесах растет дикий лук — черемша, любимое лакомство деревенских ребят и... медведей. Тут же можно найти нежную заячью капусту — кислицу.

Есть на болотах растения со съедобными корневищами. Вот высокий стебель с крупными розоватыми цветами. Это гусак, или хлебный корень. Его горизонтально расположенные корневища очень богаты крахмалом. Их надо печь на костре и есть. Можно печь и клубни стре-

лолиста — болотного растения с листом, напоминающим по форме наконечник стрелы. Съедобны и клубни бутеня.

Отправляясь в лес, предварительно изучите эти растения, чтобы потом в тайге не ошибиться.

Чаще всего на привал или ночлег останавливаются возле реки. Если вы даже убеждены, что в эту пору рыба не клюет, все же не мешает попытаться счастья и закинуть на ночь две-три закидушки, наживив крючки мертвой рыбкой или червями. Есть надежда, что клюнет налиим. Тогда поутру вы сварите великолепную уху.

Человеку расторопному и смекалистому в тайге голод не страшен. Главное, не растеряться и не струсить.

Г. БАБАКОВ, охотовед



В НОМЕРЕ:

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ СВЕРДЛОВ. К восьмидесятилетию со дня рождения.	
ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕМ. Э. Кадомцев	1
В ЕКАТЕРИНБУРГЕ. А. Парамонов	3
ЯКОП. Рассказ старого кета. Ив. Степанов	5
СЛЕДОПЫТЫ СЕЛУ	9
ФОТОГРАФИЯ И НАУКА. С. Другаль, кандидат технических наук	10
ВЕРТОЛЕТЧИКИ. В. Сибирев. Очерк	12
МЕРИДИАН РОМАНТИКИ. Ф. Овчаренко. Повесть. Продолжение	16
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ. М. Ткачев	32
В ЗООПАРКЕ. Б. Марьев. Стихи	33
К ЧЕТВЕРТОМУ УРАЛЬСКОМУ	34
ПЫЛАЮЩАЯ ВОДА. Е. Марысаев. Рассказ	36
МОЯ ОХОТА. В. Ищенко. Фотоочерк	42

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	44
ТРИСТА ЛЕТ СПУСТЯ. Г. Мишкевич	46
В СТРАНЕ ВЕТРОВ И ТУМАНОВ. В. Ляхницкий. Новеллы. Тетрадь четвертая	48
СОЛНЕЧНОЕ СЧАСТЬЕ. Ю. Трифионов. Стихи	53
БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ	56
НА МЕСТЕ БОЯ. И. Лунегов	57
ПОБЫВАЙТЕ НА СУК-ТАШЕ. Г. Попов	58
ХЛОПУШИН ПОИСК. Мих. Зуев-Ордынец. Историческая повесть. Окончание	59
ДЕКАЛОГ. Следопытская игра	76
ДВА МИРА В ЗЕРКАЛЕ ФАНТАСТИКИ. В. Бугров. Книжная полка	78
ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ. Г. Бабаков. Советы следопыту	79

Обложка М. Ткачева

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Ю. ХАЗАНОВИЧ.

Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.

Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01 (редактура), Д8-04-49 производ. отдел.

Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 12/V 1965 г. Бумага 84×108/16=2.62 бум. л.—8.61 печ. л. 11,89 уч.-изд. л.
НС 19346. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 291.

Типографий издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.



1. Рогоз широколистный. 2. Лук победный. 3. Лилия саранка. 4. Стрелolist обыкновенный.
5. Сусак зонтичный. 6. Лук гигантский.

Куп. 8-107⁹



30 коп.

73413

0